This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

3 2044 022 731 624

Slav 3215.15

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
VE RI TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

ОБОЗРѢНІЕ

ИСТОРІИ БѢЛОРУССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Ѳ. Турчиновича.

ИЗДАНІЕ В. А. ИСАКОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1857.

Slav 3215.15

HARVARD COLLEGE LIBRARY
COOLIDGE FUND
april 29, 1938

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 26 января 1856 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Время и причина происхожденія названія *Бѣлоруссіи* съ достовѣрностію не извѣстны; но, кажется, оно есть весьма древнее, мало по малу утвердившееся за этимъ краемъ, жители котораго, и по необходимости и по привычкѣ, носятъ бѣлую одежду.

Кажется, въ этомъ смыслѣ и отъ подобной причины произошли у насъ прозванія Руссій: Бѣлою, Червоною или Красною и Черною; по крайней мѣрѣ цвѣтъ національной одежды жителей этихъ мѣстъ опревдываетъ ихъ названія. Однакоже, это только *кажется,* но не болѣе; ибо, еще нельзя сказать ничего положительнаго ни о причинѣ, ни тѣмъ болѣе о времени появленія этихъ мѣстныхъ,

повидимому цвѣтныхъ, прозваній Руссій и Бѣлоруссіи вособенности; и въ этомъ случаѣ нельзя основываться ни на молчаніи объ ней лѣтописей, ни на позднее появленіе этого названія въ историческихъ памятникахъ. Извѣстно, что нѣкоторые Русскіе Историки (Татищевъ, Шуваловъ и др.) пріурочивали названіе *Бѣлой* къ разнымъ мѣстамъ Россіи. Еще труднѣе сказать: когда возникло это названіе? Бѣлая, Червоная, Черная Русь — *Русь!* Слѣдовательно, не ранѣе какъ въ концѣ IX, или въ началѣ X столѣтія. Такъ, а быть можетъ, и не такъ; ибо, для этого слѣдовало бы еще положительно дознать: что̀ наконецъ такое эта за таинственная *Русь,* которою нѣкоторымъ *пахнетъ* не только въ Россіи гораздо ранѣе IX вѣка; но даже еще во времена глубочайшей древности, еще задолго до Рождества Христова, въ Европѣ и самой Азіи? Да наконецъ-то и самое слово *бѣлый* въ какомъ должно быть понимаемо смыслѣ: цвѣтномъ или восточномъ — независимый, великій? Уже въ VI столѣтіи встрѣчаются съ этимъ прозваніемъ страны и пле-

мена: Бѣло-Сербія и Бѣло-Хробація, Сербы Бѣлые и Хорваты Бѣлые — но въ какомъ смыслѣ? Карамзинъ — относящій появленіе прозванія Россіи *бѣлою* ко временамъ уже болѣе къ намъ близкимъ — понимаетъ его въ смыслѣ восточномъ; что же касается до личнаго нашего мнѣнія, то прозваніе извѣстной части Россіи *бѣлою*, именно нынѣшней Бѣлоруссіи, должно быть принимаемо въ смыслѣ цвѣтномъ. Въ этомъ смыслѣ извѣстно не мало народныхъ названій; такъ, еще Геродотъ говоритъ объ Агаѳирсахъ — золотоношахъ, народѣ золотистой одежды, и, въ противуположность имъ, о Меланхленахъ — смурыхъ кафтанахъ; а Геродотъ, какъ извѣстно, переводилъ по-гречески значеніе сообщаемыхъ и объясняемыхъ ему пріятелемъ его и Скиѳами названій народовъ, въ которыхъ нынѣ хотятъ видѣть предковъ Славянъ (*).

(*) Какъ знать, быть можетъ еще Гомеръ говоритъ объ нихъ такимъ же образомъ? Просимъ припомнить, что̀ высказалъ объ этомъ *О. И. Сенковскій*, доказывавшій, между прочимъ, что Гераклиды, Геркулесичи, Полиѳемичи, Кривичи, а слѣдовательно и Бѣ-

Настоящая Бѣлоруссія, въ прежнія времена, простиралась: съ сѣвера на югъ отъ города Дриссы на Двинѣ и озера Освѣя до Могилева и Друцка, а съ востока на западъ отъ Великихъ Лукъ и отъ рѣки Ловати до мѣстечка Бѣлаго, на границѣ губерній Виленской и Минской, т. е. Бѣлоруссіею, въ самомъ началѣ, называлась страна

лоруссы одно и тоже; что, послѣ разоренія Трои, знаменитый Одиссей (Себѣгнѣвъ, Zbigniew) — не могшій, по волѣ озлобленнаго на него Нептуна (Скалотряса), долгое время найти дорогу въ отечество — бродя изъ страны въ страну, забрелъ наконецъ въ нынѣшнюю Бѣлоруссію къ Кривичамъ, поклонявшимся богу Полиѳему — Одноглазому, Одноглазнику, которому Одиссей вырвалъ единственный глазъ. Жаль, что ни одинъ изъ нашихъ ученыхъ не отвѣтилъ на эту статью Сенковскаго, написанную имъ по поводу перевода *Одиссеи* Жуковскимъ (см. *Библ. для Чт.* кн. I и II за 1849 г.) Ее сочли парадоксомъ и только; а междутѣмъ этотъ парадоксъ — плодъ многолѣтнихъ изслѣдованій, необыкновенной учености и самыхъ остроумныхъ соображеній — въ основаніи своемъ сходенъ съ мнѣніемъ *Шафарика* — что Славяне отвѣчные обитатели на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и нынѣ живутъ, что жили тутъ во время Геродота; а потому, что же не вѣроятнаго и въ томъ, что жили они тутъ и во время Гомера, могшаго говорить объ нихъ также, какъ и Геродотъ?

между Двиною, Днѣпромъ и Друтью; въ настоящее же время, подъ общимъ названіемъ Бѣлоруссіи извѣстны двѣ нынѣшнія губерніи: Могилевская и Витебская, заисключеніемъ трехъ ея Лифляндскихъ уѣздовъ: Динабурскаго, Люценскаго и Рѣжицкаго, составлявшихъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, послѣ Оливскаго въ 1660-мъ году мира, *Польскую Лифляндію* (Inflanty Polskie).

Бѣлоруссія имѣетъ свою собственную исторію, которую можно бы раздѣлить на древнюю и новую. Ея древняя, ея собственная исторія, мало извѣстна; новая же, начинающаяся съ XV столѣтія, тѣсно связана съ политическою исторіею Литвы, Польши и Россіи. По своему географическому положенію, Бѣлоруссія сдѣлалась поприщемъ, на которомъ въ теченіе послѣднихъ четырехъ столѣтій рѣшались оружіемъ, почти всѣ вопросы, составлявшіе политическую жизнь этихъ державъ — и послѣдствія этой вѣковой, кровопролитной борьбы составляютъ судьбу и новую исторію Бѣлорусскаго края. Я имѣлъ въ виду его преимущественно древ-

нѣйшую исторію; такъ какъ позднѣйшая, вособенности съ конца XVII ст., лишенная всякой самобытности, заставила бы только составлять безсвязный перечень событіямъ, или повторять исторію Россіи и Польши.

Никто прежде меня не писалъ объ этомъ предметѣ; потому, быть можетъ, я не могъ избѣжать ни трудностей, ни неудачъ, ни недостатковъ, свойственныхъ каждому начинанію.

Г. Могилевъ.
Марта 19-го 1855-го года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

стр.

Курганы. — Древнѣйшіе обитатели. — Скиѳы, Буддины и Гелоны. — Прибытіе родоначальниковъ Славянъ. — Геты. — Дак-пето-поріаны. — Венеды, Анты; Славяне. — Сходство названій бѣлорусскихъ съ придунайскими. — Новое движеніе Славянъ. — Полочане, Кривичи, Радимичи, Дреговичи. — Норманны; Гаддингъ и Рагнаръ. — Покореніе жителей Рюрикомъ и Олегомъ 1

КНИГА ВТОРАЯ.

Рогволодъ и Рогнѣда. — Сватовство Владиміра. — Отказъ Рогнѣды. — Взятіе Полоцка. — Убіеніе Рогволода. — Судьба Рогнѣды. — Горислава. — Месть. — Ссылка. — Изъяславъ родоначальникъ Князей Полоцкихъ. — Возстаніе Радимичей. — Начало родовой вражды. — Война Брячислава съ Ярославомъ. — Всеславъ Полоцкій. — Война. — Битва на Немизѣ. — Всеславъ В. К. Кіевскимъ. — Война съ Болеславомъ II. — Бѣгство. — Война продолжается. — Смерть Всеслава. — Удѣлы. — Изувѣрство Глѣба Минскаго. — Мономахъ идетъ на Глѣба. — Усмиреніе. — Походъ Мстислава на Князей Полоцкихъ. — Ссылка ихъ въ Византію. — Возвращеніе. — Междоусобіе. — Своеволіе Полочанъ. — Въ Полоцкѣ республика 27

КНИГА ТРЕТІЯ.

стр.

Усиленіе Литвы при Кернусѣ и Ердзвиллѣ. — Набѣги. — Княжество Литовско-Завилейское. — Мингайло покоряетъ Полоцкъ. — Княжество Литовско-Полоцкое. — Гиниллъ. — Борисъ. — Рогволодъ. — Потомки Рогнѣды мало по малу исчезаютъ съ лица исторіи 47

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Зависимость южной Ливоніи отъ Полочанъ. — Прибытіе купцовъ Нѣмецкихъ. — Торговыя конторы. — Миссіонеры. — Мейнгардтъ. — Бартольдъ. — Альбертъ. — Основаніе Гольма, Икскуля, Риги. — Учрежденіе ордена Меченосцевъ. — Столкновеніе съ Князьями Полоцкими. — Владиміръ. — Альбертъ и Василій. — Угнѣтеніе жителей. — Возстаніе. — Герсике и Вячко. — Литва усиливается. — Ердзвиллъ покоряетъ нынѣшнюю Бѣлоруссію и Смоленскъ. — Миндовгъ. — Тевтовиллъ въ Полоцкѣ, Арвидъ въ Рогачевѣ, Тройнатъ на Жмуйли. — Междоусобіе. — Полоцкъ подаренъ Ордену. — Убіеніе Миндовга, Тевтовилла, Тройната. — Лютаворъ въ Полоцкѣ 53

КНИГА ПЯТАЯ.

Судьба Бѣлоруссіи. — Событія. — Два Довмонта. — Рымундъ возвращаетъ Полоцкъ Литвѣ. — Витенесъ выкупаетъ его. — Отдаетъ въ удѣлъ Воину. — Война съ Крестоносцами. — Основаніе Могилева. . 73

КНИГА ШЕСТАЯ.

Гедиминъ. — Судьба Рогнѣдина потомства. — Бракъ Ольгерда съ Маріею Витебскою. — Андрей Ольгердовичъ. — Война съ Крестоносцами. — Любко Полоцкій. — Распри съ Псковомъ. — Удѣлы Ольгердовичей въ Бѣлоруссіи. — Ягелло. — Распри Ольгердовичей. — Андрей Кейстутьевичъ. — Скиргел-

стр.

ло. — Распря за Полоцкъ. — Вмѣшательство Ордена. — Смерть Кейстута. — Андрей записываетъ Полоцкъ Ордену. — Вторженіе Крестоносцевъ въ Бѣлоруссію. — Изувѣрство Святослава Смоленскаго. — Усмиреніе. — Ягелло въ Бѣлоруссіи. — Скиргелло. — Витольдъ. — Свидригелло. — Война за Витебскъ. — Свидригелло В. К. Литовскимъ. — Заговоръ. — Бѣгство. — Битва подъ Ошмянами. — Императоръ и Крестоносцы. — Миръ. — Опять война. — Битва подъ Вилькомиромъ. — Участь Свидригеллы. — Свидригелла скрывается. — Казиміръ. — Дѣла Смоленскія. — Разныя событія . . 88

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Война Іоанна III съ Казиміромъ и Александромъ. — Ведрошская битва. — Перемиріе. — Борьба Василія съ Сигизмундомъ. — Битва подъ Оршею. — Кон. Острожскій. — Новая война. — Опустошеніе Бѣлоруссіи. — Глинскій. — Вторая битва подъ Оршею. — Переговоры о мирѣ. — Осада Полоцка. — Чудо. — Перемиріе. — Борьба Іоанна IV съ Сигизмундами, — Первое вторженіе Россіянъ въ Бѣлоруссію. — Второе; взятіе Гомеля. — Построеніе Себѣжа и Велижа. — Перемиріе 116

КНИГА ОСЬМАЯ.

Паденіе Ордена. — Соединеніе Ливоніи съ Литвою и Польшею. — Вторженіе Россіянъ въ Бѣлоруссію. — Взятіе Полоцка. — Переговоры о мирѣ. — Пораженіе: Шуйскаго подъ Чашниками, Оболенскаго подъ Оршею. — Опустошеніе Бѣлоруссіи. — Перемѣна въ Іоаннѣ. — Бѣгство Курбскаго. — Осада Полоцка. — Переговоры о мирѣ. — Построеніе замковъ около Полоцка. — Успѣхи Витебскаго воеводы Паца. — Подвиги Сангушки. — Взятіе Уллы. — Осада Витебска. — Смерть Сигизмунда. — Перемиріе. — Борьба Іоанна съ Баторіемъ. — Московское

стр.

войско вторгается въ Ливонію. — Первый походъ Баторіевъ на Полоцкъ. — Осада и взятіе его. — Покореніе сосѣдственныхъ замковъ. — Второй походъ: на Великія Луки. — Военный совѣтъ въ Чашникахъ. — Покореніе Велижа и Усвятъ. — Осада В. Лукъ. — Покореніе Невеля и Заволочья. — Болѣзнь Короля въ Полоцкѣ. — Третій походъ: на Псковъ. — Перемиріе 140

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Постепенное угнетеніе Православія въ Литвѣ. — Унія. — Убіеніе въ Витебскѣ Архіепископа Іосафата Кунцевича. — Унія въ Малороссіи. — Хмѣльницкій волнуетъ Литву и Бѣлоруссію. — Усмиреніе. — Подданство Малороссіи. — Борьба Алексѣя съ Казиміромъ. — Первый походъ: взятіе Смоленска, покореніе Бѣлоруссіи. — Второй походъ: покореніе Литвы, взятіе Вильны. — Король Шведскій вторгается въ Польшу. — Виленскій договоръ. — Третій походъ. — Оливскій договоръ. — Успѣхи Польши. — Подвиги Польскихъ полководцевъ. — Мѣстничество губитъ Московскихъ воеводъ. — Война продолжается. — Миръ 200

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

Раздѣлъ Польши. — Присоединеніе Бѣлоруссіи къ Россіи. — Воеводства: Полоцкое, Витебское, Мстиславское, Лифляндское 233

КНИГА ПЕРВАЯ.

Заселеніе страны.

Курганы. — Древнѣйшіе обитатели. — Скиѳы, Будлины и Гелоны. — Прибытіе родоначальниковъ Славянъ. — Геты. — Дак-пето-поріаны. — Веведы, Анты; Славяне. — Сходство названій бѣлорусскихъ съ придунайскими. — Новое движеніе Славянъ. — Полочане, Кривичи, Радимичи, Дреговичи. — Норманны; Гаддингъ и Рагнаръ. — Покореніе жителей Рюрикомъ и Олегомъ.

I.

Геродотъ, опредѣливъ сѣверную границу Будлиновъ большею пущею, гдѣ находится огромное скопище водъ (1), не могъ ничего разузнать о другихъ странахъ, лежавшихъ далѣе на сѣверѣ баснословномъ, гдѣ за высокими неприступными горами, которыхъ никто не перехаживалъ, жили чудовищные обитатели: люди, спавшіе по шести мѣсяцевъ; одноглазые эримаспы и грипы, сторожившіе золото. Тамъ, въ числѣ странъ, оставшихся неизвѣстными для любознательнаго отца исторіи, былъ и нынѣшній Бѣлорусскій край, чрезъ который лишь протекающій Борисѳенесъ (Днѣпръ) былъ ему извѣстенъ въ его южномъ теченіи (2). Въ этомъ мракѣ, надъ которымъ бременѣетъ десять вѣковъ, нѣтъ исто-

ріи; а гдѣ нѣтъ ея, тамъ драгоцѣнно и преданіе, которое приводимъ.

«Въ то время, когда торговля Греціи съ отдаленными странами возвысила ея могущество и развила въ ней промышленность, Греки, посѣтивъ отдаленныя сѣверныя страны, нашли берега Днѣпра уже заселенными съ незапамятныхъ временъ народомъ многочисленнымъ, котораго богатство заключалось въ пчелахъ и лѣсномъ звѣрѣ, въ стадахъ многочисленныхъ и рыбѣ Днѣпровской; даже золото, неисповѣдимою волею Божіею, также дано было въ удѣлъ этому народу, не дошедшему до познанія истиннаго Бога; да и міръ въ то время еще не былъ осчастливленъ воплощеніемъ Слова Господня. Но человѣкъ не можетъ жить безъ воображенія о Богѣ, и нигдѣ ни одинъ дикій народъ не жилъ безъ какого нибудь представленія о немъ. Потому удивительно ли, что человѣкъ непросвѣщенный дикія имѣлъ понятія о Богѣ и еще болѣе странные обряды? Слѣды этихъ народовъ и ихъ обрядовъ остаются до нынѣ на своемъ первобытномъ мѣстѣ въ очевидныхъ памятникахъ ихъ могилъ; а память объ нихъ живетъ въ изустныхъ преданіяхъ народа. Скиѳы, жившіе надъ Днѣпромъ, пребываютъ, какъ слышно, и нынѣ — тамъ, гдѣ живутъ — въ язычествѣ. Они никогда не зарывали мертвыхъ въ ямы; но коль скоро кто умиралъ изъ нихъ, то тѣло его выносили на мѣсто погребенія. Тамъ нѣкоторыя тѣла жгли, иныя просто клали на землю безъ погребенія, оставляя лишь при нихъ яства и напитки. Сюда собирался народъ, съѣдалъ и выпивалъ что находилъ; а на тѣло умершаго носилъ землю и сы-

палъ курганъ ([3]). Потому, кто изъ нихъ былъ богаче, или кто во время жизни пріобрѣлъ болѣе друзей — къ тому болѣе собиралось трапезниковъ, тому долѣе и бо́льшій насыпали курганъ. Тѣла царей, витязей и женъ ихъ складываемы были отдѣльно, въ отдаленіи отъ прочихъ; потому надъ ними курганы уединенные и бо́льшіе. А надъ злыми и преступниками не сыпали кургановъ: звѣри хищные пожирали тѣла ихъ. Этотъ народъ были Скиѳы номады и охотники ([4]).»

II.

Дѣйствительно, земля Бѣлоруссіи вздымается курганами (tumulus) повсемѣстно; особенно же въ области, центромъ которой можно принять среднее теченіе Днѣпра: съ лѣвой его стороны — начиная не много выше мѣстечка Шклова Могилевскаго уѣзда до устья Припети и до прежнихъ границъ Литовскихъ владѣній съ Россіею — а съ правой, область кургановъ простирается чрезъ Борисовскій уѣздъ до границъ собственной Литвы. Но наиболѣе находится ихъ: съ одной стороны — между р. Друтью и низовымъ теченіемъ Березины, съ другой — между г. Могилевомъ и р. Сожемъ. Въ этой области — среди которой будетъ Рогачевъ — вдоль берега Днѣпра, въ такомъ множествѣ являются столпленными эти таинственные курганы, что невольно рождается мысль, будто бы эта страна была вѣковымъ кладбищемъ какого-то многочисленнаго народа въ древности. Еще живое народное преданіе и до настоящаго времени чтитъ ихъ могилами пер-

вобытнаго народа, столицею котораго былъ нынѣшній уѣздный городъ Рогачевъ, расположенный на полуостровѣ, имѣющемъ видъ согнутаго рога, образуемаго устьемъ Друти въ Днѣпръ (5).

Кто были курганокопатели? Были-ль они, въ самомъ дѣлѣ, Скиѳы; или Герры, какъ думаютъ нѣкоторые (6)? А область нынѣшняго Рогачева (7) не была-ль она посвящена, избрана для обширнаго кладбища, завѣтнаго святилища, народнаго кампосанто? Конечно, это лишь предположеніе; но все же правдоподобное, вызванное обычаемъ и примѣромъ изъ дѣйствительной жизни Геродотовыхъ Скиѳовъ, имѣвшихъ особо избранную мѣстность, куда вывозили для погребенія тѣла своихъ царей, надъ которыми насыпали высокіе курганы, сохранившіеся и до нашихъ дней на берегахъ Днѣпровскихъ.

Со всѣмъ тѣмъ, невѣроятно, чтобы эти могилы были Скиѳскія: кочевой народъ, любившій приволье степей необозримыхъ, не могъ зайти такъ далеко на сѣверъ, гдѣ, среди лѣсовъ дремучихъ и топей не проходимыхъ, одна часть его погибла бы неизбѣжно, а остальная должна бы была переродиться нравственно, чтобы усвоить новый образъ жизни въ иной землѣ, среди иной природы. Скиѳы погибли или переродились тамъ, гдѣ жили — на степяхъ при черноморскихъ — и Рогачевскіе курганы ужь никоимъ образомъ не могутъ свидѣтельствовать о пребываніи ихъ въ этомъ краѣ (8).

Кеппенъ, на всемъ пространствѣ отъ моря Чернаго до залива Финскаго, различаетъ три рода древнихъ могильныхъ кургановъ: древнѣйшіе или скиѳ-

скіе между моремъ Чернымъ и Обояномъ (Курской губерніи), Варягорусскіе около Ладоги и Волхова и третіе — Казацкіе въ Украйнѣ. Но, неужели до Варягорусской эпохи у восточныхъ Славянъ не было въ обыкновеніи насыпать холмовидныхъ могилъ, или кургановъ, попадающихся во множествѣ по всей землѣ Славянской? Неужели отъ временъ древнихъ Скиѳовъ до Казаковъ ни одинъ народъ, ни одно племя, обитавшее на этомъ огромномъ пространствѣ, не сыпало надъ умершими кургановъ?

Напротивъ того, погребеніе тѣлъ въ землѣ и сыпаніе надъ ними могилъ болѣе или менѣе высокихъ необходимо было, какъ способъ самый естественный и простой, во всеобщемъ употребленіи у всѣхъ народовъ. Одновременно съ нимъ существовалъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ и обрядъ сожженія тѣлъ; но обрядъ, уже по существу своему, справлявшійся лицами болѣе значительными или достаточными и — при всемъ томъ — все же погребавшими и послѣ этого прахъ въ землю — въ чемъ, между прочимъ, удостовѣряютъ могилы въ Мазовіи, въ Великой Польшѣ, въ Помераніи и Силезіи (9).

Кто же были курганокопатели (10): славяне или, быть можетъ, еще предшественники ихъ? Рѣшать это археологическія изслѣдованія, для насъ же остается лишь обязанность какъ можно глубже заглянуть въ древность, чтобы распознать въ ней по крайней мѣрѣ древнѣйшихъ, если не первобытныхъ обитателей этого края.

III.

Шафарикъ ([11]) считаетъ Славянъ аборигенами, жителями столь древними на своихъ мѣстахъ, какъ Кельты и Германцы на своихъ. Геродотовыхъ Будиновъ почитаетъ онъ древнѣйшимъ племенемъ славянскимъ, помѣщаетъ ихъ въ нынѣшней Бѣлоруссіи, гдѣ, именно въ Могилевской губерніи, находится много деревень, называемыхъ *будами*, будто бы основанныхъ этимъ народомъ. Быть можетъ, что Славяне столь же древни въ Европѣ, сколько Кельты и Германцы; но, чтобы деревни, называемыя будами, могли свидѣтельствовать названіемъ своимъ о пребываніи Геродотовыхъ Будиновъ въ этомъ краѣ, такъ это болѣе нежели сомнительно ([12]).

Не вѣроятнѣе ли другое, слѣдующее мнѣніе о времени заселенія этой страны Славянами.

Въ теченіе десяти лѣтъ, начиная съ 396 г. до Р. Х., изъ лона Кельтики, Галлы, подобно всесокрушающей лавѣ, устремлялись двумя бурными потоками на югъ Европы: на сѣверозападную Италію и на Паннонію. Стѣсненные этимъ напоромъ Паннонскіе народы въ свою очередь потѣснили сосѣдственныя съ ними племена Ѳракійскія; такъ, что толчекъ данный Галлами Паннонцамъ, сообщился чрезъ нихъ многимъ племенамъ. Началось передвиженіе. Первые паннонскіе Авторьяты нашли на земли Ѳракійцевъ: сдвинули Трибалловъ; Трибаллы потѣснили Кровызовъ и оба вмѣстѣ Гетовъ, обитавшихъ между Истромъ (Дунаемъ) и Гемомъ (Бал-

канами), которые, припихнутые всеобщимъ движеніемъ, съ этого времени (375 г.) начали мало по малу переселяться за Дунай.

Толчекъ данъ, направленіе пріобрѣтено и переселеніе, начавшись однажды, продолжалось уже съ этого времени постоянно, въ большей или меньшей степени, смотря по успѣхамъ населенія, всегда требующаго для жизни пространства. Судя по извѣстіямъ, сохраненнымъ исторіею, можно предполагать, что такое заселеніе задунайскихъ странъ Гетами, въ зависимости отъ естественныхъ успѣховъ населенія, продолжалось три столѣтія, въ теченіе которыхъ населеніе — съ одной стороны размножаясь на мѣстѣ путемъ нарожденій; съ другой, благопріятствуемое извнѣ переселеніемъ изъ Даціи — могло далеко распространиться въ странахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Дуная. Но, въ началѣ четвертаго столѣтія, это, такъ сказать, естественное заселеніе странъ задунайскихъ усилилось насильственнымъ образомъ ([13]).

Уже въ началѣ перваго столѣтія по Р. Х. открылись различныя столкновенія между Римлянами и Даками и — вскорѣ постигла ихъ судьба, общая народамъ, сосѣдственнымъ съ предѣлами обширной державы властолюбиваго Рима, начавшаго съ Дакогетами ([14]), подъ различными предлогами, войну. Въ борьбѣ, продолжавшейся долгое время, счастіе служило попеременно то одной, то другой сторонѣ. Наконецъ, Царь Гетовъ Дурасъ или Дурпанъ, стѣсненный Римскимъ полководцемъ Корнеліемъ Фускомъ, передалъ свое достоинство Децебалу, разбившему, въ 86 году по Р. Х., на голову

Римлянъ. Походъ Домиціана, въ 89-мъ году, на Дацію не принесъ имъ ни славы, ни пользы: Римскій полководецъ обязался ежегодною данью Дакамъ. Но, Траянъ низвергнулъ это иго и, въ 100-мъ году, снова началась война, счастливая для Рима. Доведенный до послѣдней крайности Царь Дако-Гетовъ Децебалъ, окруженный Траяномъ въ собственной столицѣ Зармизегетѣ, сокрывъ свои сокровища въ р. Саргетѣ (Стреѣ), рѣшился лучше сжечь себя добровольно, чтобы только не попасть въ руки враговъ своихъ.

Дація покорена, Дація обращена въ Римскую провинцію; однако не сбылись и надежды горделивыхъ Римлянъ. Они увидѣли лишь зрѣлище, которому не было ничего подобнаго: Дако-Геты народъ земледѣльческій, жившій въ селеніяхъ и городахъ, не желая покориться Римскому игу, явилъ безпримѣрный подвигъ, величественный примѣръ любви къ независимости народной: оставлялъ землю древнюю отцевъ своихъ, съ имуществомъ и пенатами двинулся на противуположный берегъ Дуная. Иди на стогны древняго Рима, а узришь тамъ этотъ величественный выходъ народа ([15]).

Перейдя Дунай, Даки, такъ сказать, перенесли съ собою и Дацію и съ этого времени Римскіе писатели начинаютъ различать уже двѣ Даціи: новую и древнюю или Траянову, оставшуюся пустынною, безлюдною, куда пришлось Римлянамъ стягивать переселенцевъ со всѣхъ концовъ своего царства.

Остановившись на лѣвомъ берегу Дуная, Дако-геты направили свои поселенія далѣе: Даки сперва къ юго-западу отъ Карпатовъ, Геты къ юго-востоку

отъ нихъ: сперва къ Серету, Днѣстру и Бугу; потомъ къ Вислѣ и наконецъ къ Днѣпру и Западной Двинѣ.

Изъ географовъ: Марина (110 г.), Птоломѣя (160 г.) и вособенности изъ Римскаго дорожника или певтингерскихъ таблицъ 210 года, видно, что по теченію Днѣпра, въ нынѣшней Могилевской и части Смоленской губерніи — отъ впаденія р. Ипути въ Днѣпръ, внизъ по теченію его до впаденія Ути въ Сожъ — обиталъ народъ *Дак-пето-порьяны*, т. е. обитатели, разсѣянные на большомъ другъ отъ друга пространствѣ ([16]).

IV.

О подобномъ распространеніи Гетовъ въ этѣ страны удостовѣряетъ многое. Такъ Геты, оставивъ Дацію, древнюю колыбель предковъ своихъ, старались сохранять и поддерживать хотя нравственные узы, связывавшія ихъ такъ сильно съ утраченною отчизною, родимою землею, жившею неизгладимо въ ихъ памяти и воображеніи, къ которой, хотя въ отдаленіи, но въ вѣчномъ сожалѣніи объ ней, они не переставали обращать свои мысли, чувства и взоры. Потому, куда судьба ни привела Гетовъ, туда переносили они съ собою и свои названія: тамъ рѣки, урочища и селенія именовали они названіями тѣхъ, которыя остались въ ихъ прежнемъ придунайскомъ отечествѣ. Такое сходство географическихъ названій съ придунайскими, бывшими въ Даціи, всего чаще встрѣчается въ странѣ, лежащей между Карпатами и р. Пили-

цею, по Бугу и Вислѣ и еще въ странѣ верхняго Днѣпра — и мы, ограничиваясь мѣстностію описываемаго края, укажемъ на слѣдующія сходныя, подобозвучныя географическія названія:

Въ Даціи и Мизіи:	*Въ Бѣлоруссіи:*
Дукирава	Дукора въ Минск. губ. надъ р. Свислочью.
Апула, Апулонъ	Аполе Смол. губ.
Зуси-дава	Чаусы.
Сарново	Жарново, *Шамово, Жуково (послѣднихъ есть много).
Ненти-дава	Надва въ Смолен. уѣздѣ.
Зари-дава	Ширки надъ Бѣсядью въ Мог. губ., Черея.
Зарги-дава	Суражъ, Черикова, *Суходрава рѣка и селеніе въ Оршан уѣздѣ.
Руси-дава	*Рогачевъ.
Ути-дава	Витьба р., Витебскъ, Утяны или Уцяны надъ Двиною, Уть или Уць надъ р. Утью.
Кани-дава	Камень въ Витеб. и Минск. губ.
Оболенсіи (Ѳрак.)	Оболь р. и м. въ Копыс. уѣз. и еще рѣка въ Полоц. уѣз.
Санъ-дава	Сѣнно, *р. Сожа или Сожъ.
Дортиконъ (надъ Дунаемъ)	*Дронченскъ, Друцкъ, Друтескъ.
Полода, Полтіо — бріа (Ѳрак.) ([17])	р. Полота и г. Полоцкъ.
г. Тивровъ у Тиритовъ надъ Тиромъ (Днѣстромъ)	Селенія: Туровли, Турски, Туровски, Турьевы въ Мог. и Витеб. гг.

Тіассонъ	Дисна городъ и рѣка.
Тріассонъ	Дрисса тоже городъ и рѣка.
Тирисконъ	Турскъ, Турья, Туровлянка въ Мог. и Витеб. гг. ([18]) *.

Къ распространенію этихъ Дакогетскихъ наименованій много могло способствовать вторженіе, около 210 года, Готовъ, поселившихся вблизи Гетовъ (Антовъ) и тѣмъ самымъ побудившихъ ихъ высылать новыя и новыя колоніи, далѣе и далѣе на сѣверъ. Въ то время еще свѣжи были въ памяти ихъ названія утраченной Даціи и въ своихъ новыхъ поселеніяхъ они еще не переставали быть народомъ придунайскимъ. Наконецъ, новое движеніе съ юга на сѣверъ, отъ Дуная къ Вислѣ, Двинѣ и Днѣпру, въ VI и VII столѣтіяхъ, снова поддержало въ переселенцахъ, быть можетъ, уже угасавшую, память о прежнемъ отечествѣ. Правда, огромное пространство земли и времени отдѣляло ихъ отъ него, потому-то и мало находимъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о памяти ихъ о своемъ древнемъ отечествѣ; памятниковъ, сохранившихся въ едва замѣтномъ, для многихъ, быть можетъ, сомнительномъ подобозвучномъ сходствѣ географическихъ названій:

Въ Даціи и Мизіи:	*Въ Бѣлоруссіи* (Могил. губ.)
Зермизирга, Нермизига, Гермигера	р. Чечера, м. Чечерскъ въ уѣз. Рогачев.

* Названія со звѣздочками и между ними означаютъ наши собственныя (не Лелевелевы) уподобленія; наша вина, если они неумѣстны.

Тіерна (надъ Дун.)	р. Черница, м. Черея въ уѣз. Сѣн.
Зуси-дава	Чаусы.
Зарги-дава	Чериковъ.
Клапинъ, Клепи-дава	*Кляпинъ въ Чериков., Кульпинъ въ Сѣн., Жлобинъ м. Рогачев. уѣз.
Зири-дава	Ширки Мог. губ. надъ р. Бѣсядью или Задункою, *Чериковъ, Суражъ, Жерино въ Сѣн., два с. Жарки въ Климовец., Жерстинъ въ Могилев.
*Зурабора	*д. Зубры въ Оршан. (бул. Зибричь?)
*Ольбіа или Ольвіа (греческая колонія при лиманѣ Борисѳен.)	*два с. Ольбы въ Климовец. уѣз.
*Гилѣя (упом. Геродотомъ).	*селеніе Гилѣя въ Сѣн уѣз.

Рѣки впадающія

въ Дунай у Гетовъ:	*въ Днѣпръ въ Бѣлоруссіи:*
Utus (Plevena, Vada)	Уть въ Сожь.
Osmus (Осьма Булгар)	Осьма около Дрогобужа.
*Aluta (древ. Tiarantus)	*Алюта въ Чаусов. уѣз.
*Rhabon (Шіуль) ([19])	*З. Двина въ древн. Рубонъ.
Trifulon	*Теребовль близь Орши.
Pirum	Проня въ Сожъ.
Cecora (Молдав.)	Чечора въ Сожъ.
Nenti-dava	Надва въ уѣз. Смолен.
*Drava	**Одрава* въ Днѣпръ, Сухо*драва* въ Двину, обѣ въ у. Оршан.

*Orsahea	*р. Оршица, г. Орша (напоминаетъ собою нынѣш. прид. г. Орсову); р. Ореса, впад. въ Березину въ Бобруйс. у.
*Sava	*два селенія Савы и одна р. въ Оршан. уѣздѣ).

Лелевель приводитъ болѣе шестидесяти географическихъ названій изъ древней Даціи; ихъ подобозвучное сходство съ таковыми же Польшѣ и Россіи подтверждаетъ извѣстіе о переселеніи въ этѣ страны Гетовъ, сдѣлавшихся родоначальниками восточныхъ Славянъ. «Хотя бы нѣкоторыя уподобленія названій были ошибочны и невѣрны, хотя бы онѣ относились къ городамъ уже и гораздо позже построеннымъ; со всѣмъ тѣмъ, еще останется много названій, могущихъ свидѣтельствовать о сходствѣ Славянскихъ географическихъ названій съ таковыми же въ Даціи ([20]).»

V.

Теперь, что касается названія.

Съ теченіемъ времени измѣнилось названіе Даковъ и Гетовъ: первыхъ на Венедовъ, вторыхъ на Антовъ и наконецъ, въ VI вѣкѣ, оба вмѣстѣ сдѣлались извѣстными подъ именемъ Славянъ (Sclavini), обитавшихъ отъ Дуная и моря Чернаго до Балтійскаго и отъ Днѣпра до Одры. Объ этомъ свидѣтельствуютъ писатели VI столѣтія: Іорданъ, Прокофій и Менандръ. Такъ, Іорданъ говоритъ, что къ сѣверу отъ Даціи (древней) вся страна отъ Вислы занята поселеніемъ Венедовъ, которые хотя и под-

раздѣляются на многія поколѣнія, носящія каждое особое названіе, со всѣмъ тѣмъ называются двумя главными именами *Славянъ* и *Антовъ*. Первые обитаютъ начиная отъ города Новадунума (Novodunum), что на Дунаѣ, и озера Мизійскаго (Рамзинъ) до Днѣстра и Вислы, живутъ въ лѣсахъ и болотахъ; поселенія же вторыхъ, самаго многочисленнѣйшаго изъ нихъ племени, простираются по берегу Чернаго моря между Днѣстромъ и Днѣпромъ ([21]). Тоже самое говоритъ и Прокопій: за Истросомъ (Дунаемъ) живутъ Гунны (Авары), Славяне и Анты; однихъ и другихъ, Славянъ и Антовъ, языкъ варварскій; нѣкогда носили они одно общее имя, и оба въ древности назывались *спорами* — названіе, какъ кажется, происшедшее отъ разбросанныхъ жилищъ, или поселеній по обширнымъ, спорымъ пространствамъ ([22]); живущіе при Меотѣ и морѣ Черномъ, называются Утургурами; а къ сѣверу отъ нихъ безпредѣльную страну занимаютъ Анты. Такимъ образомъ, на всемъ этомъ неизмѣримомъ пространствѣ, начиная отъ устья Дуная на сѣверъ къ морю Балтійскому, въ странахъ Вислы и Днѣпра обитали Славяне. Это, недавно возникшее, имя было общимъ названіемъ народа, извѣстнаго до того подъ именемъ Антовъ и Венедовъ. Первое названіе относилось къ племени, занимавшему восточную половину этого пространства, обитавшему къ востоку отъ Вислы, по Днѣпру и къ сѣверу отъ него; Венедами же назывались западныя племена, обитавшія къ западу отъ Вислы. Это именно пространство, какъ мы видѣли, и заняли Дакогеты: такъ что Даки, обратившіеся къ сѣверо-западу отъ Ду-

ная къ Карпатамъ и далѣе соотвѣтствуютъ Славянамъ; а Геты, направившіеся къ Днѣстру, Днѣпру и Вислѣ соотвѣтствуютъ Антамъ. Одинъ и тотъ же языкъ, одна и та же народность соединяла Даковъ съ Гетами, Славянъ съ Антами ([23]).

Такимъ образомъ, между Дако-пето-порьянами прежде всего появилось названіе Антовъ. «Слово *анта* — говоритъ Шафарикъ — по свойству языковъ должно было бы выговариваться: по старославянски или кириловски *анта* по ново-булгарски *ата*, по русски и сербски *ута*, по-кроатски *вота*, по-польски *вонта*, по-старочески *ата*, а по-новочески *аута*.» Вотъ, въ разныхъ мѣстахъ земли славянской попадаются названія, происходящія отъ темнаго и давно затеряннаго корня *ут*, такъ напримѣръ: *Уть* селеніе и рѣка, впадающая въ Сожъ Могилев. губ., *Уты* деревня надъ Десною Орлов. губ., *Утинка* деревня въ Смоленской, *Утяны* въ Вилен. губ. надъ Двиною ([24]); въ названіи же *Утадавы* города въ Даціи, этотъ корень слышится во всей силѣ. Потому, кажется вѣроятнымъ, что имя Антовъ было лишь мѣстнымъ географическимъ названіемъ, принятымъ частію обширнаго племени въ смыслѣ особенности, или мѣстнаго племяннаго названія.

Главныя жилища Антовъ въ концѣ IV, даже въ VI и VII столѣтіяхъ простирались по берегу Чернаго моря отъ устья Дуная до Днѣпра; такъ что должно сомнѣваться въ обширности ихъ поселеній на сѣверѣ, по Днѣпру ранѣе VI столѣтія. Несторъ какъ бы не знаетъ объ Антахъ и когда не говоритъ о томъ, чтобы какіе нибудь Славяне пришли

къ Днѣстру, сѣла и прозвались этимъ именемъ, то этимъ почти ясно высказываетъ то, что онъ считаетъ ихъ мѣстными жителями, старожилами, аборигенами (25).

Итакъ, Славяне восточные и западные суть потомки Дакогетовъ и пришли отъ Дуная. Еще до нашихъ дней сохранилась между ними память о первобытной колыбели. Такъ, нашъ простой народъ съ какимъ-то священнымъ уваженіемъ, если не любовію, въ своихъ завѣтныхъ пѣсняхъ и сказаніяхъ упоминаетъ о *широкомъ*, *сѣдомъ*, *старомъ Дунаѣ*. Бѣлоруссы, именующіе его въ своихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ то *бѣлымъ*, то *тихимъ*, то *широкимъ* Дунаемъ, — едва ли не болѣе прочихъ племенъ Славянскихъ сохранили объ немъ памяти; въ странѣ ихъ есть даже рѣки, именуемыя его завѣтнымъ именемъ. Такъ, въ самомъ Витебскѣ (Uti-dava) рѣчка, плывущая въ Двину, называется *Дунаемъ*; Бѣсядь, впадающая въ Сожъ въ Могилевской губерніи, носитъ еще названіе *Задунки* и наконецъ еще *Дунаецъ* въ Быховскомъ уѣздѣ (26) — все это названія, принесенныя переселенцами съ береговъ Дуная, быть можетъ, даже гораздо ранѣе нашей эры.

VI.

Побудительныя причины къ переселенію скрываются въ лонѣ народа; но сколько можно судить объ этомъ, то размноженіе населенія и безпокойное сосѣдство племенъ враждебныхъ являются главнѣйшими поводами къ этому. Кажется, что оба одновременно и вмѣстѣ подняли предковъ нашихъ съ

мѣста, заставили Антовъ и Славянъ придунайскихъ предпринять, съ конца VI вѣка, переселеніе далѣе на Сѣверъ въ обширныя равнины, уже съ давняго времени мало по малу занимавшіяся колонистами имъ соплеменными.

Несторъ — начиная, по примѣру Византійскихъ писателей, свой разсказъ потомками Ноя—увѣряетъ, что языкъ или народъ Славянскій Яфетова племени, что онъ долгое время жилъ надъ Дунаемъ — тамъ, гдѣ нынѣ Венгрія и Булгарія. Отсюда Славяне разошлись въ разныя стороны, сѣли и прозвались по мѣстамъ: тѣ, которые посѣлились около рѣчки Моравы прозвались Моравами; а другіе назвались Чехами, Хорватами бѣлыми, Сербами, Хорутанами. Когда Валахи надвинулись на Славянъ придунайскихъ и стѣснили ихъ, то Славяне пошли и сѣли надъ Вислою и прозвались Ляхами, отъ нихъ же Поляне, Лутичи, Мазовшаны, Поморяне. Оттуда же Славяне пришли и сѣли около Днѣпра и прозвались Полянами, другіе Древлянами оттого, что посѣлились въ лѣсахъ. Нѣкоторые поселились между Припетью и З. Двиною и прозвались Дреговичами, другіе отъ впадающей въ Двину рѣчки Полоты прозвались Полочанами. Отъ нихъ же, т. е. Полочанъ, Кривичи, которые сидятъ у верховьевъ Волги, Двины, Днѣпра, у нихъ городъ Смоленскъ; отъ нихъ Сѣверяне. Часть Славянъ сѣла такъ же около озера Ильменя и прозвалась своимъ именемъ — Славянами. Два брата, отъ племени Ляховъ, *Радимъ* и *Вятко* пошли отъ запада на востокъ: Радимъ пришелъ и сѣлъ съ родомъ своимъ на рѣкѣ Сожѣ въ нынѣшней Могилевской губерніи и отъ него про-

звались Радимичи, а Вятко на Окѣ и отъ него Вятичи.

Движеніе Антовъ изъ странъ приэвксинскихъ, случившееся нѣсколько позже, неизбѣжно имѣло своимъ послѣдствіемъ усиленіе Полянъ, Кіевскихъ и Сѣверянъ. Новгородскіе Славяне согнали съ мѣста Чудь и заняли ихъ землю. Вѣроятно Древляне и Дреговичи подобнымъ же образомъ вытѣснали изъ лѣсистыхъ мѣстъ туземцевъ аборигеновъ, принадлежавшихъ, кажется, къ племени Чудофинскому. Такимъ образомъ оттѣсняемы были болѣе и болѣе къ сѣверу народы Чудскаго племени, котораго, хотя и не многочисленныя, поселенія были, какъ кажется, разсыпаны по всей средней полосѣ Россіи (27).

Итакъ, слѣдуя Нестору, въ самомъ началѣ нашей исторіи находимъ въ нынѣшней Бѣлоруссіи: *Полочанъ*, обитавщихъ по рѣкѣ Полотѣ; далѣе отъ нихъ *Кривичи*, жившіе у верховьевъ Волги, Днѣпра и Двины и занимавшіе самую обширную страну: отъ озера Чудскаго до истоковъ Волги, Днѣпра и Двины, до устья р. Случи и до границъ собственной Литвы и Ливоніи — страну, включающую въ себѣ по нынѣшнему раздѣленію губерніи, Псковскую, Смоленскую, Витебскую и части Могилевской, Минской и Виленской. Въ нынѣшней Могилевской губерніи, по теченію р. Сожи, жили *Радимичи*; а за правымъ берегомъ Друти простирались поселенія *Дреговичей*, занимавшихъ пространство между З. Двиною и Припетью.

VII.

Полочане прозвались отъ рѣки Полоты, впадающей въ Двину ([28]). Они съ древнѣйшихъ временъ занимались торговлею съ Готландомъ и г. Висби, способствовали перевозкѣ товаровъ отъ Балтійскаго моря въ Азію: по Двинѣ до Витебска и отсюда волокомъ до Днѣпра и по немъ до Кіева.

Но загадочно, необъяснимо названіе Кривичей: кто они и почему прозвались этимъ именемъ? Если сходство названія Кривичей съ именемъ Литовскаго верховнаго жреца *Креве* есть случайное и не должно вести ни къ какимъ сближеніямъ ([29]), въ то время, какъ нѣкоторые доказываютъ, что Кривичи, исповѣдуя одинакую съ Литовцами вѣру, признавали и верховную власть его ([30]); такъ по тому же самому мы не вправѣ подобно нѣкоторымъ ([31]) производить названіе Кривичей отъ другаго Литовскаго слова *Kirba* — дрягва, болото, которыми въ самомъ дѣлѣ богата страна ихъ. Впрочемъ, это самое загадочное названіе; привевшее въ замѣшательство Шлёцера, усомнившагося даже въ Славянскомъ происхожденіи Кривичей ([32]).

Татищевъ производитъ это названіе отъ сарматскаго слова *креве* (верховье рѣки); сомнительно также, чтобы оно означало тоже самое, что и названіе Сѣверянъ ([33]); ибо если одно изъ племенъ Славянскихъ назвалось или названо Сѣверянами потому, что оно жило къ сѣверу отъ другаго — Полянъ Кіевскихъ; то не очевидно ли, что тѣже самые Славяне не имѣли никакой надобности пріиски-

вать неизвѣстнаго и, какъ кажется, вовсе чуждаго языку ихъ слова для обозначенія жителей, обитавшихъ отъ нихъ къ сѣверу и которыхъ они уже разъ сумѣли прозвать поэтому Сѣверянами. По нашему мнѣнію Кривичи одного происхожденія съ Славянами: какъ восточные Славяне вообще произошли отъ ѳракійскаго народа Гетовъ, такъ въ частности Кривичи произошли отъ ѳракійскихъ Кровызовъ или Кробызовъ (34).

Быть можетъ, что религія Кривичей была сходна съ вѣрою Литовцевъ — народа изъ всѣхъ индоевропейскихъ племенъ наиболѣе сближеннаго съ Славянами (35). Кривичи, подобно Литовцамъ, сожигали тѣла умершихъ и прахъ собирали въ особый сосудъ, зольницу; при погребеніи совершали игры — обряды, тоже соблюдавшіеся древними Пруссами и Литовцами; но и Славянами (36) также. Въ сохраненіи мира съ Греками Руссы поклялись Перуномъ, означавшимъ тоже самое, что у Литовцевъ и Пруссовъ Перкунасъ (37), но чтимый также и Славянами.

Только объ одномъ Смоленскѣ упоминаетъ лѣтописецъ; но кромѣ его, быть можетъ еще и древнѣе, у Кривичей были города *Полоцкъ*, *Витебскъ* (38), *Крево*; наконецъ, позднѣе встрѣчающійся въ лѣтописи, Торопецъ (отъ рѣки Торопы) у простаго народа *Кривитепскъ*, *Кривичь* или *Кривигъ* (39). Нынѣшнее мѣстечко Чериков. уѣзда *Кричевъ*, *Кривскъ* въ Рогачев., деревни: *Крево* и *Кревичи* въ Минской, р. *Кревина* впад. въ Двину, *Кревичи* подъ Полоцкомъ, *Кривецъ* или *Кривскъ* на р. Камби и *Кривское*

около Порхова еще до настоящаго времени напоминаютъ своими названіями Кривичей.

Названіе Радимичей и Вятичей Несторъ производитъ отъ имени родоначальниковъ и сообщаетъ преданіе, что оба племени происходятъ отъ Ляховъ. Не имѣемъ никакого права заподозрить это преданіе, показывающее, что эпоха прибытія этихъ племенъ не была слишкомъ отдаленною: о немъ помнили еще во времена лѣтописца. Что́ племена эти пришли позднѣе другихъ, такъ это доказываютъ избранныя ими жилища: Радимичи поселились на Сожѣ; а Вятичи должны были перейти далѣе на востокъ, на Оку, потому что земли на Деснѣ, между Сожью и Окою уже были заняты Сѣверянами (40). Только одно названіе нынѣшняго мѣстечка Черниковскаго уѣзда *Радомля* напоминаетъ Радимичей, у которыхъ быть можетъ онъ былъ столицею (41).

Названіе Дреговичей, обитавшихъ между Припетью и Двиною, происходитъ отъ слова *дрегва* — грязь, топь, которыми богата эта страна.

VIII.

Несторъ невыгодными красками описываетъ нравы первобытныхъ обитателей этого края. Радимичи, Вятичи и Сѣверяне имѣли одинакій обычай: жили въ лѣсу, какъ звѣри, ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и передъ снохами; браковъ у нихъ не было, но игрища между селами, гдѣ молодые люди, сговорившись съ дѣвицами, похищали ихъ; держали по двѣ и по три жены. Роди-

мичи, Вятичи, Сѣверяне и Кривичи при погребеніяхъ совершали *тризну*, и угощали во время *ея* *стравами* (42); потомъ сожигали трупъ, кости собирали въ небольшой сосудъ, который ставили на столпѣ при дорогѣ. Одновременно съ обычаемъ сожиганія и ставленія урнъ съ пепломъ на придорожныхъ столпахъ, существовалъ обычай погребенія въ могилахъ, которыя сыпали холмами (43).

Этимъ оканчиваются всѣ наши свѣденія о первобытныхъ обитателяхъ Бѣлоруссіи, и нѣтъ никакихъ извѣстій объ ихъ общественномъ бытѣ. Но гдѣ есть общество — тамъ должно быть и правленіе, которое у нашихъ Славянъ, раздѣлявшихся на общины, было народное подъ управленіемъ старѣйшинъ (44). Но живя разсѣянно, безъ связи и общаго правленія народы не могутъ долгое время сохранять своей независимости и — Радимичи потеряли ее въ началѣ VIII столѣтія, признавъ надъ собою власть Козаровъ, которые въ концѣ VII и началѣ VIII вѣка, привевъ въ трепетъ Римскую Имперію, обратили свое оружіе къ странамъ Днѣпра и Оки: Каіанъ обложилъ данью Сѣверянъ, Радимичей, Вятичей и Дреговичей. Радимичи и Дреговичи платили сперва по *бѣлкѣ*, а послѣ по *щлягу* съ двора или дыма.

IX.

Гораздо ранѣе призванія трехъ братьевъ Варяго-Руссовъ въ Россію сѣверо-западная часть ея уже была извѣстна предпріимчивымъ соплеменникамъ ихъ (45). Отважные Норманскіе Конунги, Гаддингъ

и Рагнаръ Ладброкскій, проникали по Двинѣ въ нынѣшнюю Витебскую губернію даже до Полоцка, который, по своему положенію, быть можетъ, былъ любимымъ пристанищемъ для Норманскихъ искателей приключеній (46). Со всѣмъ тѣмъ сомнительно, чтобы они успѣли въ придвинской области завести свои поселенія, и еще тѣмъ болѣе основать какія либо независимыя княжества, какими нѣкоторые считаютъ Полоцкое, Туравское и Герсике надъ Двиною, въ нынѣшнемъ Динабургскомъ уѣздѣ Витебской губерніи (47). Впрочемъ, если же это и могло быть, такъ подобному происхожденію обязано развѣ одно Герсике (48), котораго исторія намъ почти неизвѣстна; хотя съ другой стороны, должно сознаться, что это предположеніе довольно правдоподобно, такъ какъ Руссы имѣли цѣлую область около средняго теченія Нѣмана и Исландецъ Снорръ-Сонъ, путешествуя по Литвѣ, находилъ своихъ единоплеменниковъ почти около нынѣшнихъ Трокъ (49).

X.

Вскорѣ послѣ основанія Монархіи, около 864 г., Кривичи и Полочане добровольно покорились Рюрику, отдавшему Полоцкъ въ управленіе одному изъ своихъ единоземцевъ, имени котораго не знаемъ (50). Чрезъ восемнадцать лѣтъ послѣ, въ 883 г., и остальные Кривичи, населявшіе сѣверо-восточную часть нынѣшней Могилевской губерніи, вѣроятно вмѣстѣ съ Кривичами Смоленскими, безъ сопротивленія покорились храброму Олегу. Нако-

нецъ, по перенесеніи Русской столицы въ Кіевъ, когда Олегъ, желая соединить съ нимъ Новгородъ приведеніемъ всѣхъ племенъ, обитавшихъ между этими городами подъ свою власть, завладѣлъ землями Древлянъ и Днѣпровскихъ Сѣверянъ, сосѣдственные съ ними Радимичи — жители береговъ Сожскихъ добровольно покорились, согласившись платить Великому Князю туже подать, какую давали они Казарамъ — по *щлягу* — названіе монеты и до нынѣ сохранившееся между Бѣлоруссами (54). Лѣтописи не говорятъ, когда покорены Дреговичи, обитавшіе въ Западной части нынѣшней Могилевской губерніи въ сосѣдствѣ съ Радимичами; но если при Олегѣ все пространство между Новгородомъ и Кіевомъ входило въ составъ Россійской Монархіи, то можно предполагать, что и это племя покорилось, или покорено было въ одно время съ своими сосѣдями Радимичами.

КНИГА ВТОРАЯ.

Князья Полоцкіе.

Рогволодъ и Рогнѣда. — Сватовство Владиміра. — Отказъ Рогнѣды. — Взятіе Полоцка. — Убіеніе Рогволода. — Судьба Рогнѣды. — Горислава. — Месть. — Ссылка. — Изъяславъ родоначальникъ Князей Полоцкихъ. — Возстаніе Радимичей. — Начало родовой вражды. — Война Брячислава съ Ярославомъ. — Всеславъ Полоцкій. — Война. — Битва на Немизѣ. — Всеславъ В. К. Кіевскимъ. — Война съ Болеславомъ II. — Бѣгство. — Война продолжается. — Смерть Всеслава. — Удѣлы. — Изувѣрство Глѣба Минскаго. — Мономахъ идетъ на Глѣба. — Усмиреніе. — Походъ Мстислава на Князей Полоцкихъ. — Ссылка ихъ въ Византію. — Возвращеніе. — Междоусобіе. — Своеволіе Полочанъ. — Въ Полоцкѣ республика.

XI.

Почти сто лѣтъ лѣтописи ничего не говорятъ о Кривичахъ и Радимичахъ, въ странѣ которыхъ, вѣроятно не произошло ничего особеннаго, могшаго обратить вниманіе лѣтописцевъ. Во время войны Владиміра съ Ярополкомъ въ Полоцкѣ господствовалъ варягъ *Рингвальдъ* или *Рогволодъ*, пришедшій, по сказанію лѣтописца, изъ за моря ([52]), вѣроятно для того, чтобы служить Великому Князю, и получилъ отъ него въ удѣлъ эту землю ([53]).

Кто былъ Рогволодъ и когда прибылъ на Русь? Что былъ онъ Варягъ — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; прибылъ же онъ на Русь, кажется, во время Святослава, къ которому поступивъ на службу, получилъ въ управленіе, а быть можетъ, и въ удѣлъ Полоцкую область, около того времени, когда Святославъ, вознамѣрившись учредить свое пребываніе на Дунаѣ, въ 970 году, посадилъ сыновей своихъ: Ярополка въ Кіевѣ, Олега въ землѣ Древлянской, Владиміра въ Новгородѣ (54).

Рогволодъ имѣлъ прекрасную дочь *Рогнѣду*. Хотя Ярополкъ и былъ уже женатъ на прекрасной монахинѣ Гречанкѣ, плѣнницѣ Святослава, похищенной имъ въ первый походъ въ Болгарію; но, какъ у Славянъ язычество дозволяло многоженство, то Ярополкъ посватался за Рогнѣду, можетъ быть, соединяя съ этимъ сватовствомъ и политическіе виды, и получилъ ея согласіе. Но когда открылась между братьями война, то — опасаясь ли союза Ярополка съ ближнимъ къ Новгороду княженіемъ, или по слуху о красотѣ Рогнѣды — Владиміръ, по словамъ лѣтописца, женолюбивый также выслалъ пословъ въ Полоцкъ съ сватовствомъ. Рогволодъ предоставилъ выборъ дочери: *не хочу разути рабынича*, отвѣчала гордая норманнка, *но Ярополка хочу* (55). Раздраженный Владиміръ прежде всего ополчился противу Рогволода, и подступилъ къ Полоцку съ войскомъ своимъ, состоявшимъ изъ Новгородцевъ, Кривичей, Чуди и избранной варяжской дружины. Городъ взятъ приступомъ, Рогволодъ и его два сына умерщвлены (56), Рогнѣда досталась жестокому побѣди-

телю, Полоцкъ обращенъ въ Новгородское намѣстничество ([57]).

XII.

Бракъ Владиміра съ Рогнѣдою имѣлъ великія послѣдствія. Какъ супруга Владиміра она была матерью Изъяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двухъ дочерей. Владиміръ, второй Соломонъ въ женолюбіи, оставилъ ее и имѣлъ еще четырехъ женъ и 800 наложницъ! Прекрасная, но злополучная княжна, по ея горестямъ прозванная *Гориславою*, простила супругу убійство отца и братьевъ, но не могла простить измѣны въ любви: ибо великій Князь уже предпочиталъ ей другихъ женъ и выслалъ несчастную изъ дворца своего. Въ одинъ день, когда Владиміръ — посѣтивъ ея уединенное жилище на берегу Лыбеди, близъ Кіева, гдѣ въ Несторово время было село *Предславино* — заснулъ крѣпкимъ сномъ, она хотѣла ножемъ умертвить его. Князь проснулся, отвелъ ударъ. Напомнивъ жестокому смерть ближнихъ своихъ и проливая слезы, отчаянная и горестная Рогнѣда жаловалась, что онъ уже давно не любитъ ни ея, ни бѣднаго младенца, Изъяслава. Раздраженный Владиміръ не внялъ ея, хотя и справедливымъ упрекамъ, и рѣшился собственною рукою казнить преступницу; велѣлъ ей украситься брачною одѣждою и, сидя на богатомъ ложѣ, въ свѣтлой храминѣ, ждать смерти. Уже гнѣвный супругъ и судія вступалъ въ эту храмину.... Тогда юный Изяславъ, наученный Рогнѣдою, подалъ ему мечь обнаженный и сказалъ:

«ты не одинъ, о родитель мой! сынъ будетъ свидѣтелемъ (58)» Владиміръ, бросивъ мечь на землю, отвѣтствовалъ: «кто зналъ, что ты здѣсь!»... удалился, собралъ бояръ и требовалъ ихъ совѣта, «государь — сказали они — прости виновную для сего младенца и дай имъ въ удѣлъ бывшую область отца ея.» Владиміръ согласился: построилъ новый городъ въ нынѣшней Минской губерніи и, назвавъ его *Изъяславлемъ* (59), отправилъ туда мать и сына, сдѣлавшагося родоначальникомъ Полоцкаго Княжескаго дома. Еще разъ упоминаетъ преданіе, занесенное въ лѣтописи, о злополучной Рогнѣдѣ. Владиміръ, сочетавшись бракомъ съ Греческою царевною и принявъ вмѣстѣ съ ея рукою христіанство, долженъ былъ разстаться съ своими прежними женами, и дѣло обращенія началъ съ собственнаго семейства. Крестивъ своихъ дѣтей, Владиміръ послалъ къ Рогнѣдѣ сказать ей: «пріявъ нынѣ законъ Христовый, отъ нынѣ я остаюсь съ одною женою, которую поялъ въ христіанствѣ. Избери себѣ любаго изъ вельможъ моихъ: да сочетаю тебя съ нимъ бракомъ». Но, ни бѣдствія, ни горе не измѣнили горделивой души матери Изяслава Полоцкаго, Ярослава Великаго и Всеволода Волынскаго. «Иль ты — отвѣчала она — для себя только самаго жаждешь царствія земнаго и небеснаго; а меня лишаешь и здѣшняго скоротечнаго и будущее отнять желаешь. Если ты, оставивъ идольство, обратился на лоно сына Господня; то я, изъ рода державнаго царица, не хочу быть рабою ни царя земнаго, ни его князя; но хочу стать невѣстою Христовой и воспріять на ся ангельскій образъ (60)». Преданіе

прибавляетъ, что немощный съ дѣтства ногами сынъ ея Ярославъ, впослѣдствіи Великій, сидѣвшій въ это время на колѣняхъ у матери, услышавъ такой отвѣтъ посламъ Владиміровымъ, сказалъ со слезами: «О! мати моя! во истину царица еси царицамъ и госпожа госпожамъ...» сказалъ и — какъ говоритъ преданіе — всталъ на ноги. Рогнѣда, принявшая монашество и съ нимъ имя Анастасіи, скончалась въ 1202 году ([61]).

XIII.

Почти сто лѣтъ Радимичи, спокойные данники Великихъ Князей со временъ Олеговыхъ, не извѣстно по какому поводу, вздумали объявить себя независимыми. Владиміръ не замедлилъ привести ихъ къ повиновенію. Храбрый воевода, прозваніемъ Волчій Хвостъ, начальникъ передовой дружины княжеской, встрѣтился съ ними на берегахъ рѣки *Пещаны* ([62]) и на голову побилъ возставшихъ; они смирились, и съ того времени, пишетъ Несторъ, вошло на Руси въ пословицу: *Радимичи волчья хвоста бояться.*

О жизни и дѣяніяхъ Изяслава, перваго Полоцкаго князя, нѣтъ никакихъ извѣстій. Ему наслѣдовалъ сынъ его Брячиславъ, внукъ Владиміра и Рогнѣды. Юный Князь хотѣлъ смѣлымъ подвигомъ утвердить свою независимость отъ Кіева и началъ войну съ Великимъ Княземъ Ярославомъ. Въ 1021 году взялъ Новгородъ, ограбилъ жителей и съ множествомъ плѣнниковъ возвращался въ свое удѣльное княжество. Ярославъ, выступивъ изъ Кіева,

встрѣтился съ нимъ въ седьмой день его обратнаго похода на берегахъ р. Судомы, въ нынѣшней Псковской губерніи, и тутъ разбилъ его. Брячиславъ ушелъ въ Полоцкъ и вскорѣ примирился съ Великимъ Княземъ, не только оставившимъ его въ покоѣ, но еще увеличившимъ удѣлъ его *Витебскомъ* и *Усвятами*, нынѣшнимъ мѣстечкомъ Витебской Губерніи (63).

Объ этой войнѣ упоминаютъ Исландскія Саги. Варяги или Норманы, служившіе въ то время Русскимъ Князьямъ, разсказывали возвратясь въ отечество, слѣдующія обстоятельства, достойныя замѣчанія, хотя, можетъ быть, отчасти и баснословныя: «храбрый витязь Эймундъ, сынъ короля Гейдмарскаго, оказалъ великія услуги Ярославу въ продолженіе трехлѣтней войны съ Кіевскимъ Государемъ (Святополкомъ); наконецъ взявъ сторону Брячислава, еще болѣе удивилъ Россіянъ своимъ мужествомъ и хитростію. Этотъ витязь засѣлъ съ товарищами въ одномъ мѣстѣ, гдѣ надлежало ѣхать супругѣ Ярославовой: убилъ подъ нею коня и привезъ ее къ Брячиславу, остыдивъ многочисленныхъ воиновъ, окружавшихъ Великую Княгиню. Брячиславъ, заключивъ миръ съ братомъ, наградилъ Эймунда цѣлою областію (?).»

Но эта вражда была лишь только началомъ той, ничѣмъ не замиримой вражды, которая вскорѣ открылась между потомками Изяслава и Ярославичами (62).

Князья Полоцкіе, Изяславичи, основываясь на своемъ происхожденіи отъ первой супруги Владиміровой и его старшаго сына, какъ старшіе въ

родѣ, считали себя законными наслѣдниками Великокняжескаго престола. Зато Ярославичи всѣми силами души ненавидили ихъ, Изъяславичей; часто — не преклоняемые ни къ единодушію, ни къ міру никакими бѣдствіями отечества, раздираемаго ихъ междоусобною враждою — они оставляли всѣ споры и ссоры, дѣлались искренними друзьями, когда соединялись противъ князей Полоцкаго дома.

XIV.

Брячиславъ скончался въ 1044 году; наслѣдовавшій ему сынъ его Всеславъ, правнукъ Рогнѣдинъ, ненавидѣлъ дѣтей Ярославовыхъ, считая себя законнымъ наслѣдникомъ Великокняжескаго престола; такъ какъ дѣдъ его Изяславъ былъ старшимъ сыномъ Владиміровымъ. Современный лѣтописецъ называетъ Всеслава злымъ и кровожаднымъ, суевѣрно приписывая эту жестокость какой-то волшебной повязкѣ, носимой этимъ княземъ для закрытія природной на головѣ язвины (63). Всеславъ, безъ успѣха осаждавъ Псковъ въ 1065, неожиданно завоевалъ Новгородъ въ 1067, плѣнилъ многихъ жителей; не пощадилъ и святыни церквей, ограбивъ Софійскую. Оскорбленные такою наглостію Ярославичи соединили силы свои и, не смотря на жестокую зиму, осадили *Минскъ* въ княжествѣ Полоцкомъ; взяли его, умертвили гражданъ, а женъ и дѣтей отдали въ плѣнъ воинамъ. Всеславъ сошелся съ непріятелемъ на берегахъ *Нѣмана* (64) покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ. Множество Россіянъ легло съ обѣихъ сторонъ на мѣстѣ. Хотя Ве-

ликій Князь и побѣдилъ, но, еще страшась племянника, вступилъ съ нимъ въ переговоры и звалъ его къ себѣ. Всеславъ довѣрился и — вѣроломно былъ обманутъ. Переѣхалъ Днѣпръ подъ Оршею ([95]); самъ Великій Князь Изяславъ встрѣтилъ его, ввелъ въ свой шатеръ и — какъ думаютъ — по наущенію Святослава — отдалъ въ руки воинамъ: несчастнаго взяли вмѣстѣ съ двумя сыновьями, отвезли въ Кіевъ и заключили въ темницу. Но судьба спасла Всеслава изъ рукъ вѣроломныхъ. Послѣ несчастнаго пораженія Россіянъ Печенѣгами на Альтѣ въ 1068, дружина, не успѣвъ упросить Изяслава новымъ подвигомъ загладить стыдъ пораженія, возроптала, чернь взволновалась, разломала темницы, выпустила узниковъ и освободила Всеслава, провозгласивъ его Великимъ Княземъ. Случай — едва ли не единственный въ исторіи! Такимъ образомъ, среди потерянныхъ надеждъ на личную свободу, сверхъ чаянія осуществились честолюбивыя мечты Всеславовы; не долго впрочемъ возсѣдалъ онъ на столѣ великокняжескомъ: всего 7 мѣсяцевъ и 16 дней ([96]).

XV.

Великій Князь съ братомъ бѣжалъ въ Польшу къ Болеславу II, принявшему его съ радушіемъ и вниманіемъ, должнымъ злополучному Монарху, къ тому же и ближнему родственнику. Король согласился содѣйствовать Изяславу къ возвращенію престола и, весною 1069 г., выступилъ съ войскомъ къ Кіеву. Всеславъ допустилъ его до самаго Бѣлграда, гдѣ

уже стоялъ съ войскомъ Кіевскимъ; но устрашенный силою Поляковъ, а можетъ быть, не вѣря и усердію своихъ новыхъ подданныхъ, бѣжалъ ночью изъ стана въ Полоцкъ (67).

Кіевляне покорились, Изъяславъ спѣшилъ отомстить Всеславу. Взявъ жаркимъ приступомъ, въ 1070, Полоцкъ, отдалъ его въ удѣлъ Мстиславу, по внезапной же его кончинѣ Святополку, своему другому сыну. Но въ то самое время, Когда Изяславъ распоряжался Полоцкомъ, бодрый Всеславъ, набравъ войско, гдѣ то въ чуди (Вожанъ около нынѣшняго Ораніенбаума), нечаянно явился подъ стѣнами Новгорода, гдѣ начальствовалъ юный Глѣбъ Святославичь, переведенный туда отцемъ изъ Тмутараканя. Новгородцы, ненавидѣвшіе Полоцкаго Князя, сразились отчаянно въ пятницу 23 октября 1069 г., разбили его и могли бы взять въ плѣнъ, но великодушно дали ему спастися бѣгствомъ. Неутомимый Всеславъ сумѣлъ снова овладѣть своимъ удѣломъ и хотя, въ 1071 г. былъ еще разъ побѣжденъ Ярополкомъ, — третьимъ сыномъ Великаго Князя, гдѣ-то у *Голотичьска* (68) — однако удержалъ за собою Полоцкъ.

XVI.

Послѣ вторичнаго бѣгства и возвращенія въ 1077 г. въ Кіевъ, Ярославичи, опасаясь честолюбія безпокойныхъ племянниковъ и замысловъ давнишняго врага своего Всеслава, хотѣли удалить первыхъ отъ всякаго участія въ правленіи и вторично изгнать послѣдняго. Ярославичи не разъ хо-

дили къ его столицѣ; но не могли сдѣлать ему большаго зла. Владиміръ Мономахъ въ своей духовной говоритъ, что онъ, бывши Княземъ Смоленскимъ, дважды ходилъ съ войскомъ къ Полоцку: разъ лѣтомъ 1077 г. съ отцемъ своимъ Всеволодомъ Княземъ Черниговскимъ, другой разъ зимою 1078 г. съ Княземъ Новгородскимъ Святополкомъ Изяславичемъ и, выжегши предмѣстія Полоцка, обратился къ *Друцку* (69). При этихъ нападеніяхъ ни Полоцкъ ни Друцкъ не потерпѣли большаго разоренія; однакожъ Мономахъ изъ Друцка пришелъ къ отцу своему въ Черниговъ съ богатою добычею и подарилъ ему 300 гривенъ, т. е. 150 фунтовъ золота, давши прежде ему и двоюродному брату своему, печальному Олегу Святославичу, роскошный пиръ (70).

Но ни месть Ярославичей, ни неудачи не поколебали Всеслава, старавшагося уже по крайнѣй мѣрѣ о расширеніи своего удѣла. Послѣ смерти Изяслава, убитаго въ 1078 г. подъ Черниговомъ, престолъ великокняжескій перешелъ къ Всеволоду, отдавшему Черниговское княжество сыну своему Мономаху. Потому, удѣлъ Смоленскій оставался пока не занятымъ. Всеславъ, пользуясь этимъ, осадилъ Смоленскъ. Владиміръ Мономахъ спѣшилъ туда съ Черниговскою конницею, не засталъ Всеслава, но Смоленскъ еще дымился въ пеплѣ. Мономахъ, въ наказаніе врагу, огнемъ и мечемъ опустошилъ его землю, разорилъ *Лукомль*, Друцкъ и Логойскъ и пошелъ къ Минску; взявъ его приступомъ, отнялъ всѣхъ рабовъ и скотъ у жителей. Такъ этотъ не-

счастный городъ вторично пострадалъ за своего Князя ([71]).

Въ 1101-мъ г. 14 апрѣля скончался въ Полоцкѣ этотъ знаменитый чародѣй, княжившій 57 лѣтъ. Неизвѣстно когда и на комъ женился Всеславъ ([72]), оставившій шестерыхъ или семерыхъ сыновей: Рогволода, Святослава, Романа, Давида, Глѣба, Ростислава, Бориса и одну дочь ([73]).

Всеславъ оставилъ Полоцкое княжество съ весьма обширными предѣлами, граничившими къ югу — съ княжествомъ Кіевскимъ и отчасти Черниговскимъ; къ востоку — съ Смоленскимъ, Псковскимъ; къ сѣверу — съ Варяжскимъ моремъ, ибо страна Ятвяговъ и часть Ливоніи зависѣла отъ Полоцка; къ западу — съ Летгалліею. Заключало въ собственныхъ предѣлахъ, кромѣ Ливоніи, всю нынѣшнюю Витебскую губернію, часть Могилевской (уѣзды Оршанскій, Сѣнской, Копыскій, Могилевскій можетъ быть и Быховскій) и части Минской (уѣзды Борисовскій, Минскій, Дисненскій, Игуменскій и, какъ кажется, Слуцкій ([74]).

XVII.

Со смертію Всеслава исторія Князей Полоцкаго дома становится неразрѣшимо темною; ибо лѣтописи, упоминая объ нихъ случайно, называютъ однимъ именемъ не сказывая ихъ отчества, и наконецъ нѣкоторые изъ нихъ имѣли по два имени.

Неизвѣстно какъ распорядился Всеславъ своимъ удѣломъ: раздѣлилъ ли онъ, слѣдуя обыкновенію тогдашняго времени, на удѣлы между своими сы-

новьями Полоцкое княжество? Предположеніе, судя по послѣдовавшимъ событіямъ вѣроятное; хотя вскорѣ послѣ смерти Всеслава, встрѣчаются явственно только два удѣла: Полоцкій и Минскій. Послѣдній достался Глѣбу, а послѣ него сыну его Ростиславу; въ первомъ княжили до 1129 года, одинъ за другимъ, Романъ, Рогволодъ и Давидъ Всеславичи, о которыхъ такъ мало говорится, что невозможно показать времени ихъ преемничества.

Смерть Всеслава не прекратила наслѣдственной вражды между его потомствомъ и Ярославичами; хотя младшій его сынъ Давидъ, жертвуя наслѣдственною злобою общему благу, прибылъ лично въ станъ соединенныхъ войскъ противъ Половцевъ и принималъ дѣятельное участіе противъ нихъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Святополкомъ-Михаиломъ.

Но не всѣ Всеславичи были подобны Давиду. Вскорѣ, Князь Минскій Глѣбъ, нрава жестокаго и безпокойнаго, своими изувѣрными поступками навлекъ на себя гнѣвъ Великаго Князя Святополка-Михаила, которому онъ, не только отказалъ въ повиновеніи, но даже безпокоилъ набѣгами его собственныя земли. Ополчился наконецъ Великій Князь на Глѣба. Путята, Воевода Святополковъ, Олегъ и Ярополкъ сынъ Владиміровъ и даже родной братъ Глѣбовъ Давидъ, ходили, въ 1104 г., осаждать Глѣба въ Минскѣ, его столицѣ. Но, войско соединенное возвратилось на этотъ разъ безъ успѣха. Ободренный этимъ Глѣбъ угнѣталъ своихъ подданныхъ всевозможными мѣрами и не давалъ покоя сосѣдямъ. Владѣнія его опустѣли: народъ бѣжалъ

въ сосѣднія земли и въ особенности въ Литву Завилейскую, въ которой господствовалъ въ то время Зывибундъ. Князь Минскій часто наѣзжалъ его владѣнія и полонилъ беззащитныхъ земледѣльцевъ. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, Зывибундъ въ свою очередь напалъ на Минское княжество, опустошая его, дошелъ до самой столицы, которую взявши приступомъ, сжегъ и этимъ до того устрашилъ Глѣба, что онъ на долгое время оставилъ его владѣнія въ покоѣ. Но оставивъ Литву, Глѣбъ обратился въ другую сторону, на земли братнія; опустошалъ ихъ волости и уводилъ въ плѣнъ земледѣльцевъ. Отъ Припети до Днѣпра, отъ верховьевъ Нимана до Двины дымились лучшія деревни и волости подъ его лютыми набѣгами; увлекалъ несчастный народъ въ неволю, продавалъ его въ рабство въ дальнія страны и даже за море, или же селилъ въ пустынныхъ окрестностяхъ Березины. Глѣбъ до того пріучилъ бояръ своихъ къ этому изувѣрному промыслу, что они сдѣлались истыми торговцами невольниковъ. Повсюду раздались жалобы и ропотъ противу варварскаго промысла. Владиміръ Мономахъ усовѣщивалъ, грозилъ Минскому Князю, заставилъ даже Кіевскаго Митрополита предать анаѳемѣ Глѣба и его сподвижниковъ изувѣровъ. Наконецъ, когда и это не образумило ихъ, то самъ Великій Князь, соединясь съ Давидомъ Черниговскимъ и Ольговичами, взялъ въ 1116 г., Вячеславль (?), Оршу, Копысь — города, какъ видно, принадлежавшіе къ Минскому княжеству — смирилъ Глѣба и простилъ его ([75]); но вновь имъ оскорбленный поручилъ, въ 1119 г., сыну своему Ярополку наказать Глѣба и

его бояръ преступныхъ. Явилось множество охотниковъ для этого, какъ бы крестоваго, похода; ибо Глѣбъ и его бояре были прокляты: даже Зывибундъ принялъ въ немъ участіе. Разбивъ на голову Миньчанъ на берегахъ Березины, Ярополкъ пошелъ къ Друцку — удѣлу Минскаго княжества, главному мѣстопребыванію торговцевъ невольниками, взялъ приступомъ крѣпость и, сравнявъ городъ съ землею, жителей переселилъ на новое мѣсто, гдѣ основалъ новый городъ *Новогрудокъ Желній* (76). Глѣбъ отведенъ плѣнникомъ въ Кіевъ, гдѣ и скончался 13-го сентября этого же года.

XVIII.

Наслѣдственная вражда между Ярославичами и Изяславичами принесла наконецъ несчастіе дому Князей Полоцкихъ, которые издавна какъ бы отдѣлились отъ Россіи, желая быть владѣтелями независимыми. Великій Князь Мстиславъ, рѣшившись покорить эту древнюю область Кривичей, привелъ въ движеніе силы многихъ Князей; велѣлъ итти братьямъ своимъ, Вячеславу изъ Турова, Андрею изъ Владиміра, сыну Изяславу изъ Курска, давъ ему собственный полкъ Княжескій; Ростиславу, другому сыну, изъ Смоленска; Всеволоду Давидовичу, внуку Игореву и зятю Мономахову, изъ Городка; Вячеславу Ярославичу, внуку Святополка-Михаила, изъ Клецка. Всѣ они долженствовали начать военныя дѣйствія въ одинъ день (4-го августа) (77). Всеволодъ Ольговичь и братья его съ отрядомъ вѣрныхъ Торковъ, отданныхъ въ начальство боя-

рину Войтешичу, въ тоже время шли къ Минскому городу *Стрѣжеву* (78). Изяславъ взялъ Логожскъ еще ранѣе назначеннаго Мстиславомъ дня и спѣшилъ соединиться съ прочими, обступившими Изяславль, удѣлъ знаменитой Рогнѣды первой Владиміровой супруги. Тамъ находился Брячиславъ, сынъ Давида Всеславича, зять Мстиславовъ: хотѣвъ бѣжать къ отцу, онъ попался въ руки къ своему шурину, вевшему съ собою многихъ плѣнныхъ Логожанъ. Узнавъ, что эти плѣнники и Брячиславъ довольны умѣрениостію побѣдителя, осажденные рѣшились сдаться; но требовали клятвы отъ Вячеслава, сына Мономахова, что онъ защититъ ихъ отъ всякаго насилія. Клятва дана и нарушена. Ночью, въ слѣдъ за дружиною тысяцкихъ, посланнаго въ городъ, бросились всѣ воины, Андреевы и Вячеславовы: Князья не могли или не хотѣли остановить ихъ; едва спасли имѣніе дочери Мстиславовой, мечемъ удержавъ неистовыхъ грабителей; а бѣдныхъ гражданъ отдали имъ на жертву. Скоро и Всеволодъ, старшій сынъ Великаго Князя, вступилъ съ Новгородцами въ Полоцкую область: устрашенные жители не оборонялись, и выслали своего Князя, Давида, на мѣсто котораго, по ихъ желанію, Мстиславъ далъ имъ Рогволода, брата Давидова (79); а чрезъ два года, въ 1129 г., отправилъ почти всѣхъ Полоцкихъ Князей въ ссылку, за то, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, что они не хотѣли дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ противъ общихъ враговъ отечества, Половцевъ (80). Всеславичи Давидъ, Ростиславъ, Святославъ и племянники ихъ, Василько, Іоаннъ, сыновья Рогволодовы, съ женами и дѣтьми на трехъ ла-

дьяхъ отвезены въ Константинополь; Полоцкое и Минское княжества Мстиславъ отдалъ, въ 1129 г., сыну своему Изяславу.

XIX.

Итакъ, удѣлъ Рогнѣды перешелъ отъ ея потомковъ къ Ярославовымъ; но не на долго.... Услышавъ о смерти Мстислава, послѣдовавшей 15-го апрѣля 1132 года, нѣкоторые изъ Полоцкихъ Князей, въ томъ же году, поспѣшили изъ Константинополя въ Россію, между ними и Василько Рогволодовичь (79). Полочане, пользуясь отсутствіемъ Изяслава, выѣхавшаго въ Переяславль, выслали брата его Святополка и признали Княземъ своимъ Василька (80). За Изяславомъ осталось пока одно лишь Минское княжество. Василько оставилъ о себѣ память великодушнаго князя. Сынъ Мстислава Всеволодъ, изгнанный недавно Новгородцами, возвращаясь снова въ столицу своевольнаго народа, по пути проѣзжалъ чрезъ область Полоцкую въ 1137 г. Василько выѣхалъ ему на встрѣчу; хотя теперь онъ имѣлъ удобный случай отомстить сыну за жестокость отца; но Василько былъ великодушенъ: видѣлъ Всеволода въ несчастіи и клялся забыть древнюю вражду; желалъ ему добра, самъ съ честію проводилъ его чрезъ свои области и на всегда остался вѣрнымъ союзникомъ Всеволодовымъ. Для прекращенія вражды Великій Князь Всеволодъ женилъ, въ 1143 г., сына своего юнаго Святослава, на дочери Василька Полоцкаго; а въ 1144 г. Изяславъ Мстиславичь выдалъ свою за Рогволода Бо-

рисовича, позвавъ къ себѣ въ Переяславль на свадебный пиръ Всеволода, супругу его и бояръ Кіевскихъ ([81]).

XX.

Въ это время Полочане едва ли уступали въ своеволіи Новгородцамъ. Не извѣстно долго ли Василько княжилъ въ Полоцкѣ; знаемъ только, что въ 1151 году Полоцкимъ Княземъ былъ Рогволодъ Борисовичь, котораго Полочане, въ этомъ году, безъ всякой причины свергнули съ престола, заточивъ его въ Минскѣ и избравъ на его мѣсто Ростислава Глѣбовича, Князя Минскаго, а Святослава Черниговскаго покровителемъ ихъ области ([82]).

Изгнанный мятежными Полочанами Рогволодъ Борисовичь не могъ равнодушно переносить не заслуженнаго безчестія и ждалъ только благопріятныхъ обстоятельствъ. Спасшись изъ заточенія, ушелъ въ Слуцкъ и, получивъ здѣсь вспомогательную дружину отъ Святослава Черниговскаго, съ презрѣніемъ отвергшаго предложеніе своевольныхъ гражданъ Полоцка, зная чрезъ своихъ повѣренныхъ о добромъ расположеніи къ нему Дручанъ, въ 1158 г., пошелъ къ Друцку. Когда началъ приближаться къ этому городу, болѣе 300 ладей Дручанъ и Полочанъ выѣхало на встрѣчу ему и онъ съ великою честію вошелъ въ городъ. Друцкъ въ то время былъ уже особеннымъ удѣломъ, въ которомъ княжилъ сынъ Полоцкаго Князя Глѣбъ Ростиславичь, правнукъ Всеслава. Принявъ Рогволода, Дручане выслали Глѣба, ограбивъ его домъ,

бояръ и друзей послѣдняго ([83]). Отецъ Глѣбовъ, Ростиславъ Глѣбовичь, видя опасное волненіе и въ самомъ Полоцкѣ, старался задобрить гражданъ ласками, дарами и, взявъ съ нихъ новую присягу, осадилъ Друцкъ. Сильный отпоръ жителей заставилъ его искать міра: Рогволодъ далъ клятву жить съ нимъ въ дружбѣ и нарушилъ ее вмѣстѣ съ вѣроломными Полочанами, которые, думая загладить измѣну измѣною, послали сказать ему: «Князь добрый! мы виновны свергнувъ тебя съ престола и разграбивъ твое имѣніе: не помни зла и возвратися къ намъ: выдадимъ тебѣ Ростислава Глѣбовича.» Онъ согласился съ ними; но Ростиславъ, увѣдомленный объ ихъ замыслѣ, ходилъ вооруженный, носилъ латы подъ одеждою и смѣлостію вселялъ боязнь въ злодѣевъ. Наконецъ они устыдились своей робости и звали Князя, жившаго въ трехъ верстахъ отъ города въ загородномъ своемъ помѣстьѣ *Бѣлчицахъ* ([84]), въ собраніе народное, будто бы для дѣлъ государственныхъ, на канунѣ праздника Св. Петра и Павла, т. е. 28 іюня. «Вчера я былъ у васъ — отвѣтствовалъ Ростиславъ — для чего же вы не говорили о дѣлахъ?» однакожь поѣхалъ въ городъ. Вѣрный отрокъ княжескій остановилъ его: ибо народъ уже снялъ съ себя личину, грозно вопилъ на вѣчѣ и лилъ кровь бояръ, преданныхъ Глѣбовичамъ. Ростиславъ, соединивъ дружину въ Бѣлчицахъ, удалился въ Минскъ къ брату Володарю, опустошая огнемъ и мечемъ на пути своемъ и грабя жителей Полоцкой области; а Рогволодъ, прибывшій въ Полоцкъ въ іюлѣ, подкрѣпленный силою Князя Смоленскаго, почитая

необходимымъ смирить Глѣбовичей, отнялъ Изяславль у Всеволода и хотя простоялъ десять дней безъ успѣха подъ Минскомъ, однакожь предписалъ миръ Ростиславу: самъ остался Княземъ Полоцкимъ, Всеволоду далъ *Стрѣжевъ* ([85]), Изяславль Брячиславу Васильковичу и возстановилъ тишину, но кратковременную.

Глѣбовичи не хотѣли покориться и первые нарушили миръ съ Рогволодомъ Полоцкимъ: въ 1159 году нечаянно взяли Изяславль и заключили тамошнихъ Князей *Володшу* и *Брячислава* Васильковичей въ оковы. Рогволодъ, получивъ отъ Великаго Князя въ помощь 600 Торковъ, въ этомъ же году ходилъ съ Полочанами къ Минску противъ Ростислава Глѣбовича, но возвратился безъ успѣха: Торки, потерявъ, по причинѣ гололедицы, лошадей, пѣшіе возвратились обратно въ Кіевъ. Въ слѣдующемъ, 1160 году, опять пошелъ туда и кончилъ миромъ: Васильковичи освобождены ([86]).

XXI.

Но, усмирая непокорныхъ племянниковъ, Рогволодъ самъ утратилъ Полоцкъ. Въ 1161 г. пошелъ онъ на Володаря Глѣбовича къ Городку ([87]); ночью встрѣтилъ его Володарь съ Литвою. Полочане не устояли: много ихъ было убито, много взято въ плѣнъ. Рогволодъ, потерявъ много войска, убоялся показаться въ мятежный Полоцкъ и бѣжалъ въ Слуцкъ, оттуда въ Друцкъ, принадлежавшій или ему или его сыну. Полочане признали своимъ Княземъ его роднаго племянника Всеслава Василькови-

ча. Но мятежный Володарь не оставилъ въ покоѣ и Всеслава и, въ 1166 г., выгналъ его изъ Полоцка; Всеславъ бѣжалъ въ Витебскъ къ Давиду Ростиславичу, княжившему здѣсь съ 1165 года. Володарь пошелъ и на Витебскъ; оба войска расположились по обѣимъ сторонамъ Двины; Давидъ не рѣшался дать битвы и ждалъ помощи отъ брата (?) Романа Князя Смоленскаго. Странный случай помогъ ему побѣдить Володаря. Въ полночь послышалтя шумъ, какъ бы отъ войска, бродившагося чрезъ рѣку; Володарь, объятый страхомъ — показалось ему, что съ одной стороны идетъ на него Давидъ, съ другой Романъ — обратился въ бѣгство. Теперь Давидъ и въ самомъ дѣлѣ началъ преслѣдовать бѣжавшихъ, полонилъ многихъ заблудшихъ въ лѣсу и снова ввелъ Всеслава въ Полоцкъ къ удовольствію народа.

XXII.

Рогволодъ остался въ Друцкѣ, повидимому и не домогался уже Полоцка, дважды утраченнаго чрезъ вѣроломство его гражданъ ([88]). Сынъ его Глѣбъ, какъ кажется, не любилъ своихъ родственниковъ и удалялся отъ общаго союза съ ними; ибо когда Святославъ Черниговскій вздумалъ возстановить славу Кіева, утратившаго свое первенство съ 1169 г., то противъ Суздальскаго Великаго Князя Всеволода Андреевича ему помогали почти всѣ Полоцкіе владѣтели: Всеславъ Васильковичь Полоцкій, братъ его Брячиславъ Витебскій, Всеславъ Микуличь Логожскій, каждый съ своею дружиною, а Всеславъ

Полоцкій даже съ Литовцами и Ливонцами (89). Братъ Святославовъ Ярославъ Всеволодовичь ждалъ ихъ съ Половцами около Друцка куда прибыли и Полоцкіе владѣтели. Одинъ лишь Глѣбъ Рогволодовичь не хотѣлъ присоединиться къ нимъ и держалъ сторону брата Кіевскаго Князя Давида Растиславича, соединившагося вскорѣ съ Глѣбомъ въ Друцкѣ. Долго оба войска стояли въ виду другъ друга по обѣимъ сторонамъ рѣки Друти; ибо Ярославъ не желая начинать сраженія прежде прихода Святослава, засѣлъ въ укрѣпленныхъ мѣстахъ. Только Давидовы копейщики, переѣзжая Друть, часто начиная драку съ войскомъ Черниговскимъ. Но вотъ явился сынъ Святославовъ съ Новгородцами: все союзное войско переправилось чрезъ Друть, и Давидъ, видя превосходство враговъ, ночью бѣжалъ въ свой удѣлъ. Святославъ приступилъ къ почти беззащитному Друцку, и, обративъ въ пепелъ его внѣшнія укрѣпленія, пошелъ къ Рогачеву, откуда по Днѣпру поплылъ къ Кіеву.

Неизвѣстно когда умеръ Всеславъ Васильковичь и что произошло послѣ него въ Полоцкѣ; кажется этотъ своевольный городъ не хотѣлъ уже вовсе имѣть Князя и обратился въ республику (90). Кажется также, что Василько Володаревичь Логойскій и Глѣбъ Рогволодовичь Друцкій старались завладѣть Полоцкомъ, но безуспѣшно; хотя и получили содѣйствіе къ этому Давида Смоленскаго и сына его Мстислава Новгородскаго. Зимою 1185 г., силы соединенныхъ Князей приблизились къ границѣ Полоцкой; но Полочане, встрѣтивъ ихъ близь нынѣшняго Невеля на рѣчкѣ Еменкѣ дарами, остановили

грозное шествіе миромъ, на условіяхъ намъ неизвѣстныхъ ([91]).

Съ конца XII вѣка начинаютъ исчезать съ лица исторіи потомки злополучной Горнславы — для нихъ созрѣвала новая судьба, готовились великіе перевороты для земли Всеславовой.

КНИГА ТРЕТІЯ.

Литва покоряетъ земли Кривскія.

Усиленіе Литвы при Кернусѣ и Ердзвиллѣ. — Набѣги. — Княжество Литовско-Завилейское. — Мингайло покоряетъ Полоцкъ. — Княжество Литовско-Полоцкое. — Гиввиллъ. — Борисъ Рогволодъ. — Потомки Рогнѣды мало по малу исчезаютъ съ лица исторіи.

XXIII.

Въ то время, когда Русь обуреваема была внутренними смутами, а Полоцкіе владѣтели, запутавшись въ мелочные распри, тратили и время и силы другъ противу друга, сосѣдственная страна — Литва усиливалась, росла въ могущество и славу.

Уже внукъ Палемона Кернусъ, около 1048 г., завладѣлъ значительною частію земель Кривскихъ до р. Дзитвы; владѣнія его простирались до Семигалліи, до лѣваго берега Двины и до земель Бреславльскихъ (92). Завоеваніе земель Кривскихъ, случившееся почти одновременно съ завоеваніемъ земель Литовскихъ Россіянами, подала ему возможность основать первое Литовское княжество — *Литовско-Завилейское*, бывше, по составу своихъ жителей, ни чѣмъ инымъ какъ собственно Литовско-Крив-

скимъ или Литовско-Русскимъ. Жители этого княжества Кривичи, хотя и различнаго съ Литовцами происхожденія, но, какъ думаютъ, исповѣдывали одинаковую съ ними вѣру — обстоятельство много способствовавшее Кернусу не только къ покоренію Кривичей, но и къ упроченію новаго княжества, которое подъ властію самостоятельнаго Князя мало по малу окрѣпло и до того усилилось, что съ этого времени лѣтописцы начинаютъ примѣчать край новый — Литву. Послѣдовавшія событія, обуревавшія Россію съ 1055 по 1058 г., много способствовали къ утвержденію могущества новой державы; ибо Кернусъ, пользуясь этимъ, собравъ съ братомъ своимъ Гимбутомъ войско около Виліи и на Жмуйди, проникъ еще глубже въ земли Кривскія: Полоцкъ и Бреславль видѣли Литовскихъ наѣздниковъ, страшнымъ образомъ опустошившихъ эти страны (93). Смуты продолжались въ Россіи — и Литва усиливалась на счетъ ея. Внукъ Гимбутовъ Ердзвиллъ, освободивъ въ 1065 г. изъ подъ власти Князей Русскихъ *Нерому* и *Пелузію* (94), основалъ изъ нихъ и еще земель Литовскихъ на правомъ берегу р. Виліи второе Литовское княжество, назвавшееся *Верхнею-Литвою* (auxtete Lietua) для отличія отъ Литвы нижней или Жмуйди (Zomaiten) (95).

XXIV.

Въ то время, когда въ концѣ XII столѣтія Князья Русскіе заняты были то Половцами, то внутренними распрями, въ умѣ Литовскаго Князя стараго Мингайлы созрѣвали великіе планы — расширенія сво-

ихъ предѣловъ на счетъ земель Русскихъ. И потому — сперва, какъ бы только пробуя силы, въ 1183 г. — перешелъ Двину и опустошилъ Псковскія земли; а въ слѣдующемъ, среди жестокой зимы, напалъ на земли Псковитянъ и Новгородцевъ, нечаявшихъ вовсе этого нападенія. Лѣтописи упоминаютъ о многихъ набѣгахъ Литовскихъ, но — по словамъ ихъ — еще никогда не были они столь лютыми, какъ въ этомъ году.

Наконецъ, старый Мингайло рѣшился. Утвердивъ на престолѣ княжества, основаннаго Ердзвилломъ, внука своего, Тройната Скирмундовича; для сына своего, Гнивилла, задумалъ завоевать новую область и—выборъ его палъ на земли Кривскія. Неизвѣстно, почему именно Мингайло оставилъ въ покоѣ тѣ изъ нихъ, которыя находились ближе, по лѣвую сторону Двины: потому ли, что онѣ были въ сосѣдствѣ съ княжествомъ Литовско-Завилейскимъ и тамошній Князь, быть можетъ, имѣлъ на нихъ свои виды; или же потому, что съ владѣтелями этихъ земель былъ онъ въ дружественныхъ сношеніяхъ? Словомъ, выборъ его палъ на Полоцкъ, сдѣлавшійся — какъ мы уже видѣли — послѣ 1181 г. вольнымъ городомъ, и на участь котораго по этому самому Кривскіе владѣтели смотрѣли равнодушно.

Въ 1190 г. Мингайло выступилъ противу Полоцка (96); Полочане встрѣтили его, подъ Городиномъ или Городцомъ, гдѣ, въ кровопролитномъ но рѣшительномъ боѣ, легли почти всѣ до единаго храбрые защитники независимости. Полоцкъ отворилъ врата свои побѣдителю — явилось третье Литовское княжество: *Литовско-Полоцкое* (97). Утвердивъ здѣсь

власть свою, Мингайло передалъ Гиннвиллу; самъ же, удалившись въ Литву, скончался въ 1192 г. въ Новогрудкѣ-Троцкомъ.

XXV.

Новый Князь—вдали отъ родственниковъ, владѣя княжествомъ иноплеменнымъ—спѣшилъ сблизиться съ Князьями Русскими, войти съ ними въ родственныя отношенія. Принявъ православіе, а съ нимъ имя Георгія, сочетался бракомъ съ Маріею, дочерью Тверскаго князя Бориса ([98]), на 66 году своей жизни; ибо родился въ 1125 г. Воевавъ нѣкоторое время съ Псковомъ и Смоленскомъ за границы своихъ владѣній, скончался въ 1199 г. въ Оршѣ ([99]).

Сынъ и наслѣдникъ его Борисъ отличался, по словамъ лѣтописи, большею набожностію. Ему приписывается построеніе въ Полоцкѣ церквей: во имя Премудрости или Софійской, Борисоглѣбской надъ р. Бѣлчицею и еще Пятницкой ([100]). Издержки на сооруженіе столькихъ храмовъ, въ то время, были весьма значительны и тѣмъ болѣе еще потому, что—по сказанію Стрыйковскаго—нужные для нихъ матеріалы—кирпичь, извѣсть и прочее—привозимы были по Двинѣ изъ Лифляндіи. Сказаніе вообще невѣроятное, отчасти правдоподобное, вѣроятное; ибо Нѣмцы въ Ливоніи, уже со времени Мейнгарда, имѣли достаточное число необходимыхъ ремесленниковъ. Борисъ Гниниловичь — воевавъ нѣкоторое время съ Смоленскомъ, Витебскомъ, Псковомъ и Новгородомъ—скончался въ 1206 г. ([101]), возвративъ предъ смертію Полочанамъ, всѣ права и привиллегіи

отнятыя у нихъ дѣдомъ его, Мингайломъ. Тѣло его погребено въ Софійскомъ храмѣ ([102]).

Борису наслѣдовалъ сынъ его Рогволодъ, въ православіи Василій, княжившій независимо въ Оршѣ и съ правами ограниченными въ Полоцкѣ. Во время этого Князя — погибшаго въ 1223 г., на 69 году отъ рожденія въ Дерптѣ — случились великія событія въ Ливоніи и Семигалліи — о чемъ разскажемъ ниже. Онъ имѣлъ сына Глѣба, котораго ни день рожденія, ни смерти неизвѣстны ([103]).

XXVI.

Итакъ Полоцкъ — главный удѣлъ потомковъ Изяслава Владиміровича — уже не принадлежалъ имъ. Что́ происходило въ это время въ прочихъ удѣлахъ Полоцкаго княжества? Неизвѣстно. Позволительно однако думать, что Князья ихъ, низшедшіе на степень мелкихъ владѣтелей, еще нѣкоторое время сохраняли тѣнь самостоятельности, по крайней мѣрѣ до Рингольта, при которомъ почти весь Бѣлорусскій край, кажется, уже принадлежалъ Литвѣ. Одинъ лишь удѣлъ Витебскій еще долго, до Ольгерда, сохранялъ какъ то свою независимость; но независимость, имѣвшую лишь тѣнь самобытности. Витебскъ, какъ удѣлъ слабый—заключавшійся въ нынѣшнихъ Витебскомъ, Городецкомъ и Суражскомъ уѣздахъ Витебской губерніи — зависѣлъ отъ ближайшихъ сосѣднихъ княжествъ, Черниговскаго и Смоленскаго. Подобнаго же рода самостоятельностію пользовались и прочіе удѣлы Полоцкаго княжества до совершеннаго покоренія ихъ Литовцами;

такъ какъ Мингайло, покоривъ Полоцкъ, владѣлъ уже почти всею нынѣшнею Витебскою губерніею, за исключеніемъ Витебскаго удѣла и нынѣшняго Велижскаго уѣзда, принадлежавшаго Смоленскому княжеству. Сильное вліяніе Черниговскихъ и Смоленскихъ Князей на Кривскихъ владѣтелей, утвердившееся чрезъ не примиримую взаимную ихъ вражду, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго событія. Безпокойный Ярославъ Черниговскій никакъ не могъ ужиться съ Ростиславичами — Рюрикомъ Кіевскимъ и Давидомъ Смоленскимъ; что бы успокоить его и примирить съ собою и братомъ, Кіевскій Князь обѣщалъ *исходатайствовать* ему у брата Витебскъ, въ которомъ княжилъ зять Давидовъ, Василько Брячиславичь. Но Ярославъ не захотѣлъ воспользоваться великодушной уступкою, а рѣшился взять Витебскъ силою. Племянникъ его, Олегъ Святославичь, съ сыновьями самаго Ярослава, въ концѣ зимы 1196 г., выступилъ съ войскомъ къ Витебску и началъ грабить область Смоленскую. Племянникъ Давидовъ, Мстиславъ Романовичь, спѣшилъ съ отпоромъ; но Олегъ уже соединился съ Василькомъ Володаревичемъ и Борисомъ Друцкимъ ([104]) и занялъ выгодное мѣсто. Мстиславъ вышелъ съ полками изъ лѣса, напалъ стремительно и смялъ рать Черниговскую; но дружина Борисова ударила съ тылу на полки Мстиславовы и — этотъ храбрый Князь, окруженный рядами непріятелей, принужденъ былъ сдаться Князю Друцкому Борису, у котораго Олегъ выпросилъ его себѣ и отвелъ плѣнникомъ въ Черниговъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Утрата Ливоніи; усиленіе Литвы.

Зависимость южной Ливоніи отъ Полочанъ. — Прибытіе купцовъ Нѣмецкихъ. — Торговыя конторы. — Миссіонеры. — Мейнгардтъ. — Бартольдъ. — Альбертъ. — Основаніе Гольма, Икскуля, Риги. — Учрежденіе ордена Меченосцевъ. — Столкновеніе съ Князьями Полоцкими. — Владиміръ. — Альбертъ и Василій. — Угнѣтеніе жителей. — Возстаніе. — Герсике и Вячко. — Литва усиливается. — Ердзвиллъ покоряетъ нынѣшнюю Бѣлоруссію и Смоленскъ. — Миндовгъ. — Тевтовиллъ въ Полоцкѣ, Арвидъ въ Рогачевѣ, Тройнатъ на Жмуйди. — Междоусобіе. — Полоцкъ подаренъ Ордену. — Убіеніе Миндовга, Тевтовилла, Тройната. — Лютаворъ въ Полоцкѣ.

XXVII.

Семигаллія и южная Ливонія съ древнѣйшихъ временъ находилась въ зависимости отъ Кривичей или Полочанъ; но когда Литва при Кернусѣ стала усиливаться, то жители Семигалліи открыто начали стараться объ освобожденіи изъ подъ власти ихъ. Полоцкій Князь Всеславъ Брячиславичь посылалъ сыновей своихъ Юрія и Давида на усмиреніе жителей Семигалліи, которые, соединившись съ Литовцами, въ рѣшительномъ сраженіи разбили на

голову князей, потерявшихъ 9,000 войска ([105]). Былиль дѣлаемы послѣ этого Полоцкими Князьями попытки къ утвержденію своей власти надъ Семигалліею? Неизвѣстно; однако послѣдующія событія обнаруживаютъ, что южная Ливонія обязана была данью Полочанамъ.

Съ начала XII вѣка начали посѣщать устья Двины Бременскіе и Любскіе купцы, которые—мало по малу углубляясь во внутрь страны — основали наконецъ складочное мѣсто при Двинѣ, Икскуль (Yckeskola). За купцами явились Миссіонеры и первый изъ нихъ Мейнгардъ — мужъ, отличавшійся истинно апостольскими качествами, прибывъ въ 1186 г.—почелъ для себя первою обязанностію испросить на проповѣдываніе слова Христова между язычниками, дозволеніе у Князя Псковскаго и Новгородскаго Владиміра Мстиславича ([106]), который не только согласился на это, но даже отпустилъ Мейнгарда съ дарами, не предвидя слѣдствій, которымъ вскорѣ надлежало открыться отъ властолюбія Папъ и Духовенства Римскаго.

XXVIII.

Мейнгардъ построилъ церковь въ Укскулѣ и успѣлъ обратить нѣсколько туземцевъ. Скоро литовцы напали на окрестности Укскуля; Мейнгардъ съ жителями послѣдняго укрылся въ лѣсахъ, гдѣ имѣлъ бой съ врагами. По удаленіи ихъ, онъ началъ укорять Ливовъ за то, что они живутъ такъ оплошно, не имѣютъ крѣпостей и обѣщалъ построить имъ крѣпкіе замки, если они за это обяжутся при-

нять христіанство. Ливы согласились; и на слѣдующее лѣто явились изъ Готланда строители и каменосѣчцы. Еще прежде чѣмъ начали строить замокъ Укскуль, часть народа окрестилась, остальные обѣщали креститься какъ скоро весь замокъ будетъ готовъ. Замокъ выстроили, Мейнгардъ посвященъ въ Епископы; но никто не думалъ креститься. Подъ условіемъ такого же обѣщанія выстроили другой замокъ—Гольмъ, и такъ же никто не думалъ принимать христіанства; мало того, язычники начали явно обнаруживать непріязненныя намѣренія противъ Епископа, грабили его имѣніе, били его домашнихъ; но всего больше огорчало Мейнгарда то, что уже и крещеные туземцы стали погружаться въ Двину, чтобъ, по ихъ словамъ, смыть съ себя крещеніе и отослать его въ Германіи ([107]). У Мейнгардта былъ товарищъ въ дѣлѣ проповѣди, братъ Ѳеодорихъ, монахъ Цистерціенскаго ордена: этого Ѳеодориха Ливонцы вздумали однажды принесть въ жертву богамъ, чтобы жатва была обильнѣе, чтобы дожди не повредили ей. Народъ собрался, положили копье на землю, вывели священнаго коня, смотрятъ, какою ногою прежде ступитъ конь: правою — опредѣлитъ смерть, лѣвою жизнь; конь ступаетъ ногою жизни; но волхвъ противится, утверждаетъ, что тутъ чары со стороны враждебной религіи: опять ведутъ коня, опять ступаетъ онъ лѣвою ногою и Ѳеодорихъ спасенъ. Въ другой разъ тотъ же Ѳеодорихъ находился въ Эстоніи, когда въ день св. Іоанна Крестителя случилось солнечное затмѣніе: несчастному грозила опять страшная опасность отъ язычниковъ, кото-

рые приписали затмѣніе ему, говоря: это ты пожираешь солнце.

Когда Мейнгардъ увидѣлъ, что мирными средствами трудно будетъ распространить христіанство между Ливами, то отправилъ посла къ Папѣ представить жалкое положеніе юной церкви: Папа повелѣлъ проповѣдывать крестовый походъ противъ Ливонскихъ язычниковъ; но Мейнгардъ не дождался прибытія крестоваго ополченія: умеръ въ 1196 г. Въ этомъ же г., Датскій Король Канутъ VI присталъ къ Эстонскому берегу и утвердился здѣсь, принудивъ туземцевъ силою принять христіанство. Междутѣмъ, Ливонскіе христіане отправили посольство къ Бременскому архіепископу съ просьбою о присылкѣ преемника Мейнгарду. Новый епископъ, Баршольдъ явился сперва безъ войска, собралъ туземныхъ старшинъ и пытался привлечь ихъ къ себѣ угощеніями и подарками, однако напрасно: при первомъ удобномъ случаѣ они завели споръ о томъ, какимъ способомъ погубить новаго епископа: сжечь ли его въ церкви, или убить, или утопить въ Двинѣ. Бартольдъ тихонько ушелъ на корабль и отплылъ сперва на Готландъ, а потомъ въ Германію, откуда послалъ къ Папѣ съ извѣстіемъ о своемъ печальномъ положеніи. Папа объявилъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто отправится въ крестовый походъ противъ Ливонцевъ; вслѣдствіе чего около Бартольда собрался значительный отрядъ крестоносцевъ, съ которыми онъ и отправился назадъ въ Ливонію. Туземцы вооружились и послали спросить епископа, зачѣмъ онъ привелъ съ собою войско? Когда Бартольдъ отвѣчалъ, что войско пришло для

наказанія отступниковъ, то Ливонцы велѣли отвѣчать ему: «Отпусти войско домой и ступай съ миромъ на свое епископство: кто крестился, тѣхъ ты можешь принудить оставаться христіанами, другихъ убѣждай словами, а не палками.» Урокъ не подѣйствовалъ на Бартольда: онъ позволилъ себѣ принять участіе въ битвѣ между крестоносцами и туземцами, и когда послѣдніе были обращены въ бѣгство, то быстрый конь занесъ епископа въ ряды язычниковъ, которые изрубили его. Нѣмцы воспользовалиеь своею побѣдою и страшно опустошили страну; туземцы принуждены къ покорности, крестились, приняли къ себѣ священниковъ, опредѣлили на ихъ содержаніе извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ съ плуга; но только что крестоносцы успѣли сѣсть на корабли, какъ уже Ливонцы начали окуныватся въ Двину, чтобъ смыть съ себя крещеніе, ограбили священниковъ, выгнали ихъ изъ страны; хотѣли сдѣлать тоже и съ купцами, но тѣ задарили старшинъ, и остались ([108]).

Скоро возвратились священники; съ ними пріѣхалъ новый епископъ Альбертъ въ сопровожденіи крестоваго отряда, помѣщавшагося на 23 корабляхъ. Альбертъ принадлежалъ къ числу тѣхъ историческихъ дѣятелей, которымъ предназначено измѣнять бытъ старыхъ обществъ, полагать твердыя основы новымъ. Прибывъ въ Ливонію, онъ мгновенно уразумѣлъ положеніе дѣлъ; нашелъ вѣрныя средства упрочить торжество христіанства и своего племени надъ язычествомъ и туземцами; съ изумительнымъ постоянствомъ стремился къ своей цѣли, и достигъ ея. Враждебно встрѣтили туземцы новаго епископа,

онъ долженъ былъ выдержать отъ нихъ осаду въ Гольмѣ; новоприбывшіе крестоносцы освободили его; но Альбертъ хорошо видѣлъ, что съ помощію этихъ временныхъ гостей нельзя утвердиться въ Ливоніи. Туземцы не могли устоять противъ искуснаго нѣмецкаго войска, потерпѣвъ пораженіе, видя жилища и нивы свои опустошенными, они покорялись, обѣщаясь принять христіанство; но стоило только крестоносцамъ сѣсть на корабли, какъ они возвращались къ прежней вѣрѣ и начинали враждебно дѣйствовать противъ пришлецовъ. Нужно было слѣдовательно вести борьбу не временными, случайными наѣздами; нужно было стать твердою ногою на новой почвѣ, вывести сильную нѣмецкую колонію, основать городъ, въ стѣнахъ котораго юная церковь могла бы находить постоянную защиту. Съ этою цѣлію, въ 1200 г., Альбертъ основалъ при устьѣ Двины городъ Ригу; но мало было основать, нужно было еще дать населеніе новому городу и Альбертъ самъ ѣздилъ въ Германію набирать колонистовъ и привозилъ ихъ съ собою. Но одного города съ нѣмецкимъ населеніемъ было еще недостаточно: народонаселеніе это не могло предаваться мирнымъ занятіямъ, потому что должно было вести постоянную борьбу съ враждебными туземцами; нужно было слѣдовательно постоянное военное сословіе, которое бы приняло на себя обязанность постоянной борьбы съ туземцами, обязанность защищать новую колонію; для этого Альбертъ сперва началъ было вызывать рыцарей изъ Германіи и давать имъ замки въ ленное владѣніе; но это средство могло вести къ цѣли только очень медлен-

но, и потому онъ скоро придумалъ другое, болѣе вѣрное, именно основаніе ордена воинствующихъ братій, по образцу военныхъ орденовъ въ Палестинѣ. Папа Инокентій III одобрилъ мысль Альберта, и въ 1202 г. учредилъ *орденъ рыцарей Меча*, получившій уставъ храмоваго ордена; новые рыцари носили бѣлый плащъ съ краснымъ мечемъ и крестомъ, вмѣсто котораго послѣ стали нашивать звѣзду. Первымъ магистромъ ихъ былъ Винно фонъ Рорбахъ.

XXIX.

Такимъ образомъ Нѣмцы стали твердою ногою при устьѣ Двины; какъ же смотрѣли на это Князья Полоцкіе? Въ то время въ Полоцкѣ княжилъ Борисъ Гнивилловичъ. Желая ли вытѣснить не званныхъ пришлецовъ въ самомъ началѣ ихъ водворенія, или по просьбѣ самихъ Латышей, напалъ въ 1203 г. съ войскомъ на Лифляндію, осадилъ Икскуль или Уексколу и, взявъ окупъ, подступилъ къ Гольму; однако же, нашевъ его хорошо укрѣпленнымъ, обратно возвратился въ Полоцкъ лѣвымъ берегомъ Двины (100).

Почти одновременно съ нимъ и другой какой-то владѣтель Двинскаго княжества *Герсике*, князь или ярлъ—*Всеволодъ*, подошевъ лѣвымъ берегомъ Двины къ Ригѣ, заграбилъ пасшійся скотъ, захватилъ въ плѣнъ двухъ священниковъ и хотя не рѣшился осадить Ригу, но за то отразилъ высланную за нимъ погоню (110).

Вѣроятно, подобныя обстоятельства заставили

Альберта подумать о сближеніи съ Полоцкимъ Княземъ, на котораго онъ до этого времени, какъ кажется, мало обращалъ вниманія. Желая безпрепятственно утвердиться въ низовьяхъ Двины, Альбертъ, рѣшился на время усыпить вниманіе Полоцкаго Князя, и потому отправилъ къ нему аббата Ѳеодориха съ подарками и дружелюбными предложеніями. Прибывъ въ Полоцкъ, Ѳеодорихъ узналъ, что тамъ находятся посланцы отъ старшинъ Ливонскихъ, пріѣхавшіе жаловаться князю на насилія Нѣмцевъ и просить его объ изгнаніи ненавистныхъ пришлецовъ. Въ присутствіи Ливонцевъ, Князь спросилъ Ѳеодориха, за чѣмъ онъ пришелъ къ нему, и когда тотъ отвѣчалъ, что за миромъ и дружбою, то Ливонцы закричали, что Нѣмцы не хотятъ и не умѣютъ сохранять мира. Князь отпустилъ Епископскихъ пословъ, приказавъ имъ дожидаться рѣшенія въ отведенномъ для нихъ домѣ: онъ не хотѣлъ отпустить ихъ тотчасъ въ Ригу, чтобъ тамъ не узнали объ его непріятельскихъ намѣреніяхъ. Но аббату удалось подкупить одного боярина, открывшаго ему, что русскіе, въ согласіи съ туземцами, готовятся къ нападенію на пришлецовъ; аббатъ не терялъ времени: отыскавъ какого то нищаго въ городѣ изъ Гольма, нанялъ его отнести къ Епископу въ Ригу письмо, извѣщавшее о всемъ виденномъ и слышанномъ. Епископъ приготовился къ оборонѣ; а Князь, узнавши, что его намѣренія открылись, вмѣсто войска отправилъ пословъ въ Ригу съ наказомъ выслушать обѣ стороны—какъ Епископа, такъ и Ливонцевъ — и рѣшить, на чьей сторонѣ справедливость. Послы, пріѣхавъ въ Кукейносъ, послали

оттуда дьякона Стефана въ Ригу къ епископу звать его на съѣздъ съ ними и съ ливонскими старшинами для рѣшенія всѣхъ споровъ; а сами, между тѣмъ, разсѣялись по странѣ для созванія туземцевъ. Альбетръ оскорбился предложеніемъ Стефана и отвѣчалъ, что, по обычаю всѣхъ земель, послы должны являться къ тому владѣльцу, къ которому посланы, а не онъ долженъ выходить къ нимъ на встрѣчу. Междутѣмъ Ливонцы — собравшись въ назначенное время и мѣсто и видя, что нѣмцы не явились на съѣздъ — рѣшили захватить замокъ Гольмъ, и оттуда наступить на Ригу. Но ихъ намѣреніе не имѣло желаннаго конца: потерпѣвъ сильное пораженіе, потерявъ старшинъ — изъ которыхъ одни пали въ битвѣ, другіе были отведены въ оковахъ въ Ригу —они принуждены были снова покориться пришельцамъ. Въ числѣ убитыхъ находился старшина *Ако*, котораго лѣтописецъ называетъ виновникомъ всего зла: это онъ возбудилъ Полоцкаго Князя противъ Рижанъ и онъ собралъ Леттовъ и всю Ливонію поднялъ противъ христіанъ (111). Епископъ послѣ обѣдни еще находился въ церкви, когда рыцарь поднесъ ему окровавленную голову Ако, какъ вѣсть побѣды (112).

XXX.

Наслѣдникъ Борисовъ, сынъ его Василій Рогволодъ, владѣвшій и частію Ливоніи — гдѣ онъ имѣлъ укрѣпленный замокъ Кукенмойсъ (дворъ Кукена), нынѣшній Кокенгузенъ; зная о могуществѣ Нѣмцевъ, которыхъ владѣнія распространялись такъ

быстро, что уже находились въ двухъ миляхъ отъ его замка — не имѣя возможности удалить пришлецовъ, рѣшился войти съ ними въ дружественныя сношенія, о чемъ уже помышлялъ и отецъ его, еще въ 1204 году. Отправивъ впередъ посла, самъ поплылъ вслѣдъ за нимъ Двиною; встрѣтились дружески съ Епископомъ и, заключивъ договоръ, Князь весело возвратился въ свою столицу ([113]).

Однако миръ продолжался не долго: Латыши съ своей стороны отправили къ Князю пословъ, которые — изобразивъ всѣ, претерпѣваемыя имъ отъ Нѣмцевъ угнѣтенія и обиды и замыслы ихъ на дальнѣйшія завоеванія—убѣдительно просили Князя спасти ихъ народъ несчастный, къ чему представлялся удобный случай: Епископъ отправился съ рыцарями въ Германію, оставивъ Икскуль, Гольмъ и самую Ригу беззащитными. Легковѣрный Князь тѣмъ легче повѣрилъ, тѣмъ скорѣе согласился исполнить просьбу Латышей, что самъ съ непріязнію взиралъ на опасное сосѣдство. Собравъ войско, пригласивъ сосѣдственныхъ Князей и Литовско-Завилейскаго Князя Утенеса, Полоцкій Князь съ весьма значительными силами отправился въ 1205 г. на ладьяхъ по Двинѣ въ Ливонію. Обложилъ Икскуль, но сверхъ всякаго чаянія нашелъ его хорошо защищеннымъ; напалъ на Гольмъ и — тоже безуспѣшно. Болѣе всего ужаснули Россіянъ метательные снаряды Нѣмцевъ, которые метая камнями не дозволили осаждавшимъ сжечь крѣпости, для чего уже много было подвезено и лѣса и прочаго горючаго матеріала. Со всѣмъ тѣмъ, Россіяне продолжали осаду упорно, успѣли и сами устроить мета-

тельный снарядъ, но дѣйствовали имъ такъ неловко, что камни летали не впередъ, а назадъ и разили своихъ. Наконецъ, потерявъ и терпѣніе и надежду на успѣхъ, отступили отъ Гольма, бывшаго въ дѣйствительной опасности; ибо горсть Нѣмецкихъ воиновъ, 20 человѣкъ, принужденная бодрствовать день и ночь въ замкѣ — куда собралось множество вѣроломныхъ Латышей, сносившихся съ обѣими сторонами — дошла до крайняго изнуренія и принуждена была бы сдаться, если бы осада продлилась хотя сколько нибудь долѣе. Во время этой осады Рига тоже находилась въ большой опасности; но ея малочисленный гарнизонъ прибѣгнулъ къ хитрости: набилъ все пространство около крѣпости желѣзными, прикрытыми землею гвоздями (chausse-trapes) и посланный къ Ригѣ подъѣздъ, потерявъ много лошадей, возвратился съ извѣстіемъ о страшномъ, невѣдомомъ изобрѣтеніи Нѣмцевъ. Къ довершенію всего, другой подъѣздъ, отправленный для наблюденія къ морю, возвратился съ извѣстіемъ, что къ Ригѣ приближается огромный флотъ. Россіяне въ ужасѣ, оставивъ одинадцатидневную осаду Гольма, поспѣшно удалились восвояси, не причинивъ малѣйшаго вреда ни крѣпости, ни слабому ея гарнизону, потерявшему одного лишь хорунжаго въ продолженіе всей этой осады ([114]).

XXXI.

Но, неудачный походъ дотого уронилъ Полоцкаго Князя во мнѣніи его союзниковъ Литовцевъ, что они начали опустошать его владѣнія въ Ливо-

ніи: окрестности Кокенгаузена и область Торейду. Подобныя обстоятельства заставили Василія-Рогволода искать помощи даже у врага своего епископа Альберта, и — коль скоро узналъ о возвращеніи его изъ Германіи — самъ лично отправился къ нему въ Ригу, гдѣ былъ принимаемъ въ теченіе нѣсколькихъ дней со всевозможнымъ радушіемъ и почестями въ собственномъ домѣ епископа, отпустившаго Князя съ богатыми дарами. При этомъ заключенъ былъ миръ и договоръ: Полоцкій Князь уступилъ Альберту половину своихъ владѣній Кокенмойскихъ и половину замка (?) на ленномъ правѣ; Епископъ же съ своей стороны обязался защищать его противъ Литовцевъ. — Все это происходило въ 1206 г.

Кажется, Епископъ свято исполнялъ условія договора. Грозно отозвался къ Литовцамъ, чтобы они прекратили свои хищническіе набѣги на Ливонскіе владѣнія Полоцкаго Князя, если не хотятъ имѣть дѣла съ Орденомъ. Но, Литовцы не вняли этому; напротивъ того, еще болѣе раздраженные угрозами, въ этомъ же году, въ канунъ праздника Рождества Христова, напали на область Торейду и, переправившись на разсвѣтѣ чрезъ рѣку Гойву, разграбили въ самый праздникъ деревни, жители которыхъ едва успѣли скрыться въ лѣсахъ. Ограбивъ всю область и переночевавъ въ деревнѣ Аннонѣ, утромъ съ добычею и плѣнными отправились обратно. Но Альбертъ уже зналъ объ этомъ, собралъ рыцарей и у Левенвардена ожидалъ хищниковъ; перешевъ по льду Двину подъ Ашерадомъ, стремительно напалъ на Литовцевъ, которые, ужаснув-

шись какихъ-то знаковъ ([115]), подняли ужасный вопль и обратились въ бѣгство, оставивъ добычу и плѣнныхъ.

XXXII.

Но, если Епископъ свято исполнялъ условія договора, то, съ другой стороны, послѣдовавшія событія весьма оподозриваютъ искренность Полоцкаго Князя, искавшаго дружбы съ Альбертомъ по необходимости. По крайней мѣрѣ вскорѣ, въ 1206 г., поколебалось доброе согласіе между ними. Управленіе частію Кокенмойскихъ владѣній, уступленныхъ Альберту, послѣдній поручилъ отъ себя владѣльцу Левенвардена Даніилу, который ни коимъ образомъ не могъ ужиться съ Василіемъ-Рогволодомъ, обижавшимъ всячески Нѣмцевъ. Слуги Даніила, улучивъ удобное время — когда люди княжескіе послѣ ночной пирушки, спали крѣпкимъ сномъ— напали на сонныхъ, обезоружили ихъ и къ самому Князю приставили стражу. Даніилъ, бывшій въ это время въ отсутствіи, поспѣшитъ донести о случившемся Епископу, повелѣвшему тотчасъ освободить людей; самаго же Князя пригласилъ къ себѣ въ Дюнамюнде, гдѣ провелъ онъ все Свѣтлое Воскресенье. При этомъ Епископъ употреблялъ съ своей стороны всевозможныя усилія, чтобы почестями и радушіемъ загладить въ памяти и сердцѣ Князя впечатлѣнія несчастнаго событія, и, отпуская его съ богатыми дарами, далъ 20 человѣкъ Нѣмецкихъ работниковъ для починки Кокенгаузенскаго замка; простился съ нимъ дружески и собирался самъ въ

Германію вербовать новыхъ Крестоносцевъ. Полоцкій же Князь—волнуемый, кажется, жаждою мести за оскорбленіе сана и самолюбія — замыслилъ мстить.

Среди бѣлаго дня, воины княжескіе, напавъ на безоружныхъ Нѣмецкихъ работниковъ — нечаявшихъ никакой опасности и занятыхъ своимъ дѣломъ — безчеловѣчно умертвили ихъ исключая трехъ, успѣвшихъ какъ-то спастись бѣгствомъ въ Ригу, чтобы извѣстить тамъ о случившемся. Междутѣмъ Василій Рогволодъ, собравъ оружіе (?) несчастныхъ работниковъ, послалъ его какъ бы какіе трофеи Великому Князю, убѣждая его поспѣшить съ войскомъ для занятія Риги, остававшейся по его мнѣнію беззащитною въ то время. Но расчетъ не оправдался: ни Епископъ, ни рыцари еще не уѣхали, противные вѣтры задержали ихъ въ Дюнамюнде, откуда, при первомъ извѣстіи о случившемся, Епископъ съ войскомъ и съ 30 важнѣйшими рыцарями пошелъ къ Кокенгаузену. Россіяне съ имуществомъ бѣжали въ свои земли, Латыши скрылись въ лѣсахъ, а Кокенгаузенъ перешелъ во власть Рижскаго Епископа, который, по возвращеніи изъ Германіи, въ 1208 г. совершенно перестроилъ и укрѣпилъ этотъ замокъ ([116]).

XXXIII.

Такъ покончилъ Альбертъ съ Княземъ Полоцкимъ. Оставалось еще усмирить одного независимаго Двинскаго Князя, составлявшаго значительную преграду для цѣлей крестоносцовъ, сосѣда до-

вольно опаснаго, владѣвшаго замкомъ *Герсике*, надъ Двиною ([117]). Этотъ Князь, по имени Всеволодъ ([118]), женатъ былъ на дочери литовскаго Князя Утенеса Дангерутѣ — давшему за ней въ приданое нѣсколько волостей въ Литовско-Завилейскомъ княжествѣ([119])—и уже поэтому самому бывшій въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Литовцами, которыми онъ часто предводительствовалъ лично во время ихъ хищническихъ набѣговъ на правый берегъ Двины ([120]); къ тому же, какъ говорятъ, былъ онъ великимъ врагомъ латинства. Лѣтописецъ Ливонскій съ удивленіемъ говоритъ, что отъ лютыхъ набѣговъ Литовцевъ, всегда при содѣйствіи и подъ защитою этого князя, равно терпѣли христіане и не христіане; Латыши, Россіяне и Эстонцы болѣе укрывались въ лѣсахъ, нежели жили въ домахъ; ибо положеніе ихъ въ отношеніи Литовцевъ было тоже, что положеніе овецъ въ отношеніи волковъ ([121]).

Осенью 1208 г. Епископъ двинулся съ войскомъ къ Кокенгаузену и оттуда къ Герсике. Жители сдѣлали смѣлую вылазку; но, отбитые назадъ, преслѣдуемы были съ такимъ жаромъ, что Герсиканцы и Нѣмцы вмѣстѣ вбѣжали въ крѣпость. Городъ былъ взятъ безъ дальнѣйшаго кровопролитія; потому что Всеволодъ съ значительною частію дружины ушелъ за Двину, оставивъ въ добычу побѣдителямъ свою супругу, имущество, жителей и все богатство церквей православныхъ. На другой день, зажегши крѣпость и городъ, Епископъ отправился съ войскомъ обратно; глядя съ другаго берега Двины на пожаръ своей столицы, несчастный Князь горько оплаки-

валъ судьбу роднаго города: «о! Герсике! градъ возлюбленный! о наслѣдіе предковъ моихъ! о! неожиданная гибель рода моего! горе мнѣ! горе рожденному видѣть пожаръ моего города! видѣть гибель и порабощеніе моего народа ([122])». Однако, Епископъ явилъ себя великодушнымъ, призвалъ Князя въ Ригу и — заключивъ съ нимъ предварительно условіе, по которому Всеволодъ уступилъ верховныя права на свои владѣнія Рижской Пресвятой Богородицы церквѣ, отъ имени которой Епископъ, вручивъ ему три лепныя знамени — возвратилъ область на правахъ феодальныхъ съ обязанностію: Епископа всегда считать вмѣсто отца, жить въ дружбѣ съ церковью и на всегда отречся отъ союза съ язычниками ([123]).

Однако Всеволодъ, получившій, кромѣ Герсике, еще два города Антине и Сессау, не пересталъ тайно сноситься съ Литовцами и способствовать ихъ нападеніямъ ([124]).

XXXIV.

Не смотря на всѣ неудачи, Полоцкій Князь еще не отрекся ни отъ правъ своихъ на Ливонію, ни отъ участія въ судьбѣ ея и, не смотря на случившееся, просилъ свиданія съ Епископомъ, чтобы условиться какъ насчетъ судьбы своихъ владѣній въ Лифляндіи, такъ и насчетъ свободы торговли по Двинѣ. Обѣ стороны съѣхались у Герсике (или у Кокенгаузена?), причемъ присутствовалъ и бывшій Псковскій Князь Владиміръ. Сперва Василій упрекалъ Епископа въ угнетеніи жителей и поставлялъ

въ дѣлѣ обращенія язычниковъ въ примѣръ Россіянъ, дѣйствовавшихъ въ то время путемъ убѣжденія и благодѣяній. Потомъ, доказывалъ права свои на Ливонію, права освященныя временемъ. Епископъ съ своей стороны изобразилъ вѣроломство Латышей и какъ неизбѣжное слѣдствіе этого — жестокость и принужденіе въ дѣлѣ обращенія. Правда, не могъ опровергнуть правъ Полоцкаго Князя на Ливонію, ясно имъ доказанныхъ и присутствовавшими тутъ Латышами подтвержденныхъ; но объявилъ, что отъ того что случилось, чѣмъ завладѣлъ, словомъ отъ in statu quo, будучи вассаламъ Римскаго Императора, не можетъ и не долженъ отступаться безъ согласія Кесаря. Спорили, а между тѣмъ присутствовавшіе тутъ Латыши кричали, что не станутъ повиноваться двумъ государямъ. Наконецъ согласились: Полоцкій Князь отрекся въ пользу Епископа отъ всѣхъ правъ на Латышей; а Альбертъ съ своей стороны, дозволивъ свободу плаванія по Двинѣ, вторично обязался защищать и вспомоществовать Князя противъ Литовцевъ ([125]).

Повидимому новый договоръ, какъ и прежніе два, не былъ соблюдаемъ Полоцкимъ Княземъ Василіемъ, котораго Ливонскій лѣтописецъ называетъ *Вещекою* или *Висцекою* ([126]). Къ сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы рѣшить: что́ побудило этого князя, въ 1222 году, принять отъ Новгорода начальство надъ Дерптомъ, гдѣ нѣкоторое время занимался онъ покореніемъ окрестныхъ волостей ([127]).

Наѣзжалъ земли непокорныхъ отъ Вейги до Вироніи, отъ Вироніи до Герванъ и до Саккалы; не

обращая ни малѣйшаго вниманія на владѣнія крестоносцевъ, ни на земли новообращенныхъ христіанъ. Разбилъ посланное противъ него войско Крестоносцевъ, безуспѣшно осаждавшихъ въ 1223 г. Дерптъ. Принималъ къ себѣ всѣхъ бѣглецовъ и преступниковъ изъ владѣній ордена; а туземцевъ новообращенныхъ поощрялъ къ апостатству. Въ 1223 г. Епископъ и рыцари требовали, чтобы Князь прекратилъ свой, въ высшей степени непохвальный, образъ дѣйствій. Но онъ гордо отвѣтствовалъ, что, владѣя Дерптомъ съ согласія Новгорода и Князей Русскихъ, не станетъ утруждать себя переговорами съ Нѣмцами. Потому, Епископъ Альбертъ и орденскій магистръ Волькинъ — пославъ отрядъ войска въ Виронію для развлеченія силъ Россіянъ, сами же — обложивъ Дерптъ 15 августа 1223 г., послали предложеніе сдаться и — получили гордый отказъ. Началась осада упорная, во время которой съ обѣихъ сторонъ выказаны были всѣ современныя военныя хитрости. Не только метали огромными камнями, но бросали раскаленное желѣзо и сосуды съ воспламеняющимися веществами въ крѣпость, въ которую начали дѣлать подземный ходъ. Обѣ стороны были въ безпрерывной тревогѣ, ибо ночью поднимали ужасный шумъ: въ станѣ осаждающихъ Латыши били безпрестанно по щитамъ; Нѣмцы играли на котлахъ и трубахъ; осажденные же Россіяне трубили, по литовскому обычаю, въ огромныя трубы. Уже Крестоносцы начали упадать духомъ, узнавъ о приближеніи значительнаго отряда Россіянъ въ помощь осажденнымъ. Собрался совѣтъ; рыцарь Лютпертъ, Нѣ-

мецкій фохтъ, убѣдительно совѣтывалъ штурмъ и предложилъ, чтобы тому, кто первый водрузитъ знамя на стѣнѣ крѣпости, принадлежалъ важнѣйшій плѣнникъ, исключая самаго Князя, котораго совѣтовалъ повѣсить; а Эстонцевъ, въ урокъ прочимъ, истребить до единаго. Варварскій совѣтъ одобренъ всѣми и, чрезъ нѣсколько дней, приступомъ взята крѣпость, въ которой безчеловѣчно умертвили всѣхъ, исключая не многихъ дѣтей и женщинъ и еще Князя, павшаго смертію храбрыхъ вмѣстѣ съ 2,000 Россіянъ (128).

XXXV.

Крестоносцы всячески искали ссоры съ Герсиканскимъ Княземъ, Всеволодомъ; болѣе потому, что имъ хотѣлось завладѣть его областію — нежели потому, чтобы они въ самомъ дѣлѣ опасались, дѣйствительныхъ или вымышленныхъ, ими же сношеній его съ Литовцами. Потому, въ 1213 г., Нѣмецкій гарнизонъ, бывшій въ Кокенгаузенѣ, улучивъ удобное время напалъ на Герсике и разорилъ его. Вскорѣ послѣ этого комендантъ Кокенгаузена Мейнгардъ снова подошелъ къ Герсике; однако же не удачно, ибо Всеволодъ успѣлъ дать знать объ этомъ Литовцамъ. Нѣмцы, ничего не подозрѣвая, занимались осадою крѣпости и грабежемъ области, какъ вдругъ на противуположномъ берегу Двины показались Литовцы, начавшіе кричать, чтобы подали имъ лодки, что они прибыли для дружественныхъ переговоровъ съ Нѣмцами. Легковѣрные, видя ихъ въ небольшомъ числѣ, и въ самомъ дѣлѣ

отправили къ нимъ лодки, которыми коль скоро завладѣли Литовцы, то въ то же время показалось уже и цѣлое ихъ войско: пѣхота переправлялась на челнахъ, а конница вплавь. Поздно уже Нѣмцы замѣтили свою ошибку, бросились въ бѣгство; но настигнутые Литовцами и оставленые Латышами, скрывшимися въ лѣсъ, остановились, чтобы умереть подъ мечами Литовцевъ ([129]).

КНИГА ПЯТАЯ.

До Гедимина и Ольгерда.

Судьба Бѣлоруссіи. — Событія. — Два Довмонта. — Рымундъ возвращаетъ Полоцкъ Литвѣ. — Витенесъ выкупаетъ его. — Отдаетъ въ удѣлъ Воину. — Война съ Крестоносцами. — Основаніе Могилева.

XXXVI.

Послѣ смерти Василія-Рогволода Полоцкъ, кажется, снова сдѣлался вольнымъ городомъ — но не надолго. При Рингольтѣ Альгимунтовичѣ, (1226 г.), Литва образовалась въ обширную державу, будущему могуществу, которой положилъ онъ первый краеугольный камень. Намѣреніе соединить единоплеменные народы въ одно цѣлое, заставило его вмѣшиваться въ дѣла княжества Литовско-Завилейскаго, Куроніи и Снмигалліи, гдѣ уже начали хозяйничать Нѣмцы; а съ другой стороны, виды политическіе требовали утвержденія власти въ Литовско-Полоцкомъ княжествѣ и прочихъ ближайшихъ земляхъ Кривскихъ. Потому, въ 1230 г., предпринялъ походъ къ странамъ прилежащимъ среднему теченію Двины и, судя по послѣдующимъ событіямъ, вѣроятно въ это время Полоцкое кня-

жество присоединено было къ его владѣніямъ; ибо не владѣя имъ, онъ не могъ бы предпринимать такихъ набѣговъ на сѣверную Россію, какимъ, напримѣръ, былъ походъ его въ генварѣ 1230 г., когда Литовцы воевали окрестности Селигерскаго озера. По крайней мѣрѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ 1234 г. Рингольтъ владѣлъ не только всѣми Кривскими землями по лѣвую сторону Двины, но и Полоцкимъ княжествомъ. Грозно возроставшее могущество Литвы устрашило сосѣдственныхъ Русскихъ Князей, которые, возбужденные Давидомъ Луцкимъ, рѣшились соединенными силами положить предѣлъ ея расширенію. Но Рингольтъ, счастливый воинъ, въ 1235 г., разбилъ — на правомъ берегу Нѣмана, у деревни Могильны—на голову соединенныхъ Князей: Святослава Всеволодовича брата Великаго Князя Рюрика, Льва Даніиловича Волынскаго, Димитрія Друцкаго и Давида Луцкаго, изъ которыхъ два послѣдніе пали въ этомъ кровопролитномъ сраженіи смертію мужественныхъ. Вѣроятно въ это время что-то произошло въ Полоцкѣ, ибо войско Литовское изъ подъ Могильны пошло къ этому городу. Въ то время, какъ новая, въ 1236, рѣшительная побѣда надъ Крестоносцами въ урочищѣ *Камень*, еще болѣе возвысила могущество и славу Рингольта, Россія стонала подъ нашествіемъ Батыя. Такъ счастливый воинъ, послѣ двухъ блестящихъ побѣдъ, могъ считать себя со всѣхъ сторонъ спокойнымъ. Къ тому же онъ имѣлъ достойныхъ помощниковъ въ двухъ сыновьяхъ своихъ: Ердзвиллѣ и Миндовгѣ, изъ которыхъ въ особенности первый, прозванный *Игумисомъ*, оберегавшій сѣверовосточ-

ныя предѣлы отцовскихъ владѣній, отличался военными способностями. Первымъ его завоеваніемъ была почти вся нынѣшняя Бѣлоруссія или Кривскія земли: Полоцкъ, Витебскъ, Орша и Самый Смоленскъ. Этотъ послѣдній городъ, въ которомъ Ердзвиллъ былъ намѣстникомъ въ 1239 г., былъ отнятъ у Литовцевъ Великимъ Княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ при содѣйствіи трехъ Смоленскихъ бояръ изъ рода Воиновъ; Ердзвиллъ попался въ плѣнъ и освобожденъ путемъ выкупа. Послѣ смерти Рингольта (1240) и Ердзвилла (1242), Миндовгъ соединилъ подъ собою всѣ отцовскія владѣнія ([130]).

Междоусобныя войны пріостановили на нѣкоторое время возроставшее могущество Литвы. По родовому праву наслѣдовали не сыновья, но братья; потому, сыновья Ердзвила не получили отцозскаго наслѣдія, доставшагося дядѣ ихъ Миндовгу. Онъ поручилъ имъ охраненіе границъ своихъ владѣній: Товтивилла поставилъ въ Полоцкѣ, придавъ ему въ помощь какого-то опытнаго воина Виконта; Арвида или Довмунда, получившаго въ удѣлъ Оршу, утвердилъ въ Рогачевѣ, откуда онъ долженъ былъ наблюдать за Князьями Черниговскимъ и Смоленскимъ; наконецъ третьему племяннику, Тройнату, поручилъ охраненіе границъ со стороны Подлясья, Мазовіи и Пруссіи ([131]).

XXXVII.

Родовое начало, причинившее столько горя Россіи, навело и на голову Миндовга много бѣдствія;

ибо племянники, придерживаясь началъ семейнаго права, считали себя обиженными, а дядю похитителемъ ихъ достоянія. Здѣсь причина сперва недоброжелательства, а послѣ ненависти ихъ къ Миндовгу.

Полоцкъ, въ которомъ господствовалъ Товтивиллъ, былъ важнымъ пунктомъ владѣній Миндовга; но шайки хищниковъ, съ вѣдома или безъ вѣдома Товтивилла, набѣгали на страны окрестныя, проходя невозбранно чрезъ владѣнія Полоцкія. Вошевъ въ дружественныя сношенія съ Александромъ Невскимъ, Товтивиллъ принялъ православіе, женился на родной сестрѣ супруги Александровой, дочери какого-то князя Брячислава, проживавшаго въ Витебскѣ и титуловавшагося Полоцкимъ. Подобныя связи, справедливое правленіе, которымъ отличался Товтивиллъ, снискали ему любовь и расположеніе жителей его области ([132]); но все это очевидно кончилось тѣмъ, что́ чѣмъ болѣе онъ сближался съ Россіянами, тѣмъ болѣе удалялся отъ своего государя и его интересовъ. Это обнаружилось сперва тѣмъ, что онъ выказалъ себя дурнымъ сосѣдомъ вотношеніи Литовско-Завилейскаго князя, допуская безнаказанно подданнымъ своей области грабить жителей его. Когда же, по жалобѣ тамошняго князя Свинторога, Миндовгъ приказалъ казнить нарушителей общественнаго спокойствія, то Товтивиллъ дотого явилъ себя непослушнымъ, что даже противу его самого нужно было выслать войско: Миндовгъ выслалъ его изъ Полоцка намѣстникомъ въ Оршу. Товтивиллъ началъ роптать на жестокость Великаго Князя; но ему замѣтили, что на такомъ

важномъ постѣ, каковымъ былъ Полоцкъ, князь желаетъ видѣть болѣе послушныхъ; а впрочемъ, если это ему не нравится, то отчего бы ему не поискать счастія между Россіянами, съ которыми сблизился онъ бракомъ, вѣрою и интересами? Раздраженный Товтивиллъ началъ сноситься съ братомъ Арвидомъ, проживавшемъ въ Рогачевѣ, тоже принявшемъ Православіе и женатомъ на Русской княжнѣ (133).

XXXVIII.

Но, дядя предупредилъ замыслы племянниковъ, изгнавъ обоихъ изъ ихъ удѣловъ; братья обратились къ врагу его, князю Галицкому Даніилу. Здѣсь составили они планъ возстанія и отсюда сносились съ третьимъ своимъ братомъ Тройнатомъ, иначе Викундомъ или Вискиндомъ, принявшемъ ихъ сторону и уже набиравшемъ войско между Ятвягами, подобавшими въ грабежѣ и разбоѣ. При содѣйствіи князей Даніила и Василька, племянники открыто объявили возстаніе противу дяди, котораго обвиняли не только въ похищеніи ихъ наслѣдія и въ замыслахъ на гибель ихъ; но — чтобы найти болѣе сочувствія къ своему дѣлу между князьями русскими — даже въ завоевательныхъ планахъ на счетъ земель послѣднихъ. Убѣдительно совѣтывали и просили общими силами для блага общаго сокрушить его могущество. Князь Литовскій громко протестовалъ противу навѣтовъ; доказывая несправедливость ихъ, просилъ выдачи непокорныхъ племянниковъ. Правда, Русскіе князья

ничего открыто не предпринимали противъ него; но зато обнаружились ихъ скрытныя ходатайства предъ князьями Польскими.

Нетерпѣливый Товтивиллъ, виновникъ междоусобія, видя медленность и нерѣшительность князей Русскихъ, обратился къ Крестоносцамъ, принялъ въ Ригѣ Католическую вѣру и съ нею имя Готлиба, и дотого обольстилъ Нѣмцевъ обѣщаніями насчетъ будущихъ своихъ владѣній, что Крестоносцы приняли его сторону. Даже Прусскій магистръ Квенденъ и епископъ Хелмскій прибыли лично въ Ливонію, гдѣ въ то время начальствовалъ надъ Орденомъ доблестный мужъ Андрей Стикландъ. На совѣтѣ общемъ изъ рыцарей и духовенства положено всѣми силами ударить на Литовскаго князя, возвратить племянникамъ ихъ наслѣдственные удѣлы. Начали тѣмъ, что въ 1251 году завоевали Тевтовиллу, Полоцкъ, куда хотя и поспѣшилъ Миндовгъ съ войскомъ; но отбитый Нѣмцами, отступилъ съ значительнымъ урономъ. Послѣ этого, первымъ дѣломъ Тавтивилла было опустошеніе Литовско-Завилейскаго княжества; Крестоносцы же съ своей стороны — разбивъ еще Миндовга подъ Вилькомиромъ, въ концѣ 1251 и началѣ 1252 г. — опустошили Жмуйдь, Семигаллію и даже окрестности Кернова ([134]).

XXXIX.

Съ другой стороны, зять Миндовга, Галицкій князь Даніилъ, — вопреки святости дружественнаго договора 1245 г. — вѣроломно начавъ войну про-

тивъ него, завоевалъ Волковыскъ и Слонимъ. Волею не волею Миндовгъ примирился съ Даніиломъ, который, всегда вѣроломный, и теперь еще не переставалъ скрытно дѣйствовать противъ него: отправилъ съ войскомъ въ помощь Товтивиллу Арвида, который, обошевъ Пинскія болота, пробрался чрезъ Кривскія земли и соединился съ братомъ. Потомъ Арвидъ отправился въ Ригу и принялъ Католицизмъ. Здѣсь составилась огромная лига противъ Миндовга: изъ крестоносцевъ, племянниковъ, князей Руси юго-западной и Даніила Галицкаго, скрытно поднимавшаго на Литовскаго Князя Ятвяговъ, Половцевъ, Татаръ и Короля Польскаго Болеслава Стыдливаго.

Но, у мужественнаго Миндовга нашлось достаточно и воли и умѣнья, чтобы противустать грозящей опасности, найти средства къ спасенію и гибельную войну обратить въ честный миръ. Миндовгъ созвалъ народный сеймъ: изобразилъ ясно грозящую опасность независимости отечества, и народъ, любившій своего государя, довѣрилъ безусловно ему и судьбу свою и отвращеніе опасности мѣрами, какія найдетъ онъ приличными ([135]). Теперь, Князь Литовскій рѣшается на мѣры, изумившія враговъ его. Обратился къ Ливонскому Магистру Андрею Стиклеиду съ предложеніями, предъ которыми онъ не могъ колебаться: миромъ и желаніемъ принять Римско-Католическую вѣру. Военныя дѣйствія прекратились: Магистръ и епископъ Хелмскій Генрихъ Армаканъ, въ сопровожденіи всѣхъ знаменитостей Ордена, поспѣшили къ Миндовгу, принявшему ихъ съ истинно царскою пыш-

ностію. Послѣ великолѣпныхъ пировъ, епископъ поспѣшилъ съ радостнымъ извѣстіемъ въ Римъ, откуда возвратился легатомъ съ королевскими коронами для князя и его супруги и съ буллою на имя Миндовга; 8 сентября 1252 г. — въ столицѣ Литвы, Новогрудкѣ—совершился обрядъ Св. Крещенія и коронованія, среди необыкновеннаго торжества и стеченія духовныхъ и свѣтскихъ знаменитостей изъ окрестныхъ странъ Европы. Миндовгъ возведенъ на степень Короля, а Литва — на степень Королевства.

Такъ рушился страшный ковъ противъ Миндовга: Крестоносцы изъ враговъ стали союзниками и друзьями, за которыми новый король утвердилъ земли, подаренныя имъ Тевтовилломъ, въ томъ числѣ и Полоцкъ. Оставалось лишь усмирить виновниковъ всѣхъ бѣдствій, непокорныхъ племянниковъ и возвратить отнятыя въ это время у него земли Даніиломъ Галицкимъ. Но, чтобы имѣть поводъ воевать съ новыми братьями-христіанами, исходатайствовалъ въ 1255 г. у Папы буллу, возводящую сына его Войшелга, въ язычествѣ Вольстыникасъ, на степень *Короля Русскаго*. Вслѣдъ за этимъ открывшаяся война лишила Галицкаго князя прежнихъ завоеваній на владѣніяхъ Миндовговыхъ, между Нѣманомъ и Бугомъ. Даніилъ началъ пріискивать новыхъ враговъ противъ Миндовга и нашелъ пока — Тевтовилла.

XL.

Литовско-Завилейскій князь Свинторогъ отнялъ наконецъ въ 1256 г., какимъ то образомъ Полоцкъ у этого князя, не удерживавшаго своихъ подданныхъ отъ наѣздовъ на его земли. Тевтовиллъ бѣжалъ на Жмуйдь къ дядѣ своему Викинту, независимому Жмуйдскому ярлу, коего столица была Тверь или Твериментъ, откуда опять началъ дѣйствовать противъ Миндовга за-одно съ Даніиломъ, который однако — послѣ двухлѣтней войны — помирился съ Миндовгомъ. Это поразило Тевтовилла; прибывъ поспѣшно въ станъ къ Даніилу, онъ такъ сильно укорялъ его въ слабости и вѣроломствѣ, что тотъ оскорбленный отказалъ наконецъ ему въ пристанищѣ и дружбѣ ([136]). Угнетенный неудачами Тевтовиллъ смирился, умилостивилъ дядю и уже горячо брался дѣйствовать противъ прежняго союзника и друга, Даніила ([137]). Его примѣру послѣдовали и два другіе брата; великодушный Миндовгъ простилъ мятежныхъ племянниковъ, старшій изъ нихъ Арвидъ или Довмундъ, отличный воинъ, получилъ въ удѣлъ княжество Нальщанское, Товтивиллу возвращенъ Полоцкъ, а Тройнату Жмуйдь.

Но—покорившись по необходимости, не искренне — племянники лишь скрывали безсильную злобу, тлившуюся въ сердцахъ ихъ и обнаружившуюся при первомъ случаѣ. Въ 1263 г., по повелѣнію Миндовга, послалъ отрядъ войска для наказанія князя Брянскаго Романа, пограбившаго владѣнія Литовскія

около Днѣпра, кажется, въ нынѣшней Могилевской губерніи. Къ этому отряду велѣно было присоединиться и князю Нальщанскому Довмунду, который— хотя и выступилъ; но—подъ пустымъ предлогомъ, возвратился съ половины пути. Походъ не имѣлъ успѣха и въ этомъ конечно виноватъ былъ князь Нальщанскій, навлекшій на себя справедливый гнѣвъ дяди. Потому, не медля нисколько, Довмундъ — злившійся уже на дядю среди подозрѣній, несправедливо трезавшихъ его душу по поводу удержанія жены его Миндовгомъ при своихъ осиротѣвшихъ дѣтяхъ (138) — отправился на Жмуйдь къ Тройнату, съ которымъ и составилъ новый заговоръ противъ государя и дяди своего, погибшаго наконецъ вмѣстѣ съ двумя малолѣтними сыновьями подъ ножами убійцъ, напавшихъ на него соннаго ночью, 12 сентября 1263 г., въ лѣсахъ Семигалліи, гдѣ онъ, улучивъ свободное отъ дѣлъ государственныхъ время, беспечно проводилъ его на охотѣ.

XLI.

Достигнувъ давно желанной цѣли, убійцы — слѣдуя первому побужденію — разграбили сокровища княжескія и этимъ еще болѣе помрачили свой изувѣрный поступокъ, обнаружившій лишь гнусное ихъ корыстолюбіе. Тройнатъ, завладѣвъ Керновомъ, превозгласился Великимъ Княземъ Литовскимъ и Русскимъ. Истинный же наслѣдникъ, Вошелгъ — обрекшійся монашеству еще при жизни отца; узнавъ изъ глубины Лещинскаго монастыря о несчастной смерти отца и братьевъ, о возвыше-

ніи вѣроломнаго Тройната, о паденіи христіанства въ Литвѣ и благодарственныхъ жертвоприношеніяхъ въ Керновѣ въ честь Перкуна — удалился въ Лавришевскій монастырь, близъ Пинска, и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока не вызвало его оттуда отечество.

Междутѣмъ Тройнатъ — по видимому, не опасавшійся совмѣстничества старшаго брата Довмунда, — отправилъ гонца въ Полоцкъ къ Тевтовиллу, приглашая его, какъ брата и друга подѣлиться наслѣдіемъ ненавистнаго дяди; приглашалъ друга, на счетъ котораго уже питалъ злодѣй въ душѣ своей самые черные замыслы. Товтивиллъ — дѣйствовавшій всегда открыто и потому благородно противъ дяди—ужаснулся, узнавъ о злодѣяніи братьевъ, и рѣшился наказать брата злодѣя и дядеубійцу. Открывъ убѣжище Войшелга, вошелъ съ нимъ въ переговоры, а между тѣмъ, въ началѣ 1264 г., лично прибылъ въ Керновъ въ сопровожденіи бояръ и Полоцкой дружины. Еще не кончились пиры, какъ нѣкто Прокопъ, изъ дружины его, предостерегъ тайно Тройната. Товтивиллъ былъ умерщвленъ тоже измѣннически, дружину и бояръ обремѣнили цѣпями; а въ Полоцкъ отправили гонца съ предложеніемъ къ жителямъ: выдать живаго или мертваго Товтивиллова сына Августа и принять отъ Тройната, своего Великаго Князя, намѣстника, если граждане Полоцкіе не желаютъ въ противномъ случаѣ видѣть бояръ своихъ, находившихся въ плѣну въ Керновѣ, обезглавленными. Юный Августъ, не желая навлекать бѣдствія на Полоцкъ, осудилъ себя на добровольное изгнаніе: ушелъ въ Новгородъ,

откуда князь Ярославъ вскорѣ выслалъ его княжить во Псковъ, гдѣ онъ и погибъ во время междоусобія (139). Полоцкъ же, волею не волею, принялъ отъ руки Тройната намѣстника: удѣльнаго ярла Ейраголы на Жмуйди Дорминишпрунгова сына, славнаго морскаго викинга Лютавора, сынъ котораго Витенесъ удостоился великой чести — быть избраннымъ на великокняжескій престолъ (140).

Отступникъ христіанства, безумный тиранъ и вѣроломный братоубійца — Тройнатъ палъ наконецъ, въ 1265 г., и самъ отъ рукъ убійцъ, вѣрноподданныхъ Миндовга, тотчасъ давшихъ знать объ этомъ Войшелгу, который — уступивъ великокняжеское достоинство мужу сестры своей, Шварну — только чрезъ два года, уже послѣ смерти его, возсѣлъ на престолѣ отца своего. Отомстивъ жестоко за смерть его, самъ онъ тоже палъ, въ 1267 г. во Владимірѣ Волынскомъ отъ руки тамошняго князя Льва Даніиловича. Съ Войшелгомъ пресѣклась линія Палемона и въ 1268 г. на престолъ Литовскій вступила линія Довшпрунга въ лицѣ Литовско-Завилейскаго князя маститаго старца Свинторога, соединившаго въ одно оба Литовскія княжества.

XLII.

Вмѣсто Довмунда князя Нальщанскаго явился Довмундъ Ромуидовичь князь Утянскій (надъ Двиною). Когда, въ 1280 г., умерла его жена, сестра Великаго Князя Литовскаго Нариманда, то послѣдній, не будучи въ состояніи лично присутствовать при погребеніи, отправилъ для этого супругу

въ Утяны; но Довмундъ, влюбившись въ Великую Княгиню, не хотѣлъ уже отпустить ее отъ себя. Раздраженный супругъ обложилъ войскомъ Утянскій замокъ, изъ котораго однако же Довмундъ успѣлъ уйти въ Псковъ къ дядѣ своему Довмунду (старому), при помощи котораго завоевалъ въ 1281 г. Полоцкъ (141). Завладѣвъ Полоцкомъ, Довмундъ думалъ уже о Литовскомъ престолѣ, на которомъ сидѣлъ въ то время отличный воинъ и государь, любимый народомъ, Тройденъ. Не имѣя ни силъ, ни смѣлости открыто возстать противъ него — Довмундъ прибѣгнулъ къ средству болѣе легкому и менѣе опасному: нанялъ убійцъ. Коль скоро пронеслась вѣсть о смерти Тройдена, Довмундъ спѣшили съ Полочанами въ Керновъ для занятія великокняжескаго престола, принадлежавшаго ему, какъ старшему въ родѣ. Народъ ужаснулся, узнавъ въ претендентѣ извѣстнаго врага отечества. Полководецъ Литовскій Витенесъ собралъ поспѣшно сеймъ, единогласно превозгласившій Великимъ Княземъ Рымунда Тройденова сына, который, подобно Войшелгу, въ юныхъ лѣтахъ обрекъ себя монашеской жизни. Рымундъ явилъ себя достойнымъ сыномъ Тройдена; разбилъ Довмундово войско, и — самаго его убивъ собственною рукою — отправился въ Полоцкъ, который возвратилъ Литвѣ (142).

XLIII.

Полоцкое княжество подарено было Товтивилломъ Рижской церквѣ. Миндовгъ, принявшій Католическую вѣру, не уничтожилъ этого дара, должен-

ствовавшаго совершиться послѣ смерти Товтивилла, котораго онъ утвердилъ при пожизненномъ владѣніи Полоцкимъ княжествомъ. Вѣроятно, послѣ смерти его, Рижскій архіепископъ старался завладѣть Полоцкомъ; но такъ же извѣстно и то, что онъ не успѣлъ въ этомъ, ибо, при занятіи его Довмундами, это княжество принадлежало Литвѣ. Уже послѣ смерти Довмунда Псковскаго (стараго) (143) Рижскій епископъ успѣлъ какъ-то завладѣть Полоцкомъ, которымъ рыцари — пріобрѣвъ его отъ Рижской церкви для себя — сперва владѣли нѣкоторое время, а послѣ — вѣроятно не видя возможности удержаться въ немъ — продали его въ 1307 г. Великому Князю Литовскому Витенесу, отдавшему въ этомъ же году Полоцкъ въ удѣлъ сыну своему Воину (144), принявшему Православіе и съ нимъ имя Василія (145).

Изъ дѣяній этого князя — младшаго Гедиминова брата, княжившаго долгое время — извѣстна война его съ Орденомъ, котораго магистръ Бурхардъ Дрейлевенъ, вознамѣрившись распространить Орденскія предѣлы на счетъ Полоцкихъ, на границѣ ихъ построилъ укрѣпленные замки Фрауенбургъ и Маріенбургъ (Маріенгаузъ въ нынѣшнемъ Люценскомъ уѣздѣ Витебской губерніи). Въ началѣ 1342 г. Воинъ отправилъ сына своего Любко съ войскомъ къ Маріенбургу, отъ котораго впрочемъ онъ былъ отбитъ съ урономъ, послѣ кратковременной осады (146).

XLIV.

Въ заключеніе этаго отдѣла, упомянемъ объ основаніи, въ 1267 или 1269 г., нынѣшняго губернскаго города Могилева. По мѣстному преданію, когда-то въ древности жило тутъ два богатыря, *Гвоздъ* и *Машека*. Мѣсто, гдѣ пребывалъ первый, слыветъ и до настоящаго времени *Гвоздовкою;* а гдѣ второй — *Мышаковкою*—два урочища вблизи праваго берега Днѣпра и раздѣляющіеся лишь глубокимъ оврагомъ. Оба, владѣвшіе ужасною силою, грабили и убивали кого ни попадали, и берегъ Днѣпра вздымался могилами жертвъ ихъ злодѣйства. Когда, со временемъ, основалось тутъ рыбачье селеніе, то, отъ множестоа могилъ, прозвалось оно *Могилевомъ*. Преданіе объясняетъ, что несчастная любовь погубила Машеку: его возлюбленная вышла замужъ за другаго; а онъ, отъ злобы и отчаянія, сдѣлался разбойникомъ. Случай однакожь заставилъ ее однажды проѣзжать вмѣстѣ съ мужемъ мимо притона ея прежняго рыцаря. Мужъ былъ убитъ; она же, попавшись въ руки Машекѣ, притворилась любящею его по прежнему, усыпила подозрѣнія и зарѣзала соннаго. Могила, принявшая въ себя знаменитаго богатыря, прозвана *могилою Льва*; а селеніе, тутъ основавшееся, *Могилевомъ* ([147]), который еще въ XVII столѣтіи польскіе писатели называли *Могилавомъ* ([148]), появляющимся въ польскихъ лѣтописяхъ только съ 1320-го года.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Покореніе земель Русскихъ Великими Князьями Литовскими.

Гедиминъ. — Судьба Рогнѣдина потомства. — Бракъ Ольгерда съ Маріею Витебскою. — Андрей Ольгердовичь. — Война съ Крестоносцами. — Любко Полоцкій. — Распри съ Псковомъ. — Удѣлы Ольгердовичей въ Бѣлоруссіи. — Ягелло. — Распри Ольгердовичей. — Андрей Кейстутьевичь. — Скиргелло. — Распря за Полоцкъ. — Вмѣшательство Ордена. — Смерть Кейстута. — Андрей записываетъ Полоцкъ Ордену. — Вторженіе Крестоносцевъ въ Бѣлоруссію. — Изувѣрство Святослава Смоленскаго. — Усмиреніе. — Ягелло въ Бѣлоруссіи. — Скиргелло. — Витольдъ. — Свидригелло. — Война за Витебскъ. Свидригелло В. К. Литовскимъ. — Заговоръ. — Бѣгство. — Битва подъ Ошмянами. — Императоръ и Крестоносцы. — Миръ. — Опять война. — Битва подъ Вилькомиромъ. — Участь Свидригеллы. — Свидригелла скрывается. — Казиміръ. — Дѣла Смоленскія. — Разныя событія.

LXV.

Итакъ, Полоцкъ и во время смутъ, обуревавшихъ Литву до Гедимина, уже не возвратился Россіи; что́ же происходило въ прочихъ удѣлахъ этого княжества? Витебское, сохранившееся до Ольгерда, нахо-

дилось, кажется, въ зависимости отъ князей Смоленскихъ ([149]); о прочихъ же удѣлахъ бывшаго Полоцкаго княжества нѣтъ никакихъ извѣстій. Кажется, что всѣ они, даже до Гедимина, остались за прежними ихъ владѣтелями, низшедшими на степень князей мелкихъ, владѣвшихъ маловажными удѣлами.

Мало по малу, Западная Русь образовала новое самостоятельное государство — *княжество Литовское*. Литовскіе князья, утвердившіеся первоначально въ Полоцкѣ, принимали православіе и вступали въ родственныя связи съ потомками Владиміра св. Гедимину не трудно было, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, образовать силою и политикою государство могущественное. Гедиминъ былъ государь выше своего вѣка: дозволялъ сыновьямъ своимъ креститься, старался образовать народъ, заключалъ торговые договоры, призывалъ купцовъ, художниковъ, ремесленниковъ. Какъ мудрый политикъ, онъ въ покоренныхъ областяхъ не отмѣнялъ древнихъ уставовъ, даже потомковъ Владиміра. св. не преслѣдовалъ, не выгонялъ изъ ихъ удѣловъ, а оставлялъ ихъ намѣстниками, не отнимая и княжескаго титула. Русскіе безпрекословно повиновались ему особенно въ Кіевѣ, Черниговѣ и на Волыни, гдѣ видѣли въ немъ грознаго соперника Монголамъ и избавителя отъ тягостнаго рабства.

LXVI.

При Гедиминѣ Витебское княжество досталось сыну его Ольгерду по браку съ Витебскою княжною

Маріею Ярославною, ради которой онъ принялъ православіе ([150]). Здѣсь господствовалъ Ольгердъ, доколѣ не занялъ онъ въ 1345 г. Гедиминова престола; отсюда поддерживалъ онъ могущество Литвы на сѣверныхъ ея предѣлахъ. Благодаря его защитѣ, этотъ край, вособенности Смоленское княжество, спаслись отъ ига Татарскаго ([151]). Въ 1342 г. прибыли къ Ольгерду въ Витебскъ Псковскіе послы, прося защиты противъ Ордена, магистръ котораго Дрейлевенъ осадилъ Изборскъ. Ольгердъ — съ роднымъ своимъ братомъ Кейстутомъ и двоюроднымъ Любко, сыномъ Полоцкаго князя — поспѣшилъ на помощь Псковитянамъ. Крестоносцы оставили Изборскъ и благодарные Псковитяне предложили княжескую власть надъ собою Ольгерду, который, передавъ ее сыну своему Андрею, принявшему по этому случаю православіе, самъ возвратился въ Витебскъ ([152]).

Одинъ лишь Любко погибъ жестокою смертію. Отдѣлившись отъ войска съ однимъ только воиномъ, нечаянно попался въ руки Крестоносцамъ, которые, какъ бы лютые варвары, разсѣкли несчастнаго князя на части. Ольгердъ не могъ простить этого безчеловѣчнаго поступка надъ его двоюроднымъ братомъ. Кейстутъ привелъ войско Литовское, Андрей Псковское и, зимою 1342—1343 г., открылась кровопролитная война. Ольгердъ вторгнулся въ Орденскія владѣнія и дотого стѣснилъ Крестоносцевъ, что, для спасенія Ордена, объявленъ былъ крестовый походъ въ Европѣ. Съ другой стороны жители Эстоніи, доведенные до отчаянія жестокостями Нѣмцевъ, тоже возстали и этимъ еще болѣе затруднили

положеніе Ордена. Дорого обошлась ему эта война, разорившая Лифляндію, Семигаллію, Курляндію и даже Пруссію.

LXVII.

Занявъ Великокняжескій престолъ въ 1345 г., Ольгердъ отдалъ Витебское княжество сыну своему Андрею, бывшему сверхъ этого, какъ уже сказано, и княземъ Псковскимъ. Но Андрею, получившему послѣ смерти Воина и Полоцкое княжество, не нравилось какъ-то жить во Псковѣ; потому — оставивъ тамъ намѣстникомъ какого-то Юрія Витовтовича, мужа храбраго и весьма любимаго народомъ — самъ проживалъ въ Полоцкѣ. Случилось, что — во время нахожденія, въ 1349 г., Витовтовича въ Изборсвѣ при освященіи храма— хищники нѣмецкіе напали на предмѣстіе. Храбрый намѣстникъ, предводительствуя не многочисленною дружиною, погибъ въ неравномъ боѣ. Жена его съ дѣтьми возвратилась въ Литву; но Псковитяне не хотѣли уже принять намѣстника отъ руки Андрея. Раздраженный этимъ Ольгердъ задержалъ Псковскихъ купцовъ въ Литвѣ, сконфисковалъ ихъ товары, а съ нихъ самихъ взялъ окупъ. Андрей съ своей стороны стѣснялъ Псковитянъ, вторгнулся въ ихъ область въ 1350 г. и опустошилъ Воронацкую волость, ([153]). Распри между Полоцкомъ и Псковомъ по этому поводу продолжались еще долгое время, въ теченіе котораго Полочане и Псковитяне воевали пограничныя волости другъ у друга. Въ 1358 г. Псковитяне, подъ начальствомъ князя Ефстафія, грабили Полоцкія

земли, за что́ Андрей съ своей стороны отплатилъ имъ тѣмъ же ([154]). Въ 1373 г. Андрей Ольгердовичь вмѣстѣ съ дядею своимъ Кейстутомъ и Димитріемъ Корибуттомъ, бывшемъ въ то время княземъ Друцкимъ, помогалъ князю Михаилу Тверскому противъ Димитрія Донскаго ([155]).

LXVIII.

Въ 1377 г. сошелъ въ могилу Ольгердъ, оставившій двѣнадцать сыновей и семерыхъ дочерей. Отъ перваго брака съ Маріею Ярославною, княжною Витебскою, Ольгердъ имѣлъ шестерыхъ сыновей: Владиміра князя Кіевскаго, Іоанна Задзевита князя Подольскаго, Семена Лангвенія, Андрея Вингольта, Константина Коригеллу князя Черниговскаго и Чарторыйскаго или Чарторижскаго; и шестаго, Бориса Буттава. Отъ втораго брака съ Іуліяніею, княжпою Тверскою, имѣлъ тоже шестерыхъ сыновей и въ числѣ ихъ Владислава Ягеллу, короля Польскаго и Великаго князя Литовскаго. Изъ числа двѣнадцати его сыновей четыре изъ нихъ получили удѣлы въ нынѣшнихъ Бѣлорусскихъ губерніяхъ: Симеонъ Лингвиній или Лугвеній княжество Мстиславское ([156]); Андрей Вингольтъ Полоцкое и Трубчевскъ; Ягелло — въ православіи Яковъ, въ католичествѣ Владиславъ — княжество Витебское и Кревскъ или Крево въ Ошмянскомъ уѣздѣ нынѣшней Виленской губерніи; Димитрію Корибуту дано княжество Друцкое, и еще Новогрудокъ и Лиду. Первые два родились отъ Ма-

ріи княжны Витебской, вторые же отъ Іуліяніи княжны Тверской ([157]).

Хотя по вліянію Іуліяніи Ягелло назначенъ былъ преемникомъ Ольгерда; со всѣмъ тѣмъ Андрей князь Полоцкій, какъ старшій изъ сыновей Ольгерда отъ перваго брака, считая себя обиженнымъ, не призналъ правъ Ягеллы на Великокняжескій престолъ и открыто возсталъ противъ него, уже единогласно провозглашеннаго законнымъ наслѣдникомъ и государемъ. Потому, первымъ его дѣломъ, по вступленіи на престолъ — было лишеніе Андрея Полоцка и Трубчевска. Андрей бѣжалъ въ Псковъ; но, найдя тамъ мало приверженцевъ своему дѣлу, ушелъ оттуда въ Москву къ Великому Князю Димитрію, начавшему уже воевать Русь Литовскую при первомъ извѣстіи о смерти Ольгерда ([158]). Димитрій съ радостію принялъ Андрея, которому обѣщалъ возвратить силою оружія по крайней мѣрѣ Трубчевскъ, уже отданный Ягелломъ Димитрію Корибутту.

Въ декабрѣ 1369 г. Андрей двинулся съ Московскимъ войскомъ къ Трубчевску; но братъ встрѣтилъ его съ хлѣбомъ и солью — случай, не мало обрадовавшій Великаго Князя: ибо другой сынъ Ольгердовъ оставлялъ Ягеллу. Димитрій отдалъ въ удѣлъ Димитрію Корибуту Княжество Переяславль-Залѣское ([159]).

LXIX.

Распри возростали въ Ольгердовомъ семействѣ. Наушники вооружили неопытнаго Ягеллу, противъ

опекуна и дяди его, маститаго героя Кейстута, узнавшаго вскорѣ даже и о заговорѣ на жизнь свою. Случай убѣдилъ его въ злонамѣреніяхъ Ягеллы. Послѣ бѣгства Андрея Ольгердовича, Полоцкое Княжество отдано было сыну Кейстута Андрею Горбатому. Но, хитрый Ягелло — заключивъ въ 1380 г. секретно съ Орденомъ перемиріе, изъ подъ котораго изъялъ удѣлъ Кейстута и сыновей его ([160]) — легкомысленно отдалъ Полоцкое Княжество единоутробному брату своему Скиргеллу. Однакожь, преданные Андрею Полочане, не только не приняли его; но даже, посадивъ на старую клячу, съ безчестіемъ выпроводили изъ города, зявъ съ него клятву никогда уже не возвращаться болѣе ([161]). Раздраженный этимъ Ягелло послалъ къ Полоцку войско, къ которому, какъ бы случайно, присоединились Крестоносцы подъ начальствомъ Конрада Роденштейна, въ 1382 г. Напрасно жители молили Новгородцевъ какъ братьевъ о защитѣ; напрасно предлагали Магистру быть данниками Ордена, если онъ избавитъ ихъ отъ Скиргеллы: Новгородцы только отправили мирное посольство къ Ягеллу, а Конрадъ Роденштейнъ отвѣтствовалъ: «для кого я осѣдлалъ коня и вынулъ мечь изъ ноженъ тому не измѣню вовѣки ([162])». Однако, мужественный Андрей Кейстутьевичь, не смотря на всѣ усилія непріятеля и шестнадцатинедѣльную осаду, отстоялъ Полоцкъ, жители котораго готовы были скорѣе сдаться Нѣмцамъ нежели князю, ими пренебреженному ([163]).

Это окончательно убѣдило Кейстута въ печальной истинѣ, что Ягелло, дружный съ крестонос-

цами болѣе нежели онъ могъ предполагать, питаетъ черные на счетъ его замыслы. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, маститый герой, столько заслуженный отечеству, принужденъ былъ прибѣгнуть къ крайности: занявъ въ 1381 г. Вильно и другіе города, превозгласилъ себя Великимъ Княземъ и тотчасъ далъ знать объ этомъ Полочанамъ, принявшимъ съ радостію это извѣстіе — Скиргелло же едва успѣлъ спастись съ Крестоносцами въ Ливонію; а Ягелло съ матерью отправленъ въ удѣлъ свой Крево.

L.

Опомнившись отъ случившагося въ Литвѣ, Крестоносцы — которымъ больно было видѣть внезапно разрушенными планы, такъ долговременно и такъ тщательно составлявшіеся, что бы привести ихъ однакожь въ исполненіе — пустили въ ходъ Скиргеллу. Этотъ князь — взятый наконецъ гдѣ-то въ плѣнъ Андреемъ, вѣроятно во время наѣздовъ на Полоцкія владѣнія, просидѣвъ нѣкоторое время въ заключеніи — успѣлъ бѣжать въ Ригу и оттуда, по совѣту Крестоносцевъ, тайно въ Крево. Тамъ съ братомъ и матерью составили планъ дѣйствій противъ Кейстута. Снабженный деньгами и материнскими драгоцѣнностями отправился въ Пруссію чрезъ Ливонію, откуда получилъ отъ Магистра къ Маршалу Прусскому рекомендательное письмо, благодаря которому торжественно принятъ былъ въ Мальборгѣ Великимъ Магистромъ, получившимъ вмѣстѣ съ грамотами и дары богатые. Цѣль по-

сольства состояла въ снисканіи покровительства Ордена для матери и Ягеллы, находившагося въ заточеніи, низвергнутаго съ престола отца своего, язычникомъ и врагомъ вѣры Христовой. Если бы Великій Магистръ согласился всею силою Ордена содѣйствовать къ возвращенію престола Ягеллѣ, то, въ награду за содѣйствіе, Скиргелло отъ имени его и вельможъ Литовскихъ обѣщалъ большія пожалованія въ княжествѣ Литовскомъ. Крестоносцы согласились; но съ условіемъ, чтобы Ягелло въ теченіе четырехъ лѣтъ принялъ со всѣмъ своимъ народомъ вѣру Римско-Католическую. Чѣмъ бы все это кончилось, если бы живъ былъ Кейстутъ, вѣроломно, какъ говорятъ, умерщвленный въ 1382 г. въ темницѣ, куда попалъ онъ великодушно довѣрившись Ягеллѣ, теперь снова воспріявшему бразды правленія ([164]).

LI.

Междутѣмъ Андрей Ольгердовичь, лишившись удѣла по недоброжелательству къ собственному роду, сперва странствовалъ по Россіи, потомъ обратился къ Ордену, принимавшему съ распростертыми объятіями всѣхъ враговъ порядка и спокойствія въ государствахъ сосѣдственныхъ. Въ письмѣ своемъ къ Ливонскому Магистру, называя его отцемъ и любезнымъ другомъ, Андрей записываетъ ордену то, чего самъ не имѣетъ — Полоцкое Княжество, съ условіемъ: если Орденъ, отнявъ его у Ягеллы, отдастъ его ему на ленномъ правѣ, то онъ и на-

слѣдники его обязаны будутъ служить Ордену какъ подданные и данники ([165]).

Орденъ не пренебрегалъ и подобными дарами, и — въ то время, когда Ягелло торжествовалъ крещеніе свое въ Католическую вѣру и свадьбу съ прекрасною Польскою царевною Ядвигою въ Краковѣ — магистръ Ливонскій Цолнеръ, зимою 1386 г., съ двумя арміями и Андрей съ третьею вторглись въ Полоцкое княжество. Андрей поднималъ весь нынѣшній Бѣлорусскій край, всю Русь Литовскую на Ягеллу, какъ отступника отъ Православія, и Орденъ вторилъ этимъ наущеніямъ, хотя и направленнымъ противъ католическаго государя. Но, не сбылись ихъ надежды: ни Крестоносцы, ни Андрей не пріобрѣли довѣрія народа. Одинъ Лукомль удержалъ собою весь напоръ Крестоносцевъ, пока они успѣли только сжечь его внѣшія укрѣпленія. Наконецъ, уничтоживъ эту маловажную крѣпость, союзники простерли опустошенія почти до Ошмянъ, не завладѣвъ ни однимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ. Крестоносцы, раздраженные не успѣхомъ, опустошивъ огнемъ и мечемъ 18 волостей, возвратились восвояси, сжегши по пути Дриссу, увевъ съ собою въ плѣнъ 3000 народа и болѣе 2000 лошадей, кромѣ прочей добычи, награбленной въ теченіе трехъ недѣль ([166]). Ушли Крестоносцы; но еще оставался союзникъ ихъ — Смоленскій князь Святославъ Ивановичъ, который, въ этомъ же году, съ двоюроднымъ братомъ своимъ Иваномъ Васильевичемъ и сыновьями Юріемъ и Глѣбомъ пошелъ сперва къ Витебску, а послѣ къ Оршѣ. Но этотъ городъ затворилъ врата предъ нимъ и, укоряя его въ низости, дотого раздражилъ

Святослава, что онъ началъ неистовствовать не какъ человѣкъ, а какъ безсмысленный звѣрь. Невѣрится описанію истинно адскихъ мученій, изобрѣтенныхъ этимъ тираномъ для невиннаго и единовѣрнаго съ нимъ народа — беззащитныхъ земледѣльцевъ, которыхъ то сожигалъ сотнями въ деревянныхъ строеніяхъ, то давилъ десятками подъ приподнятыми стѣнами ихъ, то наконецъ сажалъ на колъ младенцевъ и женъ, веселясь отчаяніемъ этихъ жертвъ невинныхъ. Сколь вообще ни ужасны были въ то время законы войны, но лѣтописцы говорятъ объ этихъ злодѣяніяхъ Святослава съ живѣйшимъ омерзеніемъ. Возвратившись въ Смоленскъ и взявъ стѣнобитныя орудія, подступилъ, 18 апрѣля этого же года, къ Мстиславлю, незадолго предъ тѣмъ отторгнутому отъ Смоленска Ольгердомъ. Обложивши этотъ городъ со всѣхъ сторонъ, Святославъ десять дней штурмовалъ его, подкапывая стѣны, разрушая заставы и башни. Въ Мстиславлѣ оборонялся въ то время Коригелло, а князь Мстиславскій Лингвиній-Симеонъ присутствовалъ въ Краковѣ. Въ одинадцатый день осады, показались издалека знамена: то были князья Скиргелло, Корибутъ и Лингвиній, за которыми шелъ Витольдъ. Король услышавъ о событіяхъ въ Литвѣ, отправилъ этихъ князей на помощь свой отчизнѣ. Смоленцы были оттакованы на берегахъ рѣки Вехры, и побѣда утѣшила мужественныхъ гражданъ Мстиславля, смотрѣвшихъ съ городскихъ стѣнъ на кровопролитную битву, въ которой войско Святославово было разбито на голову, и самъ онъ, лежавшій въ лѣсу отъ усталости, убитъ Литовскимъ

воиномъ, которому онъ не хотѣлъ отдаться въ плѣнъ. Племянникъ его Иванъ Васильевичь также положилъ здѣсь свою голову; а сыновья Юрій и Глѣбъ взяты въ плѣнъ съ многими боярами. Изъ подъ Мстиславля Литовское войско пошло къ Смоленску и, поставивъ тамъ княземъ Глѣба Святославича, спѣшило къ Полоцку, который не переставалъ осаждать Андрей Ольгердовичь, едва не достигшій уже своей цѣли, и совершенно опустошившій его окрестности. Но, оставленный Крестоносцами, узнавъ объ участи Святослава, снялъ осаду Полоцка и заключился въ Лукомлѣ. Тамъ, окруженный войскомъ Литовскимъ, послѣ упорной защиты, сдался братьямъ, отославшимъ его къ Королю окованнаго цѣпями. Просидѣвъ три года въ замкѣ Хенцинскомъ въ неволѣ тяжкой, наконецъ освобожденъ по ходатайству братьевъ. Такъ кончилась компанія 1386 г. Полоцкъ получилъ сильный гарнизонъ на случай нападенія Крестоносцевъ, прочія же крѣпости: Витебскъ, Орша, Лукомль, Мстиславль, Минскъ были укрѣплены, и приведены въ надлежащее оборонительное положеніе ([167]).

LII.

Когда кончились торжества и пиры въ Краковѣ, Ягелло занялся дѣлами государственными, предпринялъ путешествіе па Русь Литовскую, посѣтилъ Витебскъ, Полоцкъ и въ послѣднемъ, какъ говорятъ, былъ свидѣтелемъ какого-то *возстанія* (?), причины котораго намъ неизвѣстны и виновниковъ котораго Король казнилъ смертію ([168]). Посѣтилъ и

Могилевскую губернію, гдѣ, въ нынѣшнемъ мѣстечкѣ Копыскаго уѣзда Обольцахъ, основалъ первый Римскокатолическій костелъ въ этомъ краѣ, (въ 1387 г.). Насталъ миръ — но миръ кратковременный ([169]).

Ягелло настоялъ на своемъ: отдалъ Полоцкъ Скиргеллѣ, и, чтобы еще болѣе привлечь его на свою сторону, сталъ, въ обиду прочихъ братьевъ, надѣлять его еще новыми областями ([170]), и наконецъ сдѣлалъ его Ведикимъ Княземъ Литовскимъ. Такая почесть вооружила противъ Скиргелла прочихъ братьевъ, и первымъ его совмѣстникомъ явился Витольдъ, завладѣвшій въ 1392 г. и Вильною и великокняжескимъ престоломъ. Ягелло не въ силахъ былъ бороться съ нимъ, и заключилъ миръ.

LIII.

Въ 1393 г. скончалась и Великая Княгиня Іулія-нія, пожизненная владѣтельница Витебскаго княжества, уступленнаго ею, еще при жизни своей, Свидригеллу. По закону, оно должно было возвратиться въ казну, и не извѣстно почему именно Ягелло не оставилъ этого княжества за Свидригелломъ; но, причисливъ его къ королевскимъ имуществамъ, послалъ туда правителемъ Федора Весну. Обиженный Свидригелло, не успѣвъ у Короля прозьбою, напалъ на Витебскъ, убилъ Весну, и на мѣсто его поставилъ отъ себя другаго. Король поручилъ Витольду наказать непокорнаго брата. Витольдъ и Скиргелло, соединивъ свои войска, не медля нисколько выступили противъ брата. Сперва подсту-

пили къ Друцку; но тамошніе князья приняли ихъ хлѣбомъ солью, и еще придали имъ въ помощь своихъ людей; отъ Друцка пошли къ Оршѣ, жители которой, державшіе сторону Свидригаллы, упорно защищались два дня, на третій сдалися. Пришла очередь на Витебскъ; такъ какъ осада его предвѣщала много трудностей, то князья пригласили въ помощь себѣ Смоленскаго князя Юрія Святославича. Граждане Витебскіе, устрашенные и сильною ратію и страхомъ казни за сопротивленіе, сдали городъ. Волею не волею Свидригелло самъ явился къ осаждающимъ съ покорностію и, кажется, великодушно былъ прощенъ Ягелломъ; потому что вскорѣ, послѣ смерти Александра Викунда, является онъ владѣльцемъ Крева ([171]). Но Свидригелло пылалъ ненавистью къ Витольду, котораго онъ считалъ главнымъ виновникомъ своего несчастія и въ замкѣ своемъ, окруженный льстецами, старался возмутить дворянъ. Составился заговоръ противъ Витольда; но провѣдавъ, о случайномъ его открытіи, Свидригелло бѣжалъ изъ своего замка къ Великому Магистру (въ 1393 г.) въ Мальборгъ — мѣсто, гдѣ ковались всѣ интриги во вредъ Польшѣ. Великокняжескій престолъ, деньги и войско — все было обѣщано Свидригеллѣ за преподанную возможность Ордену держать Литву и Польшу въ непокоѣ и войнѣ вѣчной — словомъ, за возможность Ордену ловить рыбу въ мутной водѣ. Конечно, высокій эмигрантъ старался убѣдительно и ясно представить права свои на великокняжескій престолъ, изобразить надежды свои на партіи, державшія его сторону; говорилъ о сокровищахъ, зарытыхъ имъ

въ замкахъ ([172]), и Крестоносцы, искавшіе повода къ войнѣ, охотно вѣрили этому.

LIV.

Чего желали, то́ представилось вскорѣ. Крестоносцы пренебрегли посредничествомъ Ягеллы въ несогласіяхъ между ними и духовенствомъ. Раздраженный Король взялъ штурмомъ Визну, въ 1396 г. Этого лишь и ожидали Крестоносцы, устремившіеся на Жмуйдь и Литву; и въ этихъ нападеніяхъ Свидригелло принялъ на себя постыдную роль проводника враговъ на собственное отечество. Ягелло двинулъ войско къ Двинѣ и взялъ Дюнебургъ ([173]). Пробравшись съ отрядомъ Крестоносцевъ, чрезъ Псковскія земли, Свидригелло завладѣлъ Витебскомъ, съ гражданами котораго успѣлъ предварительно условиться; изъ прочихъ же городовъ выслалъ королевскихъ намѣстниковъ; словомъ, возмутилъ все Витебское княжество и занялъ его. Но безразсудность Свидригеллы — раздѣлившаго свое войско на малые отряды, которыми онъ занималъ почти каждый городъ, почти каждое мѣстечко — погубили его дѣло. Витольдъ поспѣшилъ съ войскомъ къ Витебску и обложилъ его. Послѣ тридцатидневной осады взялъ штурмомъ нижній замокъ, войско и жители ушли въ верхній; но отъ этого произошло тамъ такое столпленіе народа, что воины хотѣли выбросить гражданъ изъ замка. Открылось замѣшательство и — врата замка растворились предъ осаждающими. Побѣдитель явилъ себя умѣреннымъ, казнивъ не многихъ, простилъ прочихъ;

но Свидригелла въ оковахъ отправилъ къ Ягеллѣ. Примѣру Витебска послѣдовали и прочіе города этого княжества ([174]). Король вскорѣ простилъ Свидригелла, давъ ему въ удѣлъ Польскую Подолію и 1400 гривенъ ежегоднаго дохода отъ соляныхъ источниковъ ([175]).

LV.

Въ 1430 г. умеръ Витольдъ. Съ согласія Короля и по единодушному желанію народа великокняжескій престолъ отданъ былъ Свидригеллу ([176]). Но, неуступчивый и раздражительный, онъ не могъ ужиться съ Ягелломъ и Поляками, которые рѣшились за это погубить его; но посторонними необременительными для короны средствами. Съ этою цѣлію они уговорили короля предложить Литовскій престолъ Сигизмунду Кейстутьевичу, который успѣлъ возмутить Литовскихъ пановъ, возненавидѣвшихъ Свидригелла за его нравъ крутой и за предпочтеніе вѣроисповѣданія Православнаго Католическому; потому, вскорѣ вся католическая Литва приняла сторону Сигизмунда. Составился обширный заговоръ и, 17 сентября 1432 г., Сигизмундъ, предводительствуя заговорщиками, ночью вошелъ въ Ошмяны, напалъ на замокъ, изъ котораго едва спасся Свидригелло, оставивъ тамъ жену, дворъ и сокровища ([177]).

Свидригелло бѣжалъ въ Полоцкъ и, тутъ опомнившись, едва вѣрилъ своему исчезнувшему, какъ сонъ, величію. Обратился къ прежнимъ союзникамъ Крестоносцамъ и съ войскомъ ихъ располо-

жился подъ Динабургомъ. Междутѣмъ Витебскъ и Полоцкъ не присягали Сигизмунду; но вмѣстѣ съ Псковомъ, Новгородомъ и Смоленскомъ держали сторону Свидригеллы, къ которому присоединились: зять его князь Тверскій Борисъ Александровичь и Юрій Семеновичь князь Мстиславскій, поспѣшившій къ нему изъ Новгорода. Съ войскомъ многочисленнымъ, простиравшится до 40,000, двинулся Свидригелло къ Ошмянамъ, гдѣ находилось уже Сигизмундово не многочисленное, но отличное войско съ польскою конницею, подъ главнымъ начальствомъ молодаго Сигизмундова сына Михаила. Потерявъ въ кровопролитномъ сраженіи, 8 декабря 1432 г., 10,000 убитыми и 4000 плѣнными, Свидригелло, разбитый на голову, едва спасся на подставныхъ лошадяхъ въ Полоцкъ и оттуда въ Псковъ ([178]).

LVI.

Крестоносцы и Императоръ, рѣшившіеся во чтобы то ни стало не допускать соединенія Литвы съ Польшею, ободряли Свидригеллу, не терявшему вмѣстѣ съ битвами и надежды. Потому, будущность представлялась ему еще отрадною: отъ Крестоносцевъ, Татаръ, Волоховъ, изъ Москвы, Твери и Подоліи ждалъ онъ помощи и, въ послѣднихъ числахъ августа 1433 г., съ Крестоносцами и Тверитянами выступилъ въ Литву. Литва была въ то время совершенно беззащитною: Польша, занятая войною въ Подоліи и Пруссіи, не могла послать помощи; литовсніе вельможи, раздраженные жесто-

костію Сигизмунда, не давали ему войска и—Великій Князь Литовскій, едва успѣвшій собрать нѣсколько хоругвей для защиты своей особы, долженъ былъ укрываться отъ непріятеля. Итакъ, Свидригелло, выступивъ изъ Полоцка, безпрепятственно прошелъ Ошмяны, Лиду, оттуда двинулся къ Вильнѣ, изъ Вильны въ Троки и дошелъ до Молодечны, гдѣ въ первый разъ только услышалъ о Сигизмундѣ, шедшемъ уже за нимъ съ войскомъ. Дошло до битвы; Литовцы потерпѣли сильное пораженіе. Потомъ Свидригелло взялъ Заславль, изъ Заславля пошелъ къ Минску и дошелъ до Борисова. Отсюда Крестоносцы поворотили домой; а Свидригелло ушелъ въ Лукомль. Недалеко отъ Лукомля, въ нынѣшнемъ мѣстечкѣ Сѣнинскаго уѣзда Череѣ, спокойно доживалъ вѣкъ свой маститый старецъ князь Михаилъ Пеструцкій ([179]). Свидригелло, досадуя на Михаила за его нейтральность, забралъ себѣ все его имущество, а самаго, окованнаго цѣпями, приказалъ отправить въ Лукомль. Въ этомъ замкѣ Свидригелло оставилъ воеводою своего шурина, и поручилъ ему свою беременную супругу. Междутѣмъ, пока Свидригелло отдыхалъ въ Лукомлѣ, прибыли къ нему послы отъ Короля, который, сокрушаясь духомъ о разореніи своей отчизны, предлагалъ миръ брату. Свидригелло, оставленный всѣми своими союзниками, находился въ трудномъ положеніи; такъ что Сигизмундъ легко могъ бы уничтожить его въ Лукомлѣ, если бы умѣлъ воспользоваться случаемъ. Потому, предложеніе Ягеллы принято съ удовольствіемъ и уполномоченные отъ Свидригеллы — 25 сентября, въ лагерѣ подъ Ясенцемъ —

заключили съ послами отъ Короля и Крестоносцевъ перемиріе на три мѣсяца, назначивъ 30-е ноября для трактата о мирѣ. Между главными пунктами перемирія было освобожденіе плѣнныхъ (180).

Свидригелло искренно желалъ мира, а Сигизмундъ притворствовалъ, и — когда первый распустилъ свое войско, то онъ — усиливъ свое вновь прибывшими Поляками, пошелъ къ Литовско-русскимъ городамъ. Узнавъ объ этомъ, Свидригелло просилъ Великаго Магистра вторгнуться въ Литву и отвлечь Сигизмунда; а самъ, не надѣясь на свою безопасность, сперва удалился въ Мстиславль, а потомъ съ малымъ числомъ людей ушелъ за Днѣпръ въ Черниговскія и Кіевскія земли. Сигизмундъ, желая отмстить Мстиславскому Князю за помощь Свидригеллу, приказалъ своему войску завладѣть Мстиславлемъ; но Литовцы, простоявъ здѣсь три недѣли, возвратились въ Литву безъ успѣха. Услышавъ объ отступленіи ихъ, Свидригелло прибылъ въ Витебскъ, куда велѣлъ представить узника своего князя Михаила Пеструцкаго. Несчастный старецъ, завязанный въ мѣшокъ, былъ брошенъ въ прорубь на Двинѣ.

XLVII.

Король всячески старался примирить братьевъ, но напрасно: ни тотъ, ни другой не хотѣлъ отказаться отъ права обладанія всею Литвою. Сигизмундъ крѣпко уповалъ на Польскихъ магнатовъ, не любившихъ Свидригеллу; а Свидригелло, имѣя въ своихъ рукахъ многіе укрѣпленные замки въ

Руси Литовской и многихъ союзниковъ внѣ ея, не отчаявался рано или поздно достигнуть своей цѣли. Ягелло не видѣлъ болѣе терзавшей его сердце борьбы, сошедши въ могилу 31 г. мая 1434 г. На Польскій престолъ возведенъ юный сынъ его, подъ именемъ Владислава III. По смерти брата, Свидригелло снова покусился попытать счастья противъ своего соперника. Получивъ помощь изъ Москвы, Твери, Одоева, отъ Татаръ и Крестоносцевъ, прибывшихъ къ нему подъ начальствомъ Магистра Ливонскаго Керсдорфа, онъ двинулся изъ Полоцка къ Бреславлю; но проливные дожди, сдѣлавъ дороги непроходимыми, заставили его воротиться назадъ. Вездѣ служило счастіе Сигизмунду и вездѣ терялъ Свидригелло; такъ что Крестоносцы — главная его опора, проигравъ сраженіе, принуждены были заключить миръ съ Литвою и Польшею; и Свидригелло нѣкоторое время сидѣлъ запершись въ Витебскѣ.

Однако же, еще ни Императоръ ни Крестоносцы еще не оставляли его. Одобряя миръ, заключенный Крестоносцами, Кесарь въ тоже время подстрекалъ Свидригеллу къ новой войнѣ, обѣщая ему помощь и вѣнецъ державный. Въ Смоленскѣ Свидригелло принималъ Кесарскихъ пословъ, явившихся съ этимъ предложеніемъ, и надежда оживила его. Въ Руси Литовской замѣтно было общее движеніе; повсюду собирались подъ знамена Свидригеллы толпы охотниковъ. Узнавъ объ этомъ, Сигизмундъ послалъ сюда нѣсколько отрядовъ, чтобы разогнать собиравшіеся шайки. Это войско дошло до Витебска, гдѣ находился въ то время самъ соперникъ Сигизмундовъ. Свидригелло, вышедъ изъ

города, погнался за Литовцами, и — разбитый прибѣжалъ укрыться въ городъ (въ февралѣ 1435 г.). Наконецъ, пришла и ожидаемая отъ Кесаря помощь: Чехи подъ предводительствомъ Короля своего Сигизмунда Корибута, которому Кесарь сдѣлалъ виды на Великое Княжество Литовское. Свидригелло собралъ не мало и своего войска, усилившагося отрядами изъ Москвы, Твери, отъ Татаръ Казанскихъ и Крестоносцевъ. Съ такими весьма значительными силами, состоявшими подъ главнымъ начальствомъ Корибута, двинулся онъ изъ подъ Витебска, около 15 августа 1435 г. Сигизмундъ тоже приготовился къ войнѣ, имѣя подъ знаменами восемь тысячь Польской конницы; войскомъ командывалъ сынъ его Михаилъ. Оба войска отъ Вилькомира пошли по двумъ противуположнымъ берегамъ рѣки Святой и остановились тамъ, гдѣ въ нее впадаетъ р. Викторія. Корибутъ, присмотрѣвшись войску Литовскому, не предвѣщалъ ничего добраго, совѣтывалъ избѣжать сраженія; но Крестоносцы отвергли всякую мысль объ отступленіи. Случилось то, что предвидѣлъ Корибутъ: коль скоро началъ онъ отдвигать войска отъ рѣки для того, чтобы приобрѣсти болѣе мѣста для сраженія, Литовцы, скучавшіе бездѣйствіемъ, принявъ это за знакъ робости и отступленія, быстро переправившись чрезъ рѣку, стремительно ударили на непріятеля и, послѣ кровопролитнаго боя, почти уничтожили его. При этомъ страшномъ пораженіи убитъ, въ числѣ прочихъ, братъ Мстиславскаго Князя Юрія Ярославъ Лингвиніевичь, родившійся въ Копорьѣ въ 1411 г.; братъ его Семенъ, Даніилъ Семеновичь Ольшанскій,

Михаилъ Львовичь Вяземскій, Ярославъ Тверскій, Магистръ Ливонскій и множество доблестныхъ рыцарей и мужей. Главный вождь Корибутъ смертельно раненый взятъ въ плѣнъ; число убитыхъ съ обѣихъ сторонъ простиралось до 50,000. Самъ Свидригелло бѣжалъ въ Полоцкъ. Чрезъ три недѣли пришелъ Сигизмундовъ сынъ лишать его и послѣдняго достоянія. Княжество Смоленское покорилось добровольно, и заплатило контрибуцію; тоже сдѣлала Орша со всѣмъ своимъ уѣздомъ т. е. Могилевомъ и нѣкоторыми другими городами, и княжество Витебское. За Свидригелломъ остались лишь замки Полоцкъ и Витебскъ, упорно защищавшіе почти до самаго лѣта 1456 г. Наконецъ, потерявъ и эту опору, Свидригелло бѣжалъ на Волынь и нашелъ убѣжище въ Луцкѣ, по милости племянника своего великодушнаго Короля Польскаго Владислава III ([181]).

XLVIII.

Подъ Вилькомиромъ рѣшилась судьба Свидригеллы и рѣшилась невозвратно; хотя и боролся онъ съ нею еще нѣкоторое время. Бывшіе его друзья и союзники Крестоносцы, не только оставили его во дни несчастія; но еще попрекали его политическими ошибками. Однако Императоръ, хотя впрочемъ для приличія только, оказывалъ вниманіе къ злосчастной судьбѣ этого Князя и не терзалъ упреками его больнаго сердца. Еще долгое время и надежда не покидала души Свидригеллы; даже самъ Императоръ утѣшалъ его несбыточною мечтою, что еще добрый

Богъ улучшитъ судьбу его и осуществитъ его надежды. Великодушный Король Польскій съ своей стороны оказалъ еще болѣе вниманія злополучному Свидригеллу; но, съ другой стороны, имѣлъ онъ врага непримиримаго въ могущественномъ Князѣ Литовскомъ Сигизмундѣ, рыскавшемъ на жизнь его и слѣдившимъ за каждымъ его шагомъ. Потому, несчитая себя вполнѣ безопаснымъ, Свидригелло вдругъ скрылся въ Валахію, гдѣ пребывалъ нѣкоторое время въ неизвѣстности. Это обстоятельство подало поводъ къ романтической выдумкѣ, будто бы Свидригелло былъ пастухомъ въ Валахіи (182) — истая выдумка, ибо онъ жилъ въ Перемышлѣ съ дворомъ довольно значительнымъ, вспомоществуемый щедротами Короля Польскаго, и откуда тоже бѣжалъ вскорѣ, замѣтивъ себя окруженнымъ шпіонами Сигизмундовыми. Союзъ съ католиками, поставилъ его въ ложное, не естественное въ отношеніи къ самому себѣ положеніе. Поборникъ православія, но надѣявшійся всего лишь отъ Крестоносцевъ и Императора, долженъ былъ протворяться расположеннымъ къ уніи — положеніе довевшее его наконецъ до безчеловѣчнаго злодѣянія. Такъ, въ 1435 г., въ самую критическую минуту жизни своей, участь которой надѣялся онъ улучшить при помощи католиковъ, сжегъ онъ живаго въ Витебскѣ Кіевскаго митрополита Герасима, ревнителя Православія, единственно для того, чтобы не показать себя противникомъ уніи въ глаззахъ Императора и Крестоносцевъ его тогдашнихъ зоюзниковъ (183). Еще разъ улыбнулась судьба Свидригеллу послѣ смерти Сигизмундовой, и онъ могъ бы быть Вели-

кимъ Княземъ Литовскимъ, если бы сумѣлъ воспользоваться случаемъ. Послѣднее время провелъ онъ спокойно, пользуясь уваженіемъ и вниманіемъ своихъ племянниковъ и наконецъ, послѣ жизни, богатой приключеніями и преисполненной превратностей судьбы, Свидригелло, удрученный лѣтами и судьбою, скончался въ любимомъ имъ Луцкомъ замкѣ, предложенномъ ему вмѣстѣ съ областію великодушнымъ племянникомъ, Королемъ Польскимъ Владиславомъ III (184).

LVIX.

Владѣя Литвою, Бѣлоруссіею и Малороссіею, Сигизмундъ Кейстутьевичь старался истребить изгнанныхъ имъ князей. Въ 1440 г. поймалъ въ Трокахъ Мстиславскаго Князя, явившагося изъ Новгорода, посадилъ его въ темницу и отчину его взялъ себѣ. Но въ томъ же году, въ недѣлю цвѣтоносную, Сигизмундъ убитъ въ своихъ покояхъ, какъ тиранъ безумный. На Литовскій престолъ возведенъ братъ короля Казиміръ. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, Казиміръ освободилъ Юрія изъ темницы и возвратилъ ему Мстиславль; но Юрій явилъ себя неблагодарнымъ и навлекъ праведный гнѣвъ Великаго Князя, вмѣшавшись въ дѣла Смоленскія. На мѣсто Смоленскаго намѣстника Яна Гастольда—незадолго до смерти Сигизмунда, вызваннаго въ Троки—назначенъ былъ Саковичъ. Какъ скоро пришла въ Смоленскъ вѣсть о смерти Сигизмунда, Саковичъ назначилъ присягу на вѣрность тому, кого паны Литовскіе изберутъ на престолъ Великокня-

жескій и объявилъ при томъ, что до того времени всѣ должны признавать его самаго верховнымъ начальникомъ. Епископъ, бояре, граждане и ремесленники безъ всякаго прекословія выполнили присягу. Но скоро власть Саковича для многихъ сдѣлалась нестерпимою. Быть можетъ, онъ, потворствуя боярамъ, вмѣстѣ съ ними угнеталъ низшія сословія гражданъ; ибо не много спустя, именно въ среду Пасхальной недѣли, въ городѣ произошло большое смятеніе: загудѣлъ сборный колоколъ и затѣмъ вооруженныя толпы Смоленскихъ ремесленниковъ начали расхаживать по улицамъ и грозить всякому, кто сохранитъ послушаніе Саковичу. Намѣстникъ созвалъ бояръ и, по совѣту ихъ, приказалъ своей стражѣ сѣсть на коней и разогнать мятежниковъ. Стража, положивъ многихъ на мѣстѣ, многихъ ранивъ, возстановила спокойствіе; но не на долго. Ночью съ новою силою вспыхнулъ мятежъ и сдѣлался повсемѣстнымъ. Саковичу ничего болѣе не оставалось, какъ оставить городъ; за нимъ послѣдовало все его семейство и многіе изъ бояръ; народъ же избралъ себѣ воеводою Дорогобужскаго Князя Андрея Димитріевича. Бояре не согласились на этотъ выборъ и, чтобы положить конецъ смутамъ, нѣкоторые изъ нихъ поѣхали въ Вильну, гдѣ учинивъ присягу Казиміру, они принесли жалобу на своеволіе гражданъ. Это устрашило ихъ; но вмѣсто того, чтобы послѣдовать примѣру бояръ, они отдались въ покровительство Мстиславскому Князю Юрію, избравъ его своимъ господиномъ, въ надеждѣ найти въ немъ защиту отъ гнѣва Казимірова. Юрій съ своимъ удѣломъ еще не да-

валъ присяги новоизбранному Великому Князю, и принялъ предложеніе. Междутѣмъ Великокняжескій совѣтъ съ миромъ отпустилъ бояръ Смоленскихъ, обѣщавъ имъ всякую защиту и поручивъ имъ убѣдить Мстиславскаго Князя, не вмѣшиваться въ дѣла Смоленскія. Юрій не послушался; самовластно началъ разбирать жалобы гражданъ; многихъ бояръ казнилъ, другихъ заключилъ въ темницу, отдавъ имѣнія ихъ своимъ боярамъ. Этого мало: онъ возмутилъ противъ Казиміра Полоцкое и Витебское княжество, и присоединилъ ихъ къ своему удѣлу. Подобное своеволіе требовало достойнаго наказанія. Войско Сигизмундово явилось подъ Смоленскомъ; но, простоявъ тутъ три недѣли, ничего не успѣло, выжгло только монастыри и посады кругомъ города, и, захвативъ не много плѣнныхъ, воротилось обратно. Наконецъ, осенью 1441 г. двинулся съ войскомъ къ Смолнску и самъ Казиміръ; Юрій тайно бѣжалъ съ женою въ Москву; Смоленскъ, Витебскъ, Полоцкъ покорились и присягнули Казиміру. Въ это самое время Новгородцы, къ неудовольствію Великаго Князя Московскаго и въ угодность Казиміру, вызвали къ себѣ изъ Литвы, другаго Ольгердова, внука Іоанна Владиміровича, надѣливъ его пригородами; но скоро поссорились съ нимъ и съ Казиміромъ, выслали Іоанна въ Литву, и вторично призвали къ себѣ изъ Москвы Юрія Лингвиніевича.

LX.

Послѣ ослѣпленія, въ 1446 г., Великаго Князя Василія Васильевича Шемякою, братъ Великой Княгини Василій Ярославичь Князь Боровскій, не желая послѣ такого злодѣянія оставаться въ Россіи, отъѣхалъ въ Литву, и получилъ отъ Казиміра въ удѣлъ, кромѣ другихъ городовъ, Гомель и Мстиславль. Но въ томъ же году Василій Ярославичь оставилъ Литву, спѣша изъ Мстиславля съ войскомъ Литовскимъ на помощь Василію Темному, снова возведенному на престолъ, и остался княжить по прежнему въ Боровскѣ. Мстиславскій удѣлъ опять остался празднымъ. Междутѣмъ Юрій Лингвиніевичь скучалъ въ Новгородѣ и тосковалъ по своей отчинѣ; тѣмъ болѣе, что Новгородцы не дали ему ничего кромѣ жалованья. Чрезъ кума своего Троцкаго воеводу Яна Гастольда старался умилостивить Великаго Князя Литовскаго: Казиміръ простилъ Юрія и возвратилъ ему Мстиславль, Кричевъ и другіе города его удѣла. Впрочемъ, Юрій не оставлялъ пока и Новгорода. Объ остальной его жизни ничего не говорятъ лѣтописи; только еще разъ упоминается объ немъ въ письмѣ Великаго Магистра Нѣмецкаго къ Ливонскому, въ которомъ тотъ проситъ его свободно пропустить чрезъ свои владѣнія *Герцога* Новгородскаго Юрія Лингвиніевича, намѣревающагося ѣхать въ Вильенакъ, въ 1447 г., и въ отвѣтномъ письмѣ Магистра Ливонскаго, соглашающагося пропустить Князя Юрія Лингвиніевича чрезъ Орденскія владѣнія,

но безъ многочисленной свиты. Изъ надписи на портретѣ Юрія, хранящемся въ Онуфріевской церквѣ, видно, что онъ, въ 1453 г. былъ въ Мстиславлѣ, подтвердилъ запись своего отца для этого храма, и еще кое что прибавилъ отъ себя. Ни мѣсто, ни время его кончины не извѣстны (185).

Впрочемъ, вотношеніи внѣшней политики и Сигизмундово и Казимірово царствованіе прошло спокойно, то есть не было ни мира, ни войны; оба двора переговаривались о мирѣ, ограничивались спорами за границы. Псковитяне, съ своей стороны, для прекращенія споровъ по этому поводу, въ бытность Казиміра въ Витебскѣ, отправили къ нему пословъ съ просьбою о привиденіи границъ въ ясность. Хотя Король намѣренъ былъ даже лично заняться этимъ дѣломъ; однакоже все осталось по прежнему. Въ память спасенія Королевы Елисаветы отъ утопленія, 20 іюля въ день Пророка Иліи, Казиміръ велѣлъ построить въ Бѣлоруссіи нѣсколько церквей православныхъ на берегахъ рѣкъ Двины, Днѣпра и Сожа: въ Витебскѣ, Бѣшенковичахъ, Могилевѣ, Кричевѣ, Оршѣ и Чериковѣ (186), и подарилъ этимъ храмамъ во владѣніе перевозы. Словомъ, это время не изобильно событіями (187). Бѣлорусскій край отдыхалъ благодатною тишиною отъ прошедшихъ треволненій. Казалось, воцарился давно желанный миръ; но то былъ не миръ, но лишь ложный призракъ его, тишина кратковременная, непродолжительное отдохновеніе двухъ соперниковъ могучихъ предъ грядущею вѣковою кровопролитною ихъ борьбою.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Борьба за Бѣлоруссію и Русь Литовскую.

Война Іоанна III съ Казиміромъ и Александромъ. — Ведрошская битва. — Перемиріе. — Борьба Василія съ Сигизмундомъ. — Битва подъ Оршею. — Кон. Острожскій — Новая война. — Опустошеніе Бѣлоруссіи. — Глинскій. — Вторая битва подъ Оршею. — Переговоры о мирѣ. — Осада Полоцка. — Чудо. — Перемиріе. — Борьба Іоанна IV съ Сигизмундами, — Первое вторженіе Россіянъ въ Бѣлоруссію. — Второе; взятіе Гомеля. — Построеніе Себѣжа и Велижа. — Перемиріе.

LXI.

Россія, низвергнувъ иго Монголовъ, поуправившись и съ внутренними смутами, начали мало по малу окрѣпляться, и въ царствованіе Іоанна III является уже могущественною державою. Все измѣнилось: прежде почти незамѣтная, не внушавшая почти никакого страха врагамъ своимъ, теперь выступаетъ сильною на сцену политическихъ дѣйствій; возмужавъ, требуетъ того, что было отнято во дни ея младенчества. Первымъ неизбѣжнымъ слѣдѣтвіемъ этого было столкновеніе съ Литвою, возвысившуюся во дни внутренняго неустройства

Россіи и разширившуюся на счетъ ея природныхъ владѣній. Потому, со времени Іоанна III начинается достопамятная война, война продолжавшаяся почти 150 лѣтъ, въ теченіе которыхъ Литва и Россія дрались на жизнь и смерть за Бѣлоруссію и область Сѣверскую; война, обратившая въ печальную пустыню большую часть этого края, спасеннаго раннимъ подданствомъ Литвѣ, могуществомъ Олгерда и Витольда отъ ига Монгольскаго.

Еще въ маѣ 1492 г. Великій Князь Іоаннъ III отправилъ въ Краковъ Беклемишева съ требованіемъ: возвратить нѣкоторые издревле Россійскіе города и въ числѣ ихъ Рогачевъ и *Хлепенъ* (Жлобинъ) въ нынѣшней Могилевской губерніи. Беклемишевъ засталъ Короля уже на смертномъ одрѣ. По смерти Казиміра, послѣдовавшей 25 іюня 1492 г., когда въ Польшѣ спорили о новомъ королѣ, Литовцы избрали Великимъ Княземъ Александра, младшаго Казимірова сына. Іоаннъ воспользовался отдѣленіемъ Литвы и скоро открылись непріязненныя дѣйствія: нѣсколько Россійскихъ отрядовъ двинулось въ Литву; одинъ изъ нихъ взялъ Рогачевъ, принадлежавшій въ то время Ходкѣвичу, и отправилъ тамошняго намѣстника и множество жителей въ Москву ([188]).

Въ 1493 г. открылось гнусное злоумышленіе на жизнь Великаго Князя Московскаго. Князь Иванъ Лукомскій поклялся Казиміру убить или отравить врага его, и съ этою цѣлію вступилъ въ Россійскую службу. Кончина Казиміра не отклонила убійцу отъ умысла; но не скромность его обнаружила тайную думу. Лукомскій взятъ подъ стражу; при немъ

найденъ ядъ, которымъ онъ хотѣлъ умертвить Іоанна; Лукомскаго сожгли въ клѣткѣ на берегу рѣки Москвы вмѣстѣ съ его единомышленникомъ, какимъ-то Матіасомъ.

Это происшествіе усилило вражду Іоанна къ дѣтямъ Казиміровымъ, и онъ тѣмъ дѣятельнѣе сталъ помышлять о возвращеніи древняго достоянія Россіи. Но, Александръ желалъ мира, для заключенія котораго, послѣ многихъ переговоровъ, явились въ Москву великіе Литовскіе послы. По этому миру, въ числѣ многихъ городовъ, уступленъ въ 1494 г. Россіи Мстиславль, въ которомъ вѣроятно не было тогда Князя; ибо Иванъ Юрьевичь, какъ можно догадываться, скончался; а сынъ его Михаилъ Ивановичь княжилъ въ Изяславлѣ или Ижеславлѣ. Наконецъ, помышляя объ упроченіи мира съ Россіею, Александръ въ этомъ же году сочетался бракомъ съ дочерью Іоанна Еленою, съ которою въ концѣ лѣта посѣтилъ здѣшній край. Но, и родственныя связи государей не даровали мира ихъ державамъ.

LXII.

Взаимныя неудовольствія тестя и зятя произвели наконецъ разрывъ явный. Въ Апрѣлѣ 1500 г., Король услышалъ о военныхъ приготовленіяхъ въ Россіи. Поводомъ къ этому служило притѣсненіе въ Литвѣ Православной вѣры, въ чемъ увѣрили Іоанна выходцы Литовскіе. Еще въ началѣ Іоаннова правленія, Иванъ Андреевичь Можайскій и сынъ Шемякинъ Иванъ Димитріевичь, враги Государя Московскаго, ушли въ Литву, гдѣ Казиміръ

далъ первому княжество Черниговское съ городомъ Гомелемъ, а второму Рыльскъ и Новгородъ-Сѣверскій. Но дѣти ихъ: Можайскаго Симеонъ и внукъ Шемякинъ Василій, забывъ вражду наслѣдственную, передались съ своими городами Іоанну. Они то и утвердили Великаго Князя въ мысли, объ угнетеніи православія въ Литвѣ. Справедливость этихъ навѣтовъ ничѣмъ не доказана; но дочь Іоаннова Елена, не смотря на самыя настоятельныя его просьбы и требованія, не имѣла у себя домовой православной церкви и была окружена одними католиками — что всего болѣе огорчало Великаго Князя, и заставило наконецъ объявить зятю войну.

Въ непродолжительное время Московское войско безъ кровопролитія заняло почти всю Русь Литовскую: отъ нынѣшней Калужской и Тульской губерніи до Кіевской; другая рать взяла Дорогобужъ. Александръ съ трепетомъ обнажилъ мечь противъ своего могущественнаго тестя, и поручилъ главное начальство надъ войскомъ славному герою Князю Константину Острожскому ([189]). Іюля 14 1500 г. произошла близь Дорогобужа, на берегахъ рѣки Ведроши, самая несчастная для Литовцевъ битва: около восьми тысячь ихъ легло на мѣстѣ, множество утонуло въ рѣкѣ; военачальникъ Константинъ, князья Друцкіе и много другихъ взяты въ плѣнъ. Самъ Александръ стоялъ съ войскомъ въ нынѣшнемъ Копыскомъ уѣздѣ надъ рѣкою Бабромъ. Сюда пришла къ нему вѣсть о пораженіи, отсюда перешелъ онъ сперва подъ мѣстечко Обольцы, а потомъ къ Полоцку, гдѣ простоялъ всю осень; Смоленскъ, Витебскъ, Орша были укрѣплены. Въ началѣ 1501 г.

Московское войско, подъ начальствомъ сына Іоаннова Димитрія, прозваннаго Жилка, обложила Смоленскъ. Александръ послалъ на помощь городу значительное войско, къ которому подъ Оршею присоединился отрядъ Татаръ заволжскихъ. Смоленскъ отстояли; отбивъ Москвитянъ, Литовскій Воевода Станиславъ Бѣлый, отославъ значительную часть своего войска къ Полоцку, съ остальнымъ остановился при мѣстечкѣ нынѣшняго Чаусовскаго уѣзда Горахъ. Междутѣмъ, пока онъ стоялъ тутъ въ бездѣйствіи, князь Симеонъ Можайскій напалъ на Мстиславль. Къ счастію города Мстиславскій Князь Михаилъ Ивановичь хорошо приготовился къ оборонѣ, удачно сдѣлалъ вылазку; но не могъ воспрепятствовать Россіянамъ опустошить околицы многолюдныя и богатыя (190).

LXIII.

Въ Москву пріѣхали послы отъ братьевъ Александровыхъ — Королей Владислава Венгерскаго и Альбрехта Польскаго — а за ними и чиновникъ Александровъ съ предложеніемъ мира. Іоаннъ не отвергалъ его и объявилъ, что будетъ ожидать великихъ пословъ Литовскихъ. Но въ это время, 25 іюня 1501 г., скончался Польскій Король Альбрехтъ, и Александръ — соединивъ на себя двѣ короны, Литовскую и Польскую — забылъ на время и о Литвѣ и о Россіи. Наскучивъ тщетнымъ ожиданіемъ пословъ Литовскихъ, Іоаннъ вторично послалъ сына своего Димитрія подъ Смоленскъ. Городъ опять отстояли, частію мужественною защи-

тою, частію хитростію: стѣны во многихъ мѣстахъ были уже пробиты; но Смоленскій воевода Николай Глѣбовичь вступилъ съ князьями Шемяками, которымъ Димитрій передалъ начальство, въ переговоры будто бы съ намѣреніемъ сдаться и выпросилъ отдыхъ на цѣлую ночь. Россіяне, утомленные до крайности, согласились на то съ тѣмъ, чтобы во всю ночь не слышно было въ стѣнахъ стука топора. Смоленцы сдержали слово; но и безъ топора, при помощи однихъ пилъ, исправили стѣны. Не видя ни успѣха, ни конца трудамъ своимъ, Московскіе воеводы отступили отъ Смоленска и пошли на Мстиславль, отъ котораго однако были отбиты княземъ Иваномъ Соломорецкимъ.

LXIV.

Когда Польша приготовлялась къ торжеству коронованія Александра, Іоаннъ Васильевичь послалъ сына своего Василія и князя Симеона Ивановича, намѣстника Новгородскаго, съ войскомъ отборнымъ къ Западной Двинѣ; а князья: Симеонъ Бѣльскій, Василій Шемяка, Александръ Ростовскій и бояринъ Воронцовъ съ немалою также силою подступили къ Мстиславлю. Мстиславскій князь Михаилъ Ивановичь съ воеводою Евстафіемъ Дашкевичемъ вышли имъ на встрѣчу — и 14 ноября 1501 г. произошла кровопролитная битва, въ которой пало и взято въ плѣнъ семь тысячь Литовцевъ, и отнято не мало знаменъ. Но этимъ и кончилось: Москвитяне ничего не выиграли этою побѣдою, потому что должны были спѣшить на помощь своимъ

городамъ, нападеннымъ Крестоносцами. Однако же, въ іюлѣ 1502 г., Іоаннъ Васильевичь опять отправилъ сына своего Димитрія подъ Смоленскъ съ огромнымъ войскомъ. Часть этого войска, напавъ нечаянно на Оршу, взяла ея, пожгла деревни до Мстиславля и увела въ плѣнъ нѣсколько тысячь народа. Но скоро вся эта огромная рать, томимая голодомъ въ странѣ, ею же опустошенной, возвратилась въ Московскіе предѣлы.

LXV.

Александръ всячески старался покончить разорительную войну. Самъ Римскій первосвященникъ Александръ VI взялся быть посредникомъ, и въ 1503 г. пріѣхалъ въ Москву чиновникъ съ грамотою отъ Папы, который просилъ Великаго Князя, ради блага всего христіанства, примириться съ Королемъ и вмѣстѣ съ другими Государями воевать Порту; Іоаннъ дозволилъ посламъ королевскимъ пріѣхать въ Москву. Послы явились съ предложеніемъ вѣчнаго мира на томъ условіи, чтобы Іоаннъ возвратилъ Королю всю его отчину, т. е. всѣ завоеванные имъ города въ Литвѣ. «Отчина королевская — сказалъ Іоаннъ — есть земля Польская и Литовская, а Русская наша. Что мы съ Божіею помощію у него взяли, того не отдадимъ.» Наконецъ, вмѣсто вѣчнаго мира, согласились на шестилѣтнее перемиріе срокомъ съ 25 марта 1503 г. и, только изъ особеннаго уваженія къ зятю, Іоаннъ возвратилъ Литвѣ нѣкоторыя волости, и въ числѣ ихъ слѣдующія въ Бѣлорусскомъ краѣ: Рудью, Щучью,

Ветлицы и Святыя Озерища въ нынѣшней Витебской губерніи; Стрешинъ, Чечерскъ, Пропойскъ, Могилевъ, Мстиславль съ волостями, Кричевъ съ волостями — остались тоже за Литвою (191); за Россіею же остались слѣдующія мѣста въ Рогачевскомъ и Гомельскомъ уѣздахъ нынѣшней Могилевской губерніи: Гомель съ волостями, Попова Гора, Телеши, Кошелево, Залѣсье, Свѣтиловичи, Федоровка и Уваровичи.

LXVI.

До истеченія срока перемирія скончались оба, и Великій Князь Іоаннъ и зять его Александръ (192). Первому наслѣдовалъ сынъ его Василій Іоанновичь, а второму братъ, Сигизмундъ. Василій во всемъ слѣдовалъ отцовской политикѣ, не оставлялъ мысли о присоединеніи къ Россіи Литовско-Русскихъ городовъ. Жалуясь, что Литовцы тревожатъ набѣгами его владѣнія, онъ послалъ въ 1507 г. войско воевать Смоленскую область. Это войско, подъ предводительствомъ князей: Стародубскаго, Холмскаго, Микулинскаго и боярина Захарьевича, 14 сентября, вторгнулось въ предѣлы Литовскіе, дошло до Мстиславля, выжгло тамъ посады, не встрѣтивъ нигдѣ непріятеля; наконецъ встрѣтилось съ нимъ подъ Кричевомъ, вступило въ сраженіе и было разбито на голову. Въ тоже время пришелъ на помощь своимъ самъ Король съ войскомъ Польскимъ и Татарскимъ. Россіяне поспѣшно удалились.

LXVII.

Въ 1508 г. знатный, сильный Литовскій вельможа князь Михаилъ Глинскій, оскорбленный Сигизмундомъ, передался Василію Іоанновичу и началъ воевать Литву, съ намѣреніемъ отторгнуть отъ нея всѣ древніе города Русскіе. По его настоятельнымъ просьбамъ Василій посылалъ сюда отряды за отрядами, которые заняли почти всю Бѣлоруссію. Князья Друцкіе и Мстиславскій князь Михаилъ Ивановичь поддались Россіянамъ добровольно; но Орша оборонялась упорно. Изъ подъ Орши Глинскій пошелъ къ Минску; но тамъ услышалъ, что сильное войско Литовское, подъ начальствомъ Фирлея, приближается къ Могилеву, а въ слѣдъ за нимъ идетъ и самъ Король съ войскомъ Польскимъ. Глинскій оставилъ Минскъ и чрезъ Борисовъ пошелъ къ Оршѣ, куда прибыло новое Россійское войско подъ предводительствомъ боярина Захарьевича и князя Щени; сюда же пришла и королевская армія, устрашившая стройностію и многочисленностію своею воеводъ Московскихъ. Снявъ поспѣшно осаду, они перешли Днѣпръ подъ самымъ городомъ; обложивъ конницею лѣвый берегъ рѣки, расположились станомъ за милю отъ города въ удобномъ мѣстѣ. Самъ Король, 13 іюля, сталъ подъ Оршею въ виду непріятеля, и тотчасъ приказалъ искать переправы чрезъ Днѣпръ. Россіяне соединились на пунктѣ, на которомъ ожидали нападенія; междутѣмъ королевская конница — переправившись вплавь въ двухъ мѣстахъ, нѣсколько ниже — ударила

на Русскихъ, которые въ это время всѣ занимались обѣдомъ. Въ главномъ Русскомъ станѣ ударили тревогу и тѣмъ отвлекли съ позиціи свой отрядъ, защищавшій переправу противъ самой Орши. По наведеннымъ мостамъ Король переправилъ все свое войско на другой берегъ. Россіяне очутились между двумя огнями, дрались цѣлый день; но на другой, вмѣстѣ съ Глинскимъ, оставили свой станъ и, простоявъ семь дней въ Дубровнѣ, пошли къ Кричеву и Мстиславлю, откуда, едва успѣвъ разорить нѣсколько селъ, должны были спѣшить въ Россію: Король, вступивъ въ Смоленскъ, отрядилъ войско къ предѣламъ Московскимъ (193).

LXVIII.

Не ослѣпляясь успѣхомъ и желая успокоить свою державу, Сигизмундъ снова предложилъ миръ Василію, принявшему его не смотря на то, что Глинскій, хвалясь многочисленностію друзей въ Литвѣ, убѣждалъ продолжать войну. Написали договоръ, такъ называемаго, вѣчнаго мира. Василій и Сигизмундъ, именуясь братьями и сватами, обязались жить въ любви и мирѣ, доброжелательствовать и помогать другъ другу противъ всякаго непріятеля; впрочемъ, кромѣ такихъ случаевъ, гдѣ будетъ *невозможно* исполнить этого условія. Глинскій — лишенный всей своей обширной вотчины — со всѣми ближними друзьями, между которыми былъ и князь Друцкій Андрей, выѣхалъ изъ Литвы въ Россію. Въ этомъ же 1508 г. возвратился въ Литву знаменитый плѣнникъ князь Константинъ

Острожскій, за нимъ прибылъ въ Друцкъ съ двумя стами воиновъ Литовскій воевода Евстафій Дашкевичь, передавшійся Царю Московскому въ 1501 г. Тогда же случилось нападеніе Перекопскихъ Татаръ на Литву. Значительная часть ихъ напала на Друцкъ и была прогнана Константиномъ Острожскимъ, имѣвшимъ около этого города готовое войско.

LXIX.

Не долго продолжался вѣчный миръ, явились случаи, въ которыхъ *невозможно* было исполнить его условій, и Литва опять увидѣла въ своихъ предѣлахъ Московскія войска. Въ іюлѣ 1513 г., самъ Государь выступилъ съ войскомъ изъ Москвы, отправивъ впередъ къ Смоленску боярина князя Рѣпню и окольничаго Сабурова. Хотя намѣстникъ Смоленскій Юрій Соллогубъ и былъ разбитъ ими, со всѣмъ тѣмъ осада Смоленска была до того неудачна, что войско Московское должно было отступить съ урономъ. Россіяне хвалились лишь опустошеніемъ земли непріятельской вокругъ Полоцка, куда ходилъ изъ Великихъ Лукъ князь Василій Шуйскій.

Литовцы уже перестали бояться сильныхъ ополченій Московскихъ и думали, что завоеванія Россіянъ были единственно счастіемъ Іоанновымъ; надлежало увѣрить и непріятелей и своихъ въ неизмѣнномъ могуществѣ Россіи, страхомъ уменьшить силу первыхъ, бодростію увеличить мужество своихъ. Потому, вторично, самъ предводительствуя войскомъ, Василій Іоанновичь 29 іюля 1514 г. осадилъ Смоленскъ — и этотъ знаменитый городъ, сто

десять лѣтъ находившійся подъ властію Литвы, навсегда возвращенъ Россіи. Михаилъ Глинскій былъ главнымъ дѣятелемъ при взятіи Смоленска и потому думалъ, что, изъ благодарности за услуги, отдадутъ ему этотъ городъ во владѣніе. Василій не сдѣлалъ этого и смѣялся надъ безмѣрнымъ честолюбіемъ Глинскаго; а раздраженный Глинскій, уже опытный въ измѣнѣ, замыслилъ новую.

LXX.

Государь, не медля долго, отрядилъ войско къ Мстиславлю. Тамошній Князь Михаилъ Ивановичь, не имѣя силъ противиться, выѣхалъ на встрѣчу войску Московскому, принесъ присягу Василію и возвратился въ свою отчину, милостиво имъ одаренный. Это было 7 августа, а 13 того же мѣсяца добровольно поддалися Россіи города: Кричевъ и Дубровна. Литва, кажется, спокойно смотрѣла на успѣхи Россіянъ. Оставивъ часть войска въ Смоленскѣ, остальные отряды Василій Іоанновичь послалъ къ Борисову, къ Минску; а самъ возвратился въ Дорогобужъ. Михаилъ Глинскій стоялъ съ отрядомъ близь Орши, откуда тайно предложилъ Сигизмунду свои услуги, изъявилъ раскаяніе, обѣщалъ загладить прошедшее. Король увѣрилъ Глинскаго въ милости. Согласились, чтобы Литовское войско, какъ можно поспѣшнѣе шло къ Днѣпру: Глинскій ручался за побѣду. Король, оставшись въ Борисовѣ съ 4,000, остальное войско съ Константиномъ Острожскимъ послалъ къ Оршѣ. Глинскій, узнавъ объ этомъ, ночью сѣлъ на коня и бѣжалъ

изъ Русскаго стана; но не далеко отъѣхалъ. Одинъ изъ его слугъ извѣстилъ князя Булгакова-Голицу о бѣгствѣ измѣнника. Воевода въ ту же минуту поскакалъ за нимъ съ легкою конницею вобгонъ, пересѣкъ дорогу и ждалъ въ лѣсу. Глинскій ѣхалъ впереди; за нимъ, за версту, толпа слугъ вооруженныхъ; ихъ и господина поймали и представили въ Дорогобужѣ Великому Князю. Глинскій не могъ и не хотѣлъ запираться, при немъ были письма Сигизмундовы, окованный цѣпями отвезенъ былъ въ Москву. Государь приказалъ Булгакову и Челядинину итти на встрѣчу Королевскому войску. Скоро встрѣтились съ собою передовые отряды Россіянъ и Литовцевъ; 27 августа самъ гетманъ Острожскій два раза встрѣчался съ войскомъ Московскимъ и оба раза одержалъ побѣду; въ тоже время и надъ рѣкою Бобромъ была встрѣча счастливая для Литовцевъ; а Янъ Сапѣга съ отрядомъ Польской конницы, разбилъ близь Орши, надъ рѣкою Одровой, три полка Россіянъ (194). Московскіе воеводы, смущенные неудачами и не знавшіе о числѣ Литовскаго войска, почли за лучшее уступить непріятелю правый берегъ Днѣпра, переправились чрезъ него между Оршею и Дубровною, и расположились станомъ близь Орши, опираясь лѣвымъ крыломъ о рѣчку Кропивну, при устьѣ ея въ Днѣпръ. Нѣсколько дней оба войска, раздѣленныя лишь одною рѣкою, стояли въ бездѣйствіи, наблюдая другъ за другомъ. Россіяне старались выказать огромность своихъ силъ; Острожскій, напротивъ, скрывалъ свои, показывалъ видъ будто боится боя, даже предлагалъ Московскимъ воеводамъ разойтись

безъ него. Усыпивъ такимъ образомъ бдительность непріятеля, гетманъ тайно приготовилъ переправу чрезъ Днѣпръ, въ двухъ миляхъ отъ своего стана. Среди ночи 16,000 Литовской конницы благополучно переправились чрезъ рѣку вплавь, за конницею двинулись, по приготовленной уже переправѣ, польскія хоругви Тенчинскаго, Пилецкаго, Кмиты, Зборовскаго, Мышковскаго и наконецъ конница подъ предводительствомъ Яна Свѣрчевскаго. Когда въ Русскомъ станѣ узнали, что уже половина непріятельской конницы на этой сторонѣ Днѣпра, воеводы совѣтовали не медля ударить на нее; но гордый бояринъ Челядининъ отвѣчалъ: «мнѣ мало половины, жду ихъ всѣхъ и тогда однимъ разомъ управлюсь съ ними» и за эту самонадѣянность воеводы Россія заплатила стыдомъ и кровію! Въ 9 часовъ утра, 8 сентября, Острожскій, избравъ выгодную позицію, выстроилъ свое войско въ боевой порядокъ. Челядининъ построилъ своихъ въ три линіи, растянувъ ихъ на большомъ пространствѣ и подавши оба крыла впередъ, съ намѣреніемъ зайти непріятелю стылу. Булгаковъ, выпавъ съ праваго крыла съ конницею, стремительно ударилъ на лѣвый флангъ Литовской ([136]). Аттака была отражена; однакожъ и Булгаковъ спокойно и стройно отступалъ къ своимъ линіямъ, пока не подлетѣлъ отрядъ Польской конницы, который, напавъ съ фланга на отступающихъ, прянудилъ ихъ къ быстрому бѣгству. Гнавшаяся за Булгаковымъ Польская конница, замѣтивъ покушеніе Россіянъ къ новому нападенію, остановилась и когда къ ней подоспѣла своя пѣхота, то, раздавшись на право и лѣво, приняла ее въ средину.

Россійскіе полки допущеные на выстрѣлъ ружейный, попали подъ сильный огонь, смѣшались и разстроились. Острожскій, не давая имъ времени оправиться, аттаковалъ ихъ кавалерію. Опрокинутые на этомъ мѣстѣ, Россіяне занесли на себѣ побѣдителей на другую линію арміи. Сюда прибыли на помощь гетману Зборовскій съ своею конницею и Шишовскій съ хоругвями гусаръ, которымъ удалось прорваться и чрезъ эту вторую линію. Когда это происходило въ центрѣ и на лѣвомъ крылѣ, на правомъ Литовская конница сдѣлала притворное отступленіе и увлекла за собою Московскую, съ которою, какъ несравненно превосходившею ее числомъ, не могла вступить въ открытый бой. Вся масса Московской конница вдалась въ погоню, потерявъ стройность и порядокъ и — когда воображала, что побѣда на ея сторонѣ — Литовцы навели ее на сильнѣйшій батарейный огонь, а сами зашли ей втылъ. Смятенные Россіяне начали отступленіе и, напирая отъ праваго крыла къ лѣвому, втѣснили его въ болотистую рѣку Кропивну. Челядининъ еще стоялъ всторонѣ съ отборнымъ войскомъ, не трогаясь съ мѣста и, когда покушался ударить втылъ непріятелю, самъ былъ аттакованъ Свѣрчевскимъ, предводительствовавшимъ наемною Богемскою конницею. И тутъ не устояли Россіяне, и бѣжали въ ближайшій лѣсъ. Такимъ образомъ 80,000 рать Московская, по винѣ неискуснаго начальника, была разгромлена тридцатью пятью тысячами Литовцевъ, еще никогда не одерживавшими такой славной побѣды надъ Россіянами, которыхъ гнали, рѣзали, топили въ Днѣпрѣ и Кропивнѣ; тѣлами усѣяли все

пространство между Оршею и Дубровною; плѣнили Булгакова, Челядинина и шесть другихъ воеводъ, 37 князей, болѣе 1500 дворянъ и чиновниковъ; взяли обозъ, знамена, артиллерію. Россіяне лишились 30,000 воиновъ, ночь и лѣса скрыли остальныхъ. Сигизмундъ, внѣ себя отъ радости, думалъ, что отниметъ у Россіи не только Смоленскъ, но и всѣ прежнія ея завоеванія; но ошибся: эта побѣда не имѣла особенно важныхъ слѣдствій; Литовцы только заняли Дубровну, Мстиславль и Кричевъ, гдѣ жители снова присягнули Сигизмунду.

LXXI.

Война продолжалась. Въ 1516 г. Россіяне пользуясь раздоромъ Витебскаго Воеводы Кости съ тамошнею шляхтою, уѣхавшею съ жалобами на него къ Королю, напали на Витебскъ, опустошили его окрестности и сожгли его предмѣстіе. Наконецъ, при посредничествѣ Императора Максимиліана начались переговоры о мирѣ, въ 1517 г. пріѣхали въ Москву Литовскіе послы: Янъ Щитъ намѣстникъ Могилевскій и Богушъ государственный секретарь съ 70 дворянами. Но Василій, узнавъ что войско Сигизмундово вступило въ Московскіе предѣлы и что самъ Король находится въ Полоцкѣ съ запасною ратію, не впустилъ пословъ въ Москву и велѣлъ жить имъ пока въ Дорогомиловѣ. Это нападеніе было лишь местію. За нѣсколько времени предъ симъ Псковскій воевода Андрей Сабуровъ измѣннически ограбилъ Рославль. Въ отмщеніе за это герой Сигизмундовъ хотѣлъ взять Опочку и въ

то время, когда осаждалъ этотъ городъ, Федоръ Оболенскій—Телепневъ и Иванъ Лятцкій, въ трехъ верстахъ отъ Константинова стана, разбили на голову 14,000 Литовцевъ. Послѣ этого и самъ Константинъ принужденъ былъ поспѣшно снять осаду, ушелъ даже не забравъ съ собою стѣнобитныхъ орудій. Узнавъ объ этой побѣдѣ, Василій дозволилъ посламъ Сигизмундовымъ явиться въ Москву. Дворъ Московскій требовалъ Кіева, Полоцка и Витебска; а Сигизмундъ Смоленска и земли Сѣверской. Потому, переговоры кончились ничѣмъ, война продолжалась.

LXXII.

Въ слѣдующемъ, 1518 г., съ наступленіемъ весны, Василій двинулъ воевать Литву сильную рать подъ начальствомъ намѣстниковъ Новгородскаго Василія, Псковскаго Ивана и князей Шуйскихъ. Экспедиція эта явилась въ маѣ подъ стѣнами Полоцка, противъ котораго, вскорѣ воздвиглись грозныя батареи. Осажденные защищались мужественно, дѣлая частыя вылазки; въ станѣ же осаждающихъ оказался сильный недостатокъ въ продовольствіи, такъ что за шапку сухарей платили алтынъ и болѣе. Шуйскіе рѣшились отправить за Двину для фуражировки отрядъ охотниковъ, которые, завладѣвъ судами, стоявшими подъ самою крѣпостію, благополучно переправились на лѣвый берегъ Двины, съ котораго болѣе уже не возвратились. Самъ воевода Полоцкій Петръ Гаштольдъ былъ на той сторонѣ, набиралъ войско въ помощь осажденному

городу; собравъ же нѣсколько хоругвей шляхты и соединившись съ Яномъ Боратынскимъ, вевшимъ 500 человѣкъ королевской конницы, съ этими силами онъ напалъ и уничтожилъ весь отрядъ охотниковъ Московскихъ. Однако же, судовъ на Двинѣ не оказалось: снесены онѣ были водою, или уничтожены Москвитянами? не извѣстно; словомъ, что Гаштольдъ, спѣшившій на помощь осажденному городу, прибывъ къ Двинѣ нашелся въ затруднительномъ положеніи за невозможностію переправы чрезъ рѣку, въ которой междутѣмъ вода сильно прибыла, глубина и быстрота теченія не подавала никакой возможности переправы вбродъ. Тщетно поселяне, собранные съ окрестностей, искали брода для этого двухтысячнаго кавалерійскаго отряда, стоявшаго надъ Двиною, въ двухъ миляхъ отъ города. Вдругъ, среди всеобщаго затрудненія, является нѣкой юный витязь въ свѣтломъ плащѣ, въ ясной бронѣ, на бѣломъ конѣ и молчаливымъ знакомъ приглашаетъ войско слѣдовать за нимъ: первый бросается въ глубокую и бурную рѣку — бродъ! Конница, благополучно достигнувъ противуположнаго берега, разбила 7000 отрядъ Московскаго войска, коего главныя силы, по причинѣ недостатка въ продовольствіи, уже удалились изъ подъ стѣнъ Полоцка. Но юнаго витязя уже не было. Благочестивое преданіе, основываясь на нѣкоторыхъ признакахъ, велитъ намъ вѣрить, что то былъ королевичъ Казиміръ, сынъ Короля, скончавшійся въ отрочествѣ, причисленный со временемъ Папою Леономъ X къ лику святыхъ, который во-

лею Божіею, вспомоществовалъ воинство своего отца ([196]).

LXXIII.

Въ августѣ 1519 г., Московскіе воеводы ходили изъ Стародуба опустошать самую Литву до Вильны; другіе же воеводы: Василій Годуновъ, Князь Елецкій, Засѣкинъ съ сильною татарскою конницею приступали къ Витебску, къ Полоцку, выжгли предмѣстія, убили множество людей; словомъ разоряли какъ могли и умѣли непріятельскую землю. Наконецъ — обѣ стороны, утомленныя рѣшились примириться — въ 1522 г. заключено перемиріе на пять лѣтъ, считая съ 25-го декабря этого года.

Однако же, перемиріе не помѣшало намѣстникамъ Московскимъ въ Усвятахъ, Великихъ Лукахъ и Стародубѣ жестоко опустошать окрестности Кричева, Чечерска и прочихъ мѣстъ пограничныхъ; на что̀ неоднократно, но безуспѣшно, ѣздилъ въ Москву съ жалобою посолъ королевскій Станиславъ Довгирдъ. До истеченія срока перемирія скончался въ 1533 г. Василій Іоанновичь. Надѣясь воспользоваться малолѣтствомъ преемника Василіева сына его Іоанна IV, Сигизмундъ требовалъ отъ Россіи всѣхъ городовъ, отнятыхъ у него Василіемъ и, получивъ отказъ, замыслилъ силою отнять всѣ Іоанновы и Василіевы пріобрѣтенія въ Литвѣ. Узнавъ о непріятельскихъ дѣйствіяхъ Литовцевъ, Московская Боярская Дума, въ присутствіи юнаго царя и матери его правительницы Елены, требовала благословенія Митрополита на войну

съ Литвою; и Митрополитъ, обратясь къ державному младенцу, сказалъ:

«Государь! защити себя и насъ. Дѣйствуй мы будемъ молиться. Гибель зачинающему, а въ правдѣ Богъ помощникъ.»

LXXIV.

Московскіе полки, въ глубокую осень, 28 октября 1534 г., выступили изъ Москвы: то любимецъ Елены Телепневъ, командуя двумя сильными отрядами — состоявшими подъ начальствомъ лучшихъ военоначальниковъ, Михаила Горбатаго и Никиты Оболенскаго — шелъ разорять Литовскія владѣнія. Отъ границъ Смоленска запылали села и города Литовскія: Дубровна, Орша, Друцкъ и Борисовъ; окрестности ихъ разорены огнемъ и мечемъ. Московское войско, не встрѣчая нигдѣ препятствія, миновавъ укрѣпленные города, простерло опустошенія на три мили отъ самой Вильны. Съ другой стороны, вторая рать Московская подъ начальствомъ князя Бориса Горбатаго, опустошивъ окрестности Полоцка, Витебска и Бреславля, соединилась подъ Мололечною съ Телепневымъ, пошевшимъ отсюда къ Двинѣ, оттуда къ Псковской границѣ, и только въ мартѣ 1535 г. вышелъ онъ наконецъ изъ Литовскихъ предѣловъ. Третья рать Московская, подъ начальствомъ Федора Телепнева, вышевъ изъ Стародуба, опустошила всю южную и юго-западную часть нынѣшней Могилевской губерніи, окрестности Могилева, Мозыря и Турова съ жестокостію, равною первымъ двумъ арміямъ, не уступавшимъ

въ лютости Татарамъ, съ тою лишь разницею, что гдѣ ни гдѣ уцѣлѣли церкви православныя и пощажены жители этого вѣроисповѣданія; болѣе 200,000 войска занято было однимъ лишь опустошеніемъ владѣній Литовскихъ, въ то время какъ Король, за непослушаніемъ шляхты, не могъ выставить и одной рати ([197]).

Въ этомъ же, 1535 г., прибѣжали изъ Вильны въ Москву люди Московскихъ выходцевъ князя Симеона Бѣльскаго и Лятцкаго: не хотѣвъ служить имъ, они пограбили казну своихъ господъ и донесли боярамъ московскимъ, что Сигизмундъ шлетъ сильную рать къ Смоленску. Надлежало предупредить врага. Полки были готовы. Главный воевода князь Василій Шуйскій съ Телепневымъ, вторично принявшимъ начальство надъ передовымъ отрядомъ, спѣшили встрѣтить непріятеля, котораго однако нигдѣ не увидѣли. Выжгли предмѣстіе Мстиславля, взяли острогъ и, отославъ плѣнниковъ въ Москву, шли безпрепятственно далѣе. Однако же, и Сигизмундъ не тратилъ времени въ бездѣйствіи: давъ Россіянамъ волю свирѣпствовать въ восточныхъ предѣлахъ Литвы, онъ послалъ 40,000 воиновъ въ южныя россійскія владѣнія и—междутѣмъ, какъ Шуйскій жегъ и разорялъ окрестности Кричева, Радомля, Могилева — войско Литовское шло къ Стародубу, а 15,000 Крымцевъ стремились къ берегамъ Оки. Литовцы приступили къ Гомелю. Тутъ начальствовалъ малодушный князь Оболенскій-Щепинъ, бѣжавшій съ войскомъ въ Москву, гдѣ за это ввергнули его въ темницу. Взявъ Гомель, Литовцы сожгли Почепъ и отступили къ Стародубу; а Шуй-

скій, предавъ огню всѣ мѣста около Княжичей, Шклова, Копыси, Орши, Дубровны, отступилъ къ Смоленску.

Во время этого похода, послѣ сожженія Мстиславля, Телепневъ поручилъ воеводамъ Борису Горбатому и Михайлѣ Воронцову съ Новгородцами и Псковитянами завладѣть берегами Себѣжскаго озера и, основавъ тамъ крѣпость, соединиться съ нимъ. Воеводы, остановившись подъ Опочкою, отрядили туда Бутурлина, который 25-го іюля 1535 г., основалъ безпрепятственно на землѣ Литовской, на полуостровѣ Себѣжскаго озера, крѣпость *Иванъ-городъ* или *Новый Себѣжъ* — нынѣшній уѣздный городъ Витебской губерніи ([198]).

LXXV.

Не смотря на блестящіе подвиги гетмана Тарновскаго подъ Стародубомъ успѣхъ войны былъ на сторонѣ Россіи, и существованіе новой Себѣжской крѣпости утвердилось побѣдою. Сигизмундъ не могъ равнодушно смотрѣть на эту крѣпость въ своихъ предѣлахъ: велѣлъ Кіевскому намѣстнику Немирѣ взять ее во что бы то ни стало. Войско его изъ 20,000 Литовцевъ и Поляковъ обложило городъ.

Началась страшная пальба; земля дрожала, но стѣны были невредимы: худые пушкари Литовскіе не сдѣлали почти ни одного мѣткаго выстрѣла. Россіяне сдѣлали удачную вылазку. Осаждающіе попятились на озеро, коего ледъ съ трескомъ обломился подъ ногами ихъ. Воеводы Себѣжскіе: Князь Засѣкинъ и Тушинъ не дали имъ опомниться: ударили,

смяли, топили несчастныхъ Литовцевъ; взяли ихъ знамена, пушки и едва не всѣхъ истребили. Нѣмира на борзомъ конѣ ускакалъ отъ плѣна, чтобы донести старцу Сигизмунду о гибели его войска. Правительница Елена, въ память этого блестящаго успѣха, велѣла соорудить церковь Живоначальной Тройцы въ Себѣжѣ.

Литва находилась въ затруднительномъ положеніи: война истощила казну и войско, а дворянство не хотѣло содѣйствовать Королю къ продолженію оной. Удрученный неудачами и вѣкомъ Сигизмундъ уступилъ Литовскій престолъ сыну своему Сигизмунду-Августу; самъ же остался при Польшѣ. Съ другой стороны, война стала дорого и Россіи, и Телепневъ — хотя и основалъ еще двѣ крѣпости въ 1536 г. на землѣ Литовской: Заволочье въ Ржевскомъ и Велижъ ([199]) въ Торопецкомъ уѣздѣ; однако же видя тоже значительное истощеніе силъ и казны и узнавъ, что воевода Полоцкій Янъ Глѣбовичь имѣлъ уже подъ рукою довольно сильное войско — тоже думалъ о мирѣ.

Сигизмундъ отправилъ воеводу Полоцкаго Яна Глѣбовича, старосту Мельницкаго Никодима Цѣхановецкаго и писаря Николая Андрушевича, прибывшихъ въ Москву 14 января 1837 г., съ 400 дворянъ знатныхъ и слугъ. Слѣдуя обыкновенію, обѣ стороны требовали невозможнаго: Литовцы Новгорода и Смоленска; Россіяне Кіева и всей Бѣлоруссіи; наконецъ, рѣшились заключить только перемиріе на пять лѣтъ. Условились, чтобы Россія владѣла новыми крѣпостями Себѣжемъ и Заволочьемъ; а Литва Гомелемъ. Кромѣ того, Россія

взяла себѣ въ нынѣшнемъ Рогачевскомъ уѣздѣ волость Долійскую съ селами Чечерскими и Кричевскими, Залѣсье, Бабичи, Свѣтиловичи, Голодно, Скорбовичи и Липечи. Перемиріе было возобновлено въ 1542 г., на семь лѣтъ, и потомъ еще разъ въ 1549 г., при преемникѣ Сигизмудовомъ Августѣ на прежнихъ условіяхъ.

Перемиріе кончилось войною за Ливонію, которую и Россія и Польша считали своею.

КНИГА ОСЬМАЯ.

Борьба за Ливонію.

Паденіе Ордена. — Соединеніе Ливоніи съ Литвою и Польшею. — Вторженіе Россіянъ въ Бѣлоруссію. — Взятіе Полоцка. — Переговоры о мирѣ. — Пораженіе: Шуйскаго подъ Чашниками, Оболенскаго подъ Оршею. — Опустошеніе Бѣлоруссіи. — Перемѣна въ Іоаннѣ. — Бѣгство Курбскаго. — Осада Полоцка. — Переговоры о мирѣ. — Построеніе замковъ около Полоцка. — Успѣхи Витебскаго воеводы Паца. — Подвиги Сангушки. — Взятіе Уллы. — Осада Витебска. — Смерть Сигизмунда. — Перемиріе. — Борьба Іоанна съ Баторіемъ. — Московское войско вторгается въ Ливонію. — Первый походъ Баторіевъ на Полоцкъ. — Осада и взятіе его. — Покореніе сосѣдственныхъ замковъ. — Второй походъ: на Великія Луки. — Военный совѣтъ въ Чашникахъ. — Покореніе Велижа и Усвятъ. — Осада В. Лукъ. — Покореніе Невеля и Заволочья. — Болѣзнь Короля въ Полоцкѣ. — Третій походъ: на Псковъ. — Перемиріе.

LXXVI.

Сигизмундъ-Августъ написалъ къ Іоанну, что долго и безполезно убѣждавъ его оставить Ливонію въ покоѣ, онъ долженъ наконецъ прибѣгнуть къ оружію. Іоаннъ грозилъ тѣмъ же. Россіяне съ огнемъ и мечемъ вторгнулись въ сѣверныя Орден-

скія владѣнія. Орденъ погибалъ — и юный Кетлеръ, Магистръ Рыцарей Ливонскихъ, явившись лично въ Краковъ къ Королю, въ пламенныхъ выраженіяхъ изобразилъ бѣдствія Ливоніи, замыслы Іоанновы и даже опасность для самой Польши, и склонилъ Августа къ дѣятельному участію въ войнѣ противъ Россіи. Въ 1559 г. подписанъ договоръ: Магистръ и Рижскій Архіепископъ, Орденъ и Духовенство, отдали Королю въ залогъ крѣпости: Маріенгаузенъ, Лубанъ, Ашерадъ, Дюнебургъ, Розиттенъ, Люценъ т. е. нынѣшніе Динабургскій, Люценскій и Рижицкій уѣзды Витебской губерніи, съ условіемъ заплатить ему 700,000 гульденовъ по окончаніи войны; а Король обязался стоять всѣми силами за Ливонію, возстановить цѣлость ея владѣній и братски раздѣлить съ Орденомъ будущія завоеванія въ Россіи. Такъ началась между Россіею и Польшею эта знаменитая за Ливонію война, стоившая такъ дорого обѣимъ державамъ.

Московское войско снова вторглось въ сѣверную Ливонію и — въ 1561 г., палъ знаменитый Орденъ Меченосцевъ. Кетлеръ прибылъ въ Вильну, въ присутствіи Короля и вельможъ Литовскихъ навѣки уничтожилось бытіе знаменитаго братства Меченосцевъ въ силу торжественнаго, клятвою утвержденнаго договора, по которому Сигизмундъ-Августъ былъ признанъ Государемъ Ливоніи, а Кетлеръ наслѣдственнымъ Герцогомъ Курляндіи, вассаломъ королевскимъ.

LXXVII.

Принявъ Ливонію, Король пріобрѣлъ съ нею трехъ враговъ: Россію, Швецію и Данію — три державы, простиравшія къ ней права свои; Іоаннъ же рѣшился воевать не Ливонію, но самую Литву. Война открылась въ 1562 г.; но, не смотря на взаимныя угрозы, военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ были слабы: Іоаннъ опасался Хана и держалъ полки въ южной Россіи; а Сигизмундъ, разставивъ войско по крѣпостямъ въ Ливоніи, имѣлъ въ полѣ только малые отряды, которые приступали къ Себѣжу, Опочкѣ, Невелю. Князь Петръ Серебрянный разбилъ Литовцевъ близь Мстиславля, Курбскій выжегъ предмѣстія Витебска; другіе воеводы изъ Смоленска, гдѣ начальствовалъ Царь Шигъ-Алей, ходили къ Дубровнѣ, Копысю, Шклову. Съ другой стороны Радзивиллъ, стоя близъ Орши, посылалъ отряды къ Смоленску, безъ успѣха осаждалъ Велижъ, но разорилъ всѣ окрестныя деревни и только подъ Невелемъ Поляки имѣли успѣхъ противъ Курбскаго (200). Болѣе жгли и грабили нежели сражались. Зима прекратила военныя дѣйствія, войско королевское отошло въ Литву на зимнія квартиры. Но Іоаннъ, замышляя нанести важный ударъ Литвѣ, воспользовался этимъ временемъ.

LXXVIII.

Въ началѣ зимы 1562 г., собрались полки въ Можайскѣ: самъ государь отправился туда въ декабрѣ,

а съ нимъ князь Курбскій, цари Казанскіе Александръ и Симеонъ, царевичи Ибакъ, Тохтамышъ, Бекбулатъ, Кайбула и сверхъ знатнѣйшихъ воеводъ двѣнадцать бояръ думныхъ, 5 окольничихъ, 16 дьяковъ, воиновъ было, какъ увѣряютъ, 280,000, обозныхъ людей 80,900, а пушекъ 200 ([201]). Это огромное ополченіе такъ внезапно вступило въ Литву, что Король находясь въ Польшѣ, не хотѣлъ вѣрить первой о томъ вѣсти. Іоаннъ, 31 января 1563 г., осадилъ Полоцкъ и 7 февраля взялъ укрѣпленія внѣшнія. Тутъ узнали, что 40,000 Литовскаго войска съ 20 орудіями идетъ отъ Минска: гетманъ Радзивиллъ предводительствовалъ ими, онъ далъ слово Королю спасти осажденный городъ; но встрѣтившись съ Московскими воеводами, князьями Юріемъ Рѣпнинымъ и Симеономъ Палицкимъ, не отважился на битву, хотѣлъ единственно тревожить Россіянъ и, не успѣлъ ничего сдѣлать: 15 февраля городъ былъ уже въ рукахъ Іоанновыхъ. Тамошній воевода Довойна услужилъ Царю своимъ неблагоразуміемъ: впустилъ въ крѣпость 20,000 поселянъ, и, чрезъ нѣсколько дней выгнавъ ихъ, далъ случай Іоанну явить опасное въ такихъ случаяхъ великодушіе. Эти несчастные шли на вѣрную смерть, а были приняты въ Московскомъ станѣ какъ братья: изъ благодарности они указали Русскимъ множество хлѣба, зарытаго ими въ глубокихъ ямахъ, и тайно извѣстили гражданъ, что Царь есть отецъ всѣхъ единовѣрныхъ: побѣждая милуетъ ([202]). Междутѣмъ ядра сыпались въ городъ; стѣны падали и малодушный воевода, въ угодность жителямъ, спѣшилъ заключить выгодный договоръ съ непріятелемъ сни-

сходительнымъ, который обѣщалъ свободу личную, неприкосновенность имущества, и — не сдержалъ слова. Полоцкъ славился промышленностію, торговлею, богатствомъ: Іоаннъ, взявъ казну государственную, взялъ и собственность знатныхъ, богатыхъ людей, дворянъ, купцовъ: золото, серебро, драгоцѣнныя вещи; отправилъ въ Москву епископа, воеводу Полоцкаго (203), многихъ чиновниковъ королевскихъ, шляхту и гражданъ; велѣлъ разорить католическія церкви и крестить всѣхъ жидовъ, а непослушныхъ топить въ Двинѣ (204). Одни королевскіе иноземные воины могли хвалиться великодушіемъ побѣдителя: имъ дали нарядныя шубы и письменный милостивый пропускъ, въ которомъ Іоаннъ съ удовольствіемъ назвалъ себя Великимъ Княземъ *Полоцкимъ*, приказывая своимъ Боярамъ, сановникамъ Россійскимъ, Черкесскимъ, Татарскимъ, Нѣмецкимъ, оказывать имъ въ пути защиту и вспоможеніе. Нѣсколько дней онъ праздновалъ это легкое, блестящее завоеваніе древняго княжества Славянскаго, наслѣдія достопамятной Гориславы, знаменитаго въ исторіи междоусобій Россіи и раннимъ подданствомъ Литвѣ спасеннаго отъ ига Монголовъ; послалъ всюду гонцевъ, чтобы Россіяне изъявили благодарность Небу за свою новую славу и писалъ къ первосвятителю Макарію: «се нынѣ исполнилось пророчество дивнаго Петра Митрополита, сказавшаго, что Москва вознесетъ руки свои на плещи враговъ ея.» (205).

LXXIX.

Сигизмундъ былъ въ страхѣ: многолюдный, укрѣпленный Полоцкъ считался главною твердынею Литвы; а воеводы Московскіе не теряя времени шли на Вильну, къ Мстиславлю, въ Самогитію, опустошая землю невозбранно: ибо Гетманъ бѣжалъ назадъ въ Минскъ. Въ этихъ обстоятельствахъ вельможи королевскіе писали къ боярамъ московскимъ, что послы ихъ готовы ѣхать въ Москву, если Россіяне остановятъ непріятельскія дѣйствія; а Царь, приказавъ отвѣтствовать, что пословъ ни сѣкутъ, ни рубятъ, далъ Литвѣ перемиріе на шесть мѣсяцевъ. Велѣвъ исправить укрѣпленія, отслуживъ молебенъ въ Софійскомъ храмѣ и ввѣривъ защиту города мужественному князю Петру Шуйскому, Іоаннъ 26-го февраля, выступилъ оттуда со всѣмъ войскомъ и распустилъ его въ Великихъ Лукахъ.

Перемиріе не мѣшало Россіянамъ и Литовцамъ нападать другъ на друга. Пословъ Сигизмундовыхъ долго ждали въ Москвѣ; наконецъ они пріѣхали, 5-го декабря 1563 года, и, слѣдуя обыкновенію, требовали Новгорода, Пскова, кромѣ всѣхъ завоеваній дѣда, отца Іоаннова и его собственныхъ; а бояре, также слѣдуя обыкновенію, отвѣтствовали, что Россія для мира надежнаго должна взять у Литвы не только Кіевъ, Волынію, Подолію, Рѣчицу, Шкловъ, Могилевъ, но и Вильну, которая, по словамъ ихъ, въ древнія времена принадлежала Русскимъ. Далѣе бояре говорили о неправдѣ Короля, не хотящаго именовать Іоанна Царемъ, и хотящаго быть госу-

даремъ Ливоніи, гдѣ еще въ XI вѣкѣ основанъ Ярославомъ Великимъ городъ Юрьевъ и гдѣ Александръ Невскій огнемъ и мечемъ казнилъ своихъ подданыхъ Нѣмцевъ за бунтъ и непослушаніе. Хотя съ обѣихъ сторонъ умѣрили требованіе, хотя бояре московскіе согласились уже не говорить о Вильнѣ, Подоліи, Волыни и дружелюбно уступали Сигизмунду Курляндію, желая единственно всей Полоцкой земли, чтобы заключить перемиріе на 10 или 15 лѣтъ; однакоже послы Сигизмундовы не приняли этого условія не хотѣли утвердить за ними ни Полоцкой земли, ни Ливоніи и выѣхали изъ Москвы 9-го января.

LXXX.

Тогда воеводы московскіе немедленно выступили: Шуйскій изъ Полоцка, князья Серебряные-Оболенскіе изъ Вязьмы, чтобы дѣйствовать противъ Литвы; Государь велѣлъ имъ соединиться подъ Оршею, итти къ Минску, къ Новогрудку Литовскому; назначилъ станы, предписалъ всѣ движенія. Но князь Петръ Шуйскій, завоеватель Дерпта, славный и доблестію и человѣколюбіемъ, какъ бы ослѣпленный рокомъ, явилъ удивительную неосторожность: шелъ безъ всякаго устройства, съ толпами невооруженными; доспѣхи везли на саняхъ, впереди не было стражи; никто не думалъ о непріятелѣ — а воевода Троцкій, Николай Радзивиллъ, съ дворомъ королевскимъ, съ лучшими полками Литовскими стоялъ подъ Минскомъ, имѣлъ вѣрныхъ лазутчиковъ, зналъ все — и не допустилъ соединить-

ся Шуйскому съ Оболенскими. Быстро двинулся на встрѣчу — и вдругъ внезапно, въ январѣ 1564 года, въ нынѣшнемъ Липпельскомъ уѣздѣ Витебской губерніи подъ мѣстечкомъ Чашниками, на поляхъ Иванскихъ, въ мѣстахъ тѣсныхъ и лѣсныхъ напалъ на Россіянъ. Не успѣвъ ни стать въ ряды, ни вооружиться, они малодушно устремились въ бѣгство, воеводы и воины. Несчастный Шуйскій заплатилъ жизнію за свою оплошность. Одни пишутъ, что онъ былъ застрѣленъ въ голову и найденъ мертвымъ въ колодцѣ (206); другіе, что крестьянинъ Литовскій изрубилъ его сѣкирою. Изъ людей знатныхъ пали еще два брата, князья Симеонъ и Федоръ Палецкіе. Литовцы взяли въ плѣнъ воеводу Захарія Плещеева-Овчину, князя Ивана Охлибишина и нѣсколько дѣтей боярскихъ, такъ, что изъ 20.000 пало не болѣе 200 воиновъ: всѣ другіе ушли въ Полоцкъ, оставивъ непріятелю обозъ и пушки. Тѣло Шуйскаго отвезли въ Вильну, а плѣнныхъ Россійскихъ представили больному Королю въ Варшавѣ: онъ велѣлъ служить молебны и дѣйствіемъ радости исцѣлился отъ недуга (207).

Междутѣмъ князь Петръ Серебряный-Оболенскій, стоя подъ Оршею, ждалъ извѣстія отъ Шуйскаго и посылалъ разъѣзды для освѣдомленія о Литовцахъ. Въ то время прибылъ отъ Радзивилла гонецъ къ Филону Кмитѣ, старостѣ Оршанскому, съ извѣстіемъ о побѣдѣ. Кмитѣ любопытно было видѣть, что произойдетъ въ станѣ Серебряннаго, когда узнаютъ о судьбѣ Шуйскаго. Съ этою цѣлію, написавъ письмо къ старостѣ Дубровенскому, послалъ съ нимъ въ Дубровну гонца такою дорогою,

на которой ему непремѣнно должно было встрѣтиться съ Россіянами. Въ письмѣ заключалось извѣстіе о побѣдѣ и предостереженіе, что бы староста Дубровенскій былъ всегда въ готовности на своемъ постѣ; ибо Радзивиллъ приближается къ Оршѣ, откуда со всѣми силами постарается рано утромъ, врасплохъ напасть на станъ Серебряннаго. Между тѣмъ, самъ Кмита съ воеводою Мстиславскимъ Юріемъ Остыкомъ, вышелъ изъ города и легкою конницею осадилъ лѣса, находившіеся вблизи Россійскаго стана. Хитрость удалась: гонецъ былъ пойманъ и представленъ князю Серебрянному. Узнавъ, что случилось, Россійскіе воеводы рѣшились немедленно оставить свой станъ и итти къ Смоленску. Замѣтивъ это движеніе, Кмита приказалъ показаться изъ за лѣса своимъ хоругвямъ. «Спасайся кто можетъ!» раздалось въ войскѣ отступающемъ, вообразившемъ, что самъ Радзивиллъ пришелъ сюда со всѣми силами. Но Радзивиллъ не хотѣлъ сражаться съ Россіянами; желалъ единственно, чтобы они вышли изъ королевскихъ владѣній. Цѣль эта достигнута; но Россіяне не оставили непріятеля безъ мести: пока дошли до Смоленска, они огнемъ и мечемъ опустошали все мѣста отъ Дубровны до Кричева, и увели въ плѣнъ множество земледѣльцевъ.

LXXXI.

Зима прекратила военныя дѣйствія, и только въ началѣ іюля 1564 года 13,000 отрядъ Россіянъ подъ начальствомъ Токмакова явился подъ Озерищемъ и осадилъ эту крѣпость, славившуюся въ то время сво-

ими непослѣдними укрѣпленіями. Начальникъ гарнизона успѣлъ однако же дать знать объ этомъ Витебскому воеводѣ Станиславу Пацу, который собравъ на скорую руку 2,000 войска, вручилъ надъ ними начальство Яну Снепороду, опытному воину. Токмаковъ провѣдавъ о приближеніи его, отправилъ артиллерію водою въ Невель и приготовился къ битвѣ, въ которой претерпѣвъ совершенное пораженіе, велѣлъ безчеловѣчно умертвить всѣхъ бывшихъ у него Литовскихъ плѣнниковъ. Со всѣмъ тѣмъ Токмаковъ — хотя и жестокій, но вмѣстѣ и отважный воинъ — замѣтивъ, что по удаленіи Снепорода въ Витебскъ, гарнизонъ съ радости предался невоздержанному веселію, позабывъ о всякой осторожности, напалъ на крѣпость, завладѣвъ которою, истребилъ весь тамошній гарнизонъ. Другой воевода Бутурлинъ изъ Смоленска съ дѣтьми боярскими, Мордвою и Татарами грабилъ и опустошалъ правый берегъ Днѣпра, въ нынѣшней Могилевской губерніи, волости Кричевскія, Мстиславскія и Радомльскія откука вывелъ 4800 плѣнныхъ обоего пола, за что въ отмщеніе войско Литовское подъ начальствомъ Филона Кмиты, графа Горскаго и Лесневольскаго опустошило область Сѣверскую, разорило Краснополье и взяло богатую добычу — товары купцевъ азіятскихъ въ Почепѣ.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта война, подававшая мало надежды Сигизмунду; но въ Іоаннѣ уже произошла знаменитая перемѣна. Ужасъ, наведенный жестокостями его на всѣхъ Россіянъ, былъ причиною бѣгства нѣкоторыхъ знаменитыхъ его сподвижниковъ въ чужія земли. Въ числѣ ихъ

былъ и доблестный князь Андрей Владиміровичь Курбскій, бѣжавшій, отъ страха подвергнуться безчеловѣчной смерти, изъ Дерпта къ Сигизмунду, принявшему его съ радостію. Курбскій, могшій безъ угрызенія совѣсти искать убѣжища въ Литвѣ отъ незаслуженныхъ имъ гоненій, сдѣлалъ еще болѣе: присталъ къ врагамъ Россіи. Обласканный Сигизмундомъ, награжденный отъ него богатымъ помѣстьемъ Ковельскимъ, сдѣлался усерднымъ врагомъ Царя (208): совѣтовалъ какъ губить Москвитянъ, упрекалъ Короля слабостію въ войнѣ; убѣждалъ дѣйствовать смѣло, не жалѣть казны, чтобы возбудить противъ Россіи Хана и—скоро услышали въ Москвѣ, что 70,000 Литовцевъ, Поляковъ, Нѣмцевъ, Венгровъ, Волоховъ съ Радзивилломъ и Курбскимъ идутъ къ Полоцку, и что Девлетъ-Гирей съ 60,000 Крымцевъ громитъ Рязанскую область.

LXXXII.

Девлетъ-Гирея отразили, и все вниманіе Іоанново обратилось къ Полоцку. Сверхъ чаянія, войско Сигизмундово не имѣло успѣха. Радзивиллъ, вопреки совѣтамъ Курбскаго, расположился станомъ въ двухъ верстахъ отъ Полоцка, между Двиною и Полотою, не какъ нападающій, но какъ намѣривающійся только обороняться, и надѣялся взять городъ страхомъ или измѣною. Но воевода Полоцкій, князь Петръ Щенятевъ отвѣтствовалъ на ихъ предложенія выстрѣлами, а бывшій царь Казанскій Симеонъ, князь Иванъ Пронскій, Петръ и Василій Оболенскіе-Серебрянные спѣшили изъ Великихъ

Лукъ зайти непріятелю втылъ: ибо Іоаннъ угадывая дѣйствіе совѣтовъ Курбскаго, заблаговременно усилилъ полки свои на этой границѣ. Радзивиллъ не имѣлъ довѣренности къ Курбскому, подававшему ему хорошіе совѣты; но, вопреки его мнѣнію, опасался битвы, въ которой могъ быть между двумя огнями, стоялъ семнадцать дней праздно, терялъ людей отъ выстрѣловъ изъ крѣпости, и 4-го октября 1564 года перешелъ на Литовскую сторону Двины. Нерѣшительность Гетмана простерлась до того, что воеводы Московскіе взяли приступомъ Озерище, а славный побѣдитель Шуйскаго, не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, чтобы спасти эту важную крѣпость.

Война продолжалась; однако показалась тягостною для обѣихъ сторонъ. Казалось, что Сигизмундъ искренно желалъ конца войны для него тягостной; казалось, что и Царь хотѣлъ отдохновенія. Великіе короловскіе послы пріѣхали въ Москву. Съ обѣихъ сторонъ изъявили рѣдкую уступчивость. Только для формы, по обыкновенію, повторили съ обѣихъ сторонъ прежнія требованія; Сигизмундъ уступалъ даже Полоцкъ и предлагалъ, чтобы въ Ливоніи каждый владѣлъ своею частію; чтобы общими силами изгнать оттуда Шведовъ; но Іоаннъ домогался почти всей Ливоніи, за что уступалъ Королю: Озерище, Дриссу, Лукомль, Курляндію. Послы стояли за Ригу, за Венденъ и наконецъ нѣкто изъ нихъ бросилъ мысль, что истинный, прочный миръ можетъ быть заключенъ самими Государями при личномъ свиданіи ихъ гдѣ нибудь на границѣ. Эта мысль сперва полюбилась Іоанну, избрали и мѣсто: Царю

надлежало пріѣхать въ Смоленскъ, а Королю въ Оршу, каждому съ 5000 благородныхъ воиновъ. Но послы не брали на себя условиться въ обрядахъ свиданія. Переговоры длились два мѣсяца, военныя дѣйствія пріостановились.

LXXXIII.

Военныя дѣйствія пріостановились; однако же мирные переговоры не помѣшали Іоанну тихо и мирно продолжать наступательныя мѣры, обнаружившія его планы на дальнѣйшія завоеванія въ Литвѣ. Такъ при озерѣ Усвятахъ и при устьѣ Улы въ Двину устроены крѣпости; кромѣ того осенью, того же 1566 г., устроена въ нынѣшнихъ Полоцкомъ и Лепельскомъ уѣздахъ крѣпость *Копецъ*, а въ декабрѣ крѣпость *Соколъ* при устьѣ Нешавы въ въ Дриссу, тоже въ Полоцкомъ уѣздѣ ([209]). Крѣпости заняты были сильными гарнизонами, опустошавшими время отъ времени окрестныя страны и пытавшимися завладѣть Литовскою сосѣдственною крѣпостью Воронцомъ. Король послалъ въ Москву Василія Заборовскаго спросить отъ его имени Царя: существуетъ ли перемиріе? Іоаннъ отвѣтствовалъ: «Усваты и Ула принадлежатъ Россіи, о прочихъ крѣпостяхъ не знаю. Воронецъ Литовцы строили во время перемирія и потому войско мое хотѣло помѣшать этому.» Итакъ, надежда на миръ не осуществилась ([210]), и Король, получивъ подобный отвѣтъ, съ своей стороны также приказалъ пограничнымъ старостамъ наѣзжать царскія владѣнія. Въ открывшихся вслѣдъ за этимъ нападеніяхъ,

отличился вособенности начальникъ придворнаго Витебскаго воеводы Паца войска Бирюля, который командуя сильнымъ отрядомъ казаковъ грабилъ и и опустошалъ съ перемѣннымъ счастіемъ пограничныя Смоленскія волости ([211]). Іоаннъ писалъ къ Сигизмунду жалуясь на грабительства и прося его сохранить перемиріе, извиняясь, что до сихъ поръ еще не могъ выслать пословъ, которые вскорѣ будутъ къ Королю.

Дѣйствительно, послы царскіе Колычевъ и Нагой, со свитою изъ 1200 человѣкъ, прибыли осенью къ Королю въ Гродно на сеймъ, и предложили для заключенія мира слѣдующія условія: 1) чтобы область Полоцкая со всѣми пригородами: Лепелемъ, Копцемъ, Дрыссою, Воронцомъ или Вороначемъ, Улою, Соколомъ остались за Россіею; 2) чтобы Двина служила границею владѣній обѣихъ державъ въ Ливоніи; 3) чтобы Король именовалъ Іоанна: Полоцкимъ, Смоленскимъ и Ливонскимъ. Потому переговоры, по прежнему, кончились ничѣмъ и еще не успѣли послы царскіе выѣхать изъ Гродна, какъ, по повелѣнію Царя, отрядъ Россіянъ, въ 1567 г., выступивъ изъ Сѣверской области, опустошилъ на Украйнѣ вотчину Острожскихъ. Вскорѣ послѣ этого главныя силы Іоанновы изъ Вязьмы, Дорогобужа двинулись къ Великимъ Лукамъ—то было войско противъ Ливоніи, шедшее съ намѣреніемъ завладѣть Люценомъ и Рѣжицею. Самъ Іоаннъ съ сыномъ находился при войскѣ, и, когда онъ стоялъ въ окрестностяхъ Мѣднаго, прибылъ къ нему посолъ королевскій Быковскій съ письмомъ отъ Короля, укорявшаго Іоанна въ расположеніи къ войнѣ

и пролитію крови христіанской. Іоаннъ съ своей стороны укорялъ въ томъ же Короля, отвергшаго его умѣренныя предложенія и, вопреки обычаю и народному праву, оковавъ Быковскаго въ цѣпи, отослалъ его въ Москву въ темницу, будто бы въ возмездіе неуваженія, оказаннаго посламъ Московскимъ, во время слѣдованія ихъ къ Королю въ Гродно. Іоаннъ всѣми силами хотѣлъ напереть на Ливонію; но вдругъ воинскій жаръ простылъ, встрѣтились препятствія непредвиденныя, дождливая осень, дурныя дороги, по которымъ не могли двигаться обозы и, 12 ноября 1567 г., Іоаннъ созвалъ военный совѣтъ въ Красный. Здѣсь—поразсудилъ о трудностяхъ похода и объ угрожающей опасности со стороны Короля, собравшаго подъ Радошкѣвичами огромное войско, съ которымъ намѣривался двинуться къ Полоцку и Великимъ Лукамъ— Царь согласился воздержаться отъ военныхъ дѣйствій, возвратился въ Москву, оставивъ войско въ Великихъ Лукахъ и Торопцѣ, и написалъ къ Сигизмунду извинительное письмо, конечно, не имѣвшее никакихъ послѣдствій. Хотя мокрая осень не дозволила двигаться и Литовскому войску, со всѣмъ тѣмъ Витебскій воевода Станиславъ Пацъ разорялъ Смоленскія волости, и въ началѣ декабря взялъ приступомъ Ситно, гдѣ погибло 300 человѣкъ гарнизона и гдѣ нашелъ онъ 120 орудій, много ядеръ и пороха, сложенныхъ здѣсь до будущаго года для Ливонской экспедиціи. Въ концѣ этого же мѣсяца разбилъ подъ Велижемъ на голову отрядъ Опричниковъ.

LXXXIV.

Съ наступленіемъ весны 1568 г. Витебскій воевода Пацъ возобновилъ свои набѣги. Предводительствуя своими казаками, жегъ деревни и разорялъ огнемъ и мечемъ волости въ уѣздахъ Велижскомъ, Усвятскомъ и Бѣлевскомъ; разбилъ Головина и взялъ въ неволю его самаго, посланнаго Іонномъ съ опричниками непремѣнно привести Паца въ Москву окованнаго цѣпями. Весною князь Романъ Сангушко, Генералъ-Поручикъ Королевскій, съ 1900 человѣкъ отличной конницы прибылъ подъ Чашники для наблюденія за войскомъ Московскимъ; ибо сдѣлалось уже извѣстнымъ, что Іоаннъ назначилъ Оршу сборнымъ мѣстомъ для своего войска. Сангушко, узнавъ о переправѣ чрезъ Днѣпръ 8000 отряда подъ начальствомъ Амурата и Палѣцкаго, вышелъ ночью съ необыкновенною быстротою изъ Чашникъ, предъ разсвѣтомъ снялъ весь пикетъ до единаго, напалъ врасплохъ на главный станъ, въ которомъ воины не успѣли даже взяться за оружіе. Часть войска истреблена, часть спаслась бѣгствомъ, Амуратъ и Палѣцкій были убиты. Отважный подвигъ до того ободрилъ не многочисленный отрядъ, что Сангушко, провѣдавъ о выходѣ Щербатова въ главѣ 6000 отряда и 3000 Татаръ подъ начальствомъ, Сегита изъ Улы къ Сушѣ — засѣлъ въ лѣсу при дорогѣ и — улучивъ время, когда войско расположилось къ отдыху — вышелъ изъ засады и истребилъ почти половину этой рати (212).

Блестящіе подвиги Сангушки воодушевили Лит-

ву, Польшу и Короля, прибывшаго лично, въ 1568 году, въ Радошкѣвичи, гдѣ собралось хорошо обученнаго войска: по Русскимъ свѣдѣніямъ до 60,000, а по Польскимъ до 100,000. Но миролюбивый Король, уже страдавшій недугами разстроеннаго здоровья, имѣвшій намѣреніе даже лично предводительствовать этимъ войскомъ, кончилъ подвигъ свой двумѣсячными маневрами, и съ блестящимъ дворомъ возвратился въ Гродно, отправивъ Гетмана Яна Хадкѣвича подъ Улу. Гарнизонъ этой крѣпости защищался съ необыкновеннымъ мужествомъ и стойкостію, тѣмъ болѣе что онъ постоянно усиливался свѣжими войсками, прибывавшими по Двинѣ на судахъ изъ Полоцка. Вскорѣ дѣла государственныя отозвали въ столицу Хадкѣвича, передавшаго начальство князю Сангушкѣ, который, по своему обыкновенію, прибѣгнулъ къ уловкамъ и военнымъ хитростямъ, показывая болѣе расположенія къ марадерству, нежели къ осадѣ. Въ это же самое время Филонъ Кмита Чернобыльскій подступилъ къ Смоленску и, выманивъ весь тамошній гарнизонъ въ поле, разбилъ его на голову; послѣ чего простеръ онъ опустошеніе почти до самой Вязьмы. Юрій Зиновичь съ сыномъ опустошалъ окрестности Лепеля, занятаго Москвитянами, которыхъ отрядъ, старавшійся воспрепятствовать ему въ этомъ, разбилъ на голову. Междутѣмъ Сангушко продолжалъ притворяться безпечнымъ и допускалъ подкрѣпленія изъ Полоцка. Но замѣтивъ, что однажны горнизонъ на радости предался неумѣренному пьянству съ новоприбывшими—ночью сушею и на судахъ подвевъ войско къ крѣпости по Туровлянской дорогѣ—при-

пустилъ штурмъ къ крѣпости. Непріятель уже былъ на стѣнахъ, уже вырублены ворота, когда часовые едва только начали просыпаться. Среди величайшаго замѣшательства и темной ночи бѣгали Россіяне по крѣпости, и наконецъ собрались нестройною толпою на площади. Отряды Минки, Оскерки, Бирули, Войны, Тышкѣвича, Лукомскаго и Соллогуба, переправившагося вплавь чрезъ Двину съ конницею, уже вломились въ крѣпость. Россіяне не хотѣли сдаться, предпочитая смерть плѣну: много погибло ихъ въ рукопашномъ боѣ и рѣзнѣ жестокой, часть успѣла спастись бѣгствомъ, остальные 800 стрѣльцевъ, 300 дѣтей боярскихъ и два воеводы Вельяминовы были взяты въ плѣнъ. Подвиги Сангушки устрашили Іоанновыхъ воеводъ: Шереметева, Василія Бутурлина и Юрія Сабурова, посланныхъ противъ него съ сильными отрядами, при которыхъ находилось и 6,000 Татаръ. Потому, желая его отвлечь отъ Улы, воеводы осадили Витебскъ, 27 сентября 1568 г., жители котораго узнавъ о жестокостяхъ Татаръ, скрылись въ замкѣ. Туда бросили огонь, отъ котораго загорѣлся городъ; но воевода Пацъ сдѣлалъ вылазку и, отбивъ осаждающихъ, погасилъ огонь. Междутѣмъ воеводы узнали о паденіи Улы и движеніи Сангушки къ Витебску, сняли осаду, продолжавшуюся трое сутокъ, и ночью поспѣшно отступили, обезпокоиваемые стыла легкою конницею Паца. Печальныя извѣстія объ этихъ событіяхъ и слухи о неуспѣхѣ войны въ Ливоніи достигнувъ Іоанна, уже неистовавшаго въ Москвѣ, до того устрашили его, что онъ приказалъ духовенству молиться о спасеніи отечества отъ нашествія

Мусульманъ и Латинниковъ, отъ еритиковъ Ливонскихъ, поборниковъ безбожнаго Лютера ([213]).

Наконецъ, Іоаннъ, уваживъ совѣтъ бояръ, согласился на мирные переговоры (1569 г.). Гонцы ѣздили изъ земли въ землю, и оба Государя согласились прекратить непріятельскія дѣйствія. Посламъ Литовскимъ надлежало быть въ Москву для заключенія мира, коего желали искренно обѣ стороны. Сигизмундъ, уже преклонный лѣтами, не имѣлъ наслѣдниковъ и, движимый истинною любовію къ отечеству, желалъ упрочить соединеніе Литвы съ Польшею; Іоаннъ же надѣялся быть его преемникомъ и—ошибся: на престолъ Польскій избранъ, въ 1576 году, Князь Седмиградскій Стефанъ Баторій.

LXXXV.

Судьба Ливоніи, разоренной и опустошенной Іоанномъ, сильно безпокоила Баторія. Въ первомъ письмѣ своемъ къ Іоанну, онъ предлагалъ ему рѣшить миролюбивымъ образомъ всѣ недоразумѣнія и распри, возникшія по этому поводу между двумя державами ([214]). Царь отвѣчалъ: ожидаю для этого пословъ твоихъ въ Москву, и — пока Баторій занимался осадою Данцига — внезапно напалъ на Ливонію.

Угадывая характеръ своего противника, твердость, непреклонность Стефанову, не имѣя надежды достигнуть цѣли своей одними угрозами и склонить его къ тому, чтобы онъ добровольно уступилъ ему Ливонію — Іоаннъ рѣшился всѣми силами наступить на Шведскія и Польскія владѣнія въ этой зем-

лѣ. Іоаннъ весною съ обоими сыновьями прибылъ въ Новгородъ: тутъ и во Псковѣ собрались всѣ его огромныя ратныя силы, какихъ давно не видывала Россія; 25-го іюля Царь вступилъ въ южную Ливонію, къ изумленію Поляковъ, которые тамъ господствовали, считая себя въ мирѣ съ Россіею. Такъ началась эта знаменитая война Іоанна съ Баторіемъ.

Въ то время Польскимъ губернаторомъ Ливоніи былъ кастеланъ Виленскій Янъ Ходкѣвичь. Крѣпости и замки заняты были не многочисленными гарнизонами, преимущественно Литовцами, позволявшими себѣ различныя безчинства въ странѣ, которой считались они покровителями. Раздраженные этимъ жители уже пламенно желали перемѣны правленія, и Іоаннъ сумѣлъ искусно воспользоваться такимъ расположеніемъ умовъ. Еще не вступая въ Ливонію съ войною, послалъ туда герцога Магнуса, брата Датскаго короля Фридриха II, распустивъ предварительно слухъ о намѣреніи своемъ сдѣлать его Феодальнымъ Герцогомъ Ливоніи въ верховной зависимости отъ Россіи въ такомъ случаѣ, еслибы Ливонцы добровольно покорились ему. Цѣль была достигнута: взволнованные этою молвою жители, уже тяготившіеся покровительствомъ Польши, вытѣснили королевскіе гарнизоны почти изъ всѣхъ замковъ и городовъ, собрались въ Венденъ, гдѣ былъ Магнусъ, превозгласили его Королемъ и принесли ему присягу на вѣрность.

Въ это самое время войско Московское вторглось въ Ливонію, которую заняло безъ сопротивленія: уже все было подготовлено Магнусомъ. Россіяне

заняли Маріенгаузъ, Розиттенъ (Рѣжицу), Люценъ, Лаудонъ, Динабургъ, Крейцбургъ, всю страну до самаго Ашерада, милостиво обходясь съ жителями. Но, въ Ашерадѣ — гдѣ нашлось множество сбѣжавшагося отвсюду народа — безчеловѣчно умертвили всѣхъ мущинъ взрослыхъ и способныхъ носить оружіе; а женъ и дѣвъ отдали на поруганіе Татарамъ. Изъ подъ Ашерата Іоаннъ пошелъ къ Вендену; но шелъ уже предшествуемый крылатою молвою объ его безчеловѣчныхъ жестокостяхъ и врата этой крѣпости закрылись предъ нимъ. Правда, еще раскрылись онѣ, но мгновенно: вышелъ Магнусъ — покорный упалъ къ стопамъ Царскимъ, умоляя о милосердіи и пощадѣ для невинныхъ жителей Вендена, и — получилъ въ отвѣтъ пощечину. Ливонцы, предвидя судьбу свою, предпочли добровольную смерть подъ развалинами города, взорваннаго порохомъ въ глазахъ Іоанновыхъ. Завладѣвъ Румбергскимъ замкомъ, Іоаннъ владѣлъ уже всею Ливоніею, исключая Риги и Ревеля, да еще нѣсколькихъ сосѣдственныхъ замковъ.

Возвращаясь въ Россію, Іоаннъ послалъ Стефану письмо, въ которомъ выводя свое происхожденіе отъ брата Кесаря Августа какого-то *Пруcса*, будто бы когда-то владѣвшаго Мальборгомъ и Хойницами, доказывалъ посредствомъ этого свои права природныя на Ливонію ([215]).

LXXXVI.

Побѣда была легкая, но не прочная; къ тому же жестокости Царя привели въ ужасъ жителей Ливо-

ніи. Не трудно было завоевать страну, обольщенную Магнусомъ. Любя дѣла великія и славу, но умѣя ждать времени и случая, Баторій, занятый осадою Данцига, какъ бы равнодушно видѣлъ успѣхи Іоанновы въ Ливоніи; безъ сомнѣнія зналъ, что не переговорами, а мечемъ должно рѣшить дѣло; однако писалъ Царю: удивляюсь твоему явному недружелюбію и предлагаю не лить крови, буде еще можно согласить выгоды, честь, безопастность обѣихъ державъ. Послы Стефановы, воеводы Мазовецкій и Минскій, прибывъ въ Москву, въ январѣ 1578 г., торжественно объявили, что Король желаетъ жить въ мирѣ и дружбѣ съ Россіею. Начались переговоры: съ обѣихъ сторонъ предъявили устарѣлыя, прежнія неразрѣшимыя притязанія. Вѣчный миръ опять оказался невозможнымъ; согласились на перемиріе, даже не унявшее и кровопролитія.

Но, обстоятельства уже начали принимать дурной оборотъ къ досадѣ Іоанна и ко вреду Россіи. Въ Эстляндіи и Ливоніи Іоанново войско начало претерпѣвать частыя пораженія, и потеряло тамъ много городовъ, недавно взятыхъ ими. Хотя Король, занятый осадою Данцига, не могъ дѣятельно заняться судьбою Ливоніи; однако, въ этомъ году, успѣлъ по крайней мѣрѣ созвать Литовскую шляхту, надъ которою начальство поручено было Виленскому воеводѣ Николаю Радзивиллу, спасшему Зельбургъ и его окрестности отъ разоренія. Возвращены и Динабургъ и Венденъ. Пишутъ, что Литовцы употребили тутъ хитрость: Борисъ Сава и Вильгельмъ Платеръ, провѣдавъ что гарнизонъ въ Динабургѣ терпитъ недостатокъ въ продовольствіи, какъ

бы изъ человѣколюбія послали Московскимъ воинамъ провизію, а съ нею и бочку вина: разсчитывая, что гарнизонъ изъ радости предастся неумѣренному его потребленію. Дѣйствительно, расчетъ оправдался: ночью Поляки, приставивъ лѣстницы къ окопамъ, безпрепятственно ворвались въ крѣпость, и выгнали изъ нее пьяныхъ воиновъ, не могшихъ защищаться. Венденомъ завладѣлъ Дембинскій съ помощію поддѣльнаго отъ воротъ крѣпости ключа, сообщеннаго ему какимъ то слесаремъ. Ночью, припустивъ фальшивую аттаку съ противуположной стороны, Дембинскій съ другою частію войска вошелъ чрезъ не защищенныя ворота въ крѣпость (216).

Магнусъ уже измѣнилъ Іоанну (217); теперь онъ дѣйствительно подумалъ о мирѣ; послы Московскіе уже были въ Краковѣ съ отвѣтомъ на письмо Баторіево: Іоаннъ желалъ дружелюбно рѣшить распри. Но Баторій, смиривъ Данцигъ, уже готовилъ войну Россіи.

LXXXVII.

Этотъ знаменитый врагъ, изъявляя миролюбіе Россіи, въ тоже время предлагалъ Варшавскому Сейму необходимость утвердить оружіемъ безопасность государства. «Имѣемъ двухъ злыхъ непріятелей» сказалъ онъ Сейму «Крымцы жгутъ, Россіяне берутъ наши владѣнія. Итти ли на обоихъ вмѣстѣ? или съ кого начать?» Уже одно присутствіе великаго мужа воодушевило вельможъ и дворянство ревностію ко благу отечества. Сеймъ рѣшилъ: оста-

вить до времени въ покоѣ Крымцевъ, усмиреніе которыхъ вовлекло бы въ войну съ Султаномъ. «Государство Московское» сказали они «велико и сильно, тѣмъ славнѣе побѣда! Оно цвѣтетъ изобиліемъ природы и торговли: тѣмъ болѣе добычи!» Рѣшили единогласно воевать Россію; велѣли собирать многочисленное войско: обременили неслыханными дотолѣ налогами владѣльцевъ и гражданъ: никто не противился: вооружались и платили. Благоразумный Стефанъ просилъ помощи отъ Султана и Папы, и сыпалъ въ казну собственное серебро и золото. Выслалъ пословъ Іоанновыхъ, Карпова и Головина, пріѣхавшихъ къ нему съ мирною грамотою и отправилъ къ Іоанну письмо краснорѣчивое, сухое, но умное, въ которомъ объявилъ, что идетъ на Россію, и — въ тоже время узнали, что Баторій уже въ ея предѣлахъ ([218]).

Честно объявивъ войну Россіи, Стефанъ повелѣлъ войскамъ собираться въ Свирѣ, куда, прибывъ въ началѣ іюня 1579 г., собралъ военный совѣтъ для обсужденія плана предстоящей компаніи. Литовскіе вельможи предлагали итти на Псковъ чрезъ Ливонію: богатство знаменитаго города обѣщало имъ и славу и добычу, которая могла бы покрыть военныя издержки; далѣе, война происходила бы въ самой землѣ непріятельской, а городъ неукрѣпленный или съ ветхими стѣнами ручался за легкость завоеванія его. Но, Король не находилъ благоразумнымъ провести войско чрезъ Ливонію — страну, разоренную долговременною и жестокою войною — подать этимъ поводъ къ новому вторженію въ нея непріятеля, и сдѣлать ее такимъ образомъ снова театромъ

войны и войны затруднительной, гдѣ непріятель — завладѣвъ нѣсколькими замками которыхъ было тутъ много — затруднилъ бы его осадою ихъ; наконецъ, отдалившись съ войскомъ въ Ливонію, Литовскія владѣнія, особенно приднѣпровскія, оставались бы беззащитными. Правда, былъ и другой путь на Псковъ: мимо Ливоніи, чрезъ земли Московскія; но въ такомъ случаѣ, втылу арміи, оставалось бы много непріятельскихъ крѣпостей, гарнизоны которыхъ затрудняли бы походъ, обезпокоивая стылу; могли бы пресѣчь сообщенія съ страною; недопустить подкрѣпленій, подвоза припасовъ; а въ случаѣ отступленія могли бы сдѣлать его бѣдственнымъ. Напротивъ того, завладѣвъ Полоцкомъ Король надѣялся достигнуть одного и другаго — освободить Ливонію и не удаляться отъ Литвы: Полоцкъ, расположенный надъ Двиною, составлялъ ключь Ливоніи и самой Литвы; что это завоеваніе надежный щитъ для ихъ тѣла, откроетъ имъ Россію, утвердитъ безопасное съ Ригою посредствомъ Двины сообщеніе, доставитъ выгоды и для ратныхъ дѣйствій и для торговли; что̀ Полоцкъ крѣпокъ, но тѣмъ славнѣе, тѣмъ желательнѣе взять его, для одобренія своихъ, для устрашенія непріятеля. Многіе не одобряли этого плана, находя Полоцкъ неприступнымъ, сильно укрѣпленнымъ и природою и искуствомъ; не находили благоразумнымъ подвергать всю компанію опасности нападеніемъ на крѣпость съ сильнымъ гарнизономъ и съ обильными во всемъ запасами; ибо неудачная осада повлекла бы за собою упадокъ духа въ народѣ и войскѣ. Но, Король остался непоколебимымъ. Из-

далъ, 12-го іюля, манифестъ къ войску, въ которомъ подробно изложилъ причины, заставившія его поднять оружіе на Царя Московскаго ([219]); издалъ манифестъ и къ народу Россійскому, объявилъ, что извлекаетъ мечь на Царя Московскаго, а не на мирныхъ жителей, которыхъ будетъ щадить и миловать; что, любя доблесть, гнушается варварствомъ; желаетъ побѣды, а не разоренія, не кровопролитія безполезнаго. Сказалъ и сдѣлалъ: никогда война не была для земледѣльцевъ и гражданъ тише, человѣколюбивѣе этой Баторіевой. Говорилъ какъ христіанинъ, дѣйствовалъ какъ политикъ ([220]).

LXXXVIII.

Отрядивъ впередъ къ Полоцку часть Литовскаго войска подъ начальствомъ Николая Радзивилла и сына его Кристофора и съ ними же еще часть Венгерскаго войска, подъ начальствомъ Каспера Бекеша, — самъ Король выѣхалъ изъ Свира въ Дисну. Войско Стефаново двинулось двумя колоннами: Польскія хоругви, подъ начальствомъ Гетмана Мѣлецкаго, приняли направленіе немного вправо отъ Полоцка, именно туда, гдѣ находились крѣпости Красный, Суша и Туровля, занятыя Россіянами; самъ же Король съ другою колонною шелъ прямо по направленію къ Диснѣ; авангардомъ его командовалъ князь Янушъ Збаражскій, воевода Брацлавскій. Безпрестанные дожди затрудняли до невѣроятности движеніе войска. Король неоднократно посылалъ изъ подъ собственныхъ экипажей лошадей для вытаскиванія орудій и обозныхъ тяжестей

изъ грязи необыкновенно глубокой. Только въ Диснѣ собралось уже все собственно коронное войско, которое во всемъ парадѣ представлено было здѣсь Гетманомъ Королю. Конница, покрытая латами и шлемами, вооружена была кавалерійскими пистолетами. Сюда же прибыли и всѣ остальныя Литовскія хоругви; наконецъ сюда же прибыли Христофоръ Розражевскій и полковникъ Эрнестъ Вейгеръ съ наемными Нѣмецкими воинами, скрытно навербованными въ Германіи. Вообще, войско было такъ стройно и вооружено такъ отлично, что, по сознанію Гетмана Мѣлецкаго, никогда еще подобнаго войска не видала ни Литва, ни Польша. Войско Стефаново подобно Аннибалову, состояло изъ людей чуждыхъ другъ другу языкомъ, обычаемъ, вѣрою: Баторій умѣлъ дать ему единодушіе и соревнованіе. Произвевъ общій смотръ арміи въ Диснѣ, Стефанъ, въ торжественномъ присутствіи войска и Сенаторовъ, принялъ присягу на вѣрноподданство Литвѣ и Польшѣ отъ Герцога Курляндскаго Готарда Кетлера, утвержденнаго имъ потомственнымъ въ этомъ званіи ([221]).

Въ это время, часть Московскаго войска, стоявшаго подъ Псковомъ, вторглась въ Ливонію. Переправившись чрезъ Двину, подъ Кокенгаузеномъ, опустошило Зельбургскій уѣздъ, принадлежавшій Герцогу Курляндскому и вотчину Биржанскую Князя Радзивилла. Для прекращенія подобныхъ опустошеній въ Ливоніи, отправленъ туда съ небольшимъ отрядомъ войска кастеланъ Жмуйдскій Янъ Тальвошъ; а старостѣ Оршанскому Филону Кмитѣ предписано строго наблюдать за движеніемъ не-

пріятеля за Днѣпромъ, чтобы предупредить всякое нападеніе его оттуда на земли Литовскія ([222]).

Междутѣмъ, передовое войско, подъ начальствомъ Виленскаго воеводы, пришло къ Днинѣ, и по наведенному мосту переправилось на другую сторону безъ малѣйшаго препятствія со стороны Россіянъ, остававшихся, по непонятной причинѣ, въ бездѣйствіи при этомъ важномъ случаѣ. Страна была дика и пустынна: еще недавно населенная и обработанная, теперь являла она собою печальную картину запустѣнія, сплошную массу лѣса, поднявшагося на поляхъ и нивахъ со времени взятія Полоцка Іоанномъ. Впереди шли съ топорами отряды Венгровъ, просѣкавшихъ дороги для войска ([223]).

Наконецъ, Радзивиллъ сталъ въ виду Полоцка. По пути къ нему Венгры и Поляки завладѣли Ситною крѣпостью на Псковской дорогѣ; а Казаки, подъ начальствомъ Франца Суки, взяли приступомъ замки Красный и Козьянъ. Самъ Король, послѣ выступленія изъ Дисны, на третій день былъ уже подъ Полоцкомъ, оставивъ влѣво Соколъ, осадою котораго не желалъ въ то время затрудняться. Россіяне, желая устрашить Короля и войско, безжалостно умертвили Поляковъ и Литовцевъ, уже давно томившихся у нихъ въ неволѣ, и, привязавъ тѣла несчастныхъ къ бревнамъ, пустили ихъ по Двинѣ — расчетъ неблагоразумный, возбудившій не страхъ, но лишь жажду мести въ непріятелѣ. Король, переодѣвшись частнымъ лицомъ, выѣхалъ въ сопровожденіи Замойскаго и Бекеша, изъ стана для осмотра города и избранія мѣста для нападенія. Но, кажется, былъ примѣченъ: пущенное изъ крѣ-

пости ядро на-волосъ не попало въ него, убивъ лошадь подъ Замойскимъ, подвинувшимся на одинъ шагъ вслѣдъ за Королемъ.

LXXXIX.

Полоцкъ издревле славился своими укрѣпленіями, исправленными и распространенными въ 1561 г. Двѣ крѣпости или замка: верхній или острогъ и нижній или стрѣлецкій, обтекаемые Полотою и Двиною, соединенные мостомъ, воздвигнутые на крутыхъ высотахъ, служили защитою большому городу, сверхъ его глубокихъ рвовъ, деревянныхъ стѣнъ и башенъ. Такимъ образомъ, въ то время Полоцкъ состоялъ изъ трехъ частей: двухъ замковъ и Заполотья т. е. самаго города. Князь Василій Телятевскій начальствовалъ въ городѣ, Петръ Волынскій въ Острогѣ, Князь Димитрій Щербатый и дьякъ Вревскій въ стрѣлецкой крѣпости, имѣя довольно запасовъ и снарядовъ, много усердія и мужества, гораздо менѣе искусства, какъ сказано въ Разрядныхъ книгахъ (224).

Король нашелъ необходимымъ начать осаду со стороны верхняго замка, какъ самаго крѣпкаго и составлявшаго ключь всей позиціи; завладѣвъ имъ — крѣпость и городъ не могли бы уже защищаться. Занятіе Заполотья — слабѣйшей части Полоцка, не обѣщало никакихъ выгодъ; къ тому же Полота затрудняла подступъ. Замойскій придерживался мнѣнія Короля; но, Бекешь предлагалъ начать осаду именно съ этой части города; она первая начала высылать войска противъ осаждающихъ, она же

первая должно быть и взята; а если бы непріятель ушелъ оттуда въ верхній замокъ, то пострадалъ бы онъ тамъ уже отъ самой тѣсноты; къ тому же чрезъ Полоту, какъ она была въ то время, легко было перебродиться и пѣшему. Когда такимъ образомъ разсуждали, Нѣмецкіе воины — только что прибывшіе, не ожидая предварительныхъ распоряженій, переправившись чрезъ Полоту — шумно заняли мѣсто впереди обоихъ замковъ, и расположились лагеремъ. Король опасаясь, чтобы изъ соперничества между воинами различныхъ націй, составлявшихъ его войско, не возникли раздоры, согласился начать осаду съ той стороны, гдѣ расположился Бекешь съ Венграми.

Порядокъ въ расположеніи осаднаго войска былъ слѣдующій: Венгры стояли лагеремъ надъ самою Двиною, противу Заполотья; вдоль праваго берега Полоты расположено было Литовское войско, подъ начальствомъ Николая Радзивилла и сына его Кристофора; за Полотою, между ею и озеромъ, находился обозъ Королевскій, стройно расположенный. Тутъ были сенаторы, дворъ королевскій и большая часть Польской конницы. Среди королевскаго обоза тянулись тремя правильными рядами шатры сенаторовъ, которыхъ близость къ королевской палаткѣ соразмѣрялась съ мѣстомъ, занимаемымъ каждымъ въ сенатѣ.

XC.

Осада началась въ началѣ августа со стороны Заполотья; Россіяне не надѣясь удержаться въ этой

части города, зажгли ее и удалились въ верхній замокъ. Осаждающій довелъ подкопы уже до самой Полоты, дѣйствуя въ тоже время изъ орудій по стѣнамъ крѣпости и замка.

Но, осада дѣйствительно оказалась невѣроятно трудною. Отъ безпрестанно лившихъ дождей нельзя было найти сухаго мѣста даже въ королевской палаткѣ, рѣка Полота сдѣлалась необыкновенно глубокою; подкопы затопились, залились водою; каленыя ядра (225) дурно дѣйствовали на относительно тонкія деревянныя стѣны замка, не останавливаясь въ нихъ, но пробивая на вылетъ; обозы съ хлѣбомъ тонули въ грязи, лошади падали отъ изнуренія и голода, и самое войско чувствовало недостатокъ въ продовольствіи, добываемомъ изъ за пятидесяти и болѣе миль — и Іоаннъ не воспользовался подобными обстоятельствами, при которыхъ можно было бы еще спасти осажденный городъ.

Кромѣ войскъ, отряженныхъ Іоанномъ въ Курляндію для безопаснаго губительства, въ Корелію и землю Ижерскую, Іоаннъ имѣлъ еще столько войска, что могъ бы смѣло итти на Вильну и Варшаву. Встревоженный извѣстіемъ о нечаянной осадѣ Полоцка, онъ велѣлъ Шеину, Князьямъ Лыкову и Палѣцкому, Кривоборскому съ дружинами Дѣтей Боярскихъ и Донскихъ казаковъ спѣшить къ этому городу, вступить въ него хитростію или силою; а въ случаѣ невозможности, занять крѣпость Соколъ, тревожить непріятеля, мѣшать его сообщенію съ Литвою, въ ожиданіи прибытія главной Московской рати. Шеинъ приблизился къ Баторіеву стану: не дерзнулъ на битву и занялъ Соколъ, распустивъ

слухъ, что самъ Іоаннъ будетъ тамъ скоро съ войскомъ сильнымъ. Но Король не устрашился, чувствовалъ единственно необходимость рѣшить судьбу осады.

Видя слабое дѣйствіе бойницъ, Король предложилъ удальцамъ взойти на высоту крѣпости и зажечь ея стѣну, обѣщая имъ славу и золото. Долго трудились надъ этимъ охотники изъ Венгровъ, Литовцевъ и Поляковъ. Наконецъ, для успѣха ихъ смѣлости, какъ бы нарочно, сдѣлалось ясное сухое время: съ пылающими факелами устремились они къ стѣнамъ... многіе пали мертвые, нѣкоторые достигли цѣли и... вскорѣ вспыхнула незначительная часть стѣны, которая горѣла весь день и ночь, не смотря на усилія Россіянъ потушить пожаръ. Сдѣлался какъ бы проломъ въ стѣнѣ.

Давно уже древній Полоцкъ славился изобиліемъ торговымъ, сокровищами несмѣтными своихъ храмовъ. Далеко слылъ этимъ Полоцкъ, зналъ объ этомъ непріятель, рѣшившійся — во чтобы то ни стало — взять городъ приступомъ, дабы только имѣть право на разграбленіе его. Венгры — жадность которыхъ изощрена была этимъ вособенности — тайно отъ Короля и начальниковъ, условились между собою въ эту же ночь ворваться въ городъ чрезъ отверстіе, еще пылавшее. Дѣйствительно, задумано и сдѣлано. Въ полночь — коль скоро все улеглось и успокоилось въ осадномъ станѣ — Венгры поднялись, подкрались и бросились чрезъ пылающее отверстіе въ замокъ и — сверхъ чаянія — встрѣчены были ужаснымъ залпомъ изъ орудій: Россіяне — какъ бы предвидя это нападеніе

со стороны настойчиваго и смѣлаго врага — поспѣшно соорудили баттарею противъ горѣвшаго отверстія. Среди ночи сдѣлалась всеобщая тревога. Осыпаемые ядрами и головнями, Венгры, сквозь огонь пылавшихъ стѣнъ ломились и — вломились въ крѣпость; но Россіяне отчаянно стали грудью, рѣзались, вытѣснили непріятеля: онъ возвратился усиленный толпами Нѣмцевъ, Поляковъ, и снова уступилъ остервененію и отчаянію Россіянъ.

Самъ Король, забывъ личную опасность, находился въ этой кровопролитной битвѣ, чтобы возстановить порядокъ, удержать, соединить отступавшихъ. Часъ былъ рѣшительный. Если бы Шеинъ, Князь Лыковъ, Палѣцкій ударили на нихъ, то могли бы спасти крѣпость и честь Россіи. Они видѣли пожаръ, слышали самую битву, громкій кликъ осажденныхъ — побѣдителей въ эту минуту, кликъ призывный къ своимъ братьямъ Сокольскимъ. Но прозорливый Баторій занялъ дорогу, выслалъ свѣжее войско къ Дриссѣ, чтобы остановить Россіянъ въ случаѣ ихъ движенія къ Полоцку. Въ тоже время Донскіе Казаки измѣнили Московскимъ воеводамъ въ Соколѣ: самовольно ушли во свояси, къ извиненію Шеина и его товарищей. Стефанъ ждалъ весь день, всю ночь опаснаго ихъ нападенія; успокоился и спѣшилъ загладить неудачу.

Отбивъ приступъ, Россіяне угасили пожаръ въ крѣпости: непріятель сдѣлалъ новыя бойницы, новые окопы, приблизился къ стѣнамъ, отчасти уже разрушеннымъ, и калеными ядрами опять зажегъ башни. Еще нѣсколько дней упорствовали осажденные; едва могли дышать отъ дыма и жара; падали

отъ ядеръ Литовскихъ, отъ усталости, непрестанно гася огонь; ждали помощи, освобожденія; наконецъ, утративъ надежду и бодрость, просили переговоровъ. Сперва Воеводы и Архіепископъ Кипріанъ не хотѣли о томъ слышать, говоря: «Страшимся не злобы Стефановой, но гнѣва Царскаго!» Въ отчаяніи великодушномъ они думали взорвать крѣпость, чтобы погребсти себя въ ея развалинахъ. Но слабый духомъ Петръ Волынскій и Стрѣльцы не дали имъ исполнить этого намѣренія ([226]), и предложили условія Стефану, который — изъ уваженія ли къ оказанной ими храбрости, или не желая длить время — согласился отпустить и сановниковъ и рядовыхъ въ Россію съ семействами, съ имуществомъ; а желающимъ вступить къ нему въ службу обѣщалъ великія милости. Воеводы, не хотѣвъ участвовать въ этомъ договорѣ, заперлись вмѣстѣ съ Архіепископомъ въ древней церкви Софійской, откуда силою извлекли и представили ихъ Баторію, смиренныхъ безъ уничиженія. Историкъ-очевидецъ пишетъ, что Россіяне живо чувствуя великодушіе и человѣколюбіе Короля, никакъ однакожь не захотѣли служить ему; что почти всѣ, ожидая не минуемой казни отъ гнѣва Царя, съ твердостію шли на оную и не внимали льстивымъ обѣщаніямъ Стефановымъ — «доказательство удивительное любви къ отечеству!» прибавляетъ этотъ историкъ. Велѣвъ очистить крѣпость, наполненную трупами, Король въѣхалъ въ нее торжественно; объявилъ Полоцкъ Литовскимъ воеводствомъ ([227]).

XCI.

Такъ палъ знаменитый Полоцкъ, и этотъ древній городъ, удѣлъ племени Владимірова и Рогнѣдина, легко взятый, безславно утраченный Іоанномъ, бывъ восемнадцать лѣтъ областію Государства Московскаго, сдѣлался вновь собственностію Литвы до царствованія Екатерины второй.

Не легко обошлось завоеваніе Полоцка, трудности осады были неимовѣрны. Осажденные явили удивительную отвагу: бревнами и каменьями, которыхъ у нихъ вездѣ было множество, жестоко разили со стѣнъ врага, отважившагося къ нимъ приблизиться. Съ изумительнымъ безстрашіемъ тушили пожары: воины и жители — безъ различія пола и возраста — стекались туда отовсюду, не смотря на то, что осаждающій сосредоточивалъ въ тѣ мѣста губительный огонь своихъ орудій, причемъ вособенности гибло множество народа. Въ виду врага сильнаго и искуснаго спускались по веревкамъ со стѣнъ крѣпости за водою и подавали ее въ сосудахъ въ крѣпость, гдѣ заливали ею огонь; и хотя же смѣлые почти неизбѣжно платили жизнію за подвигъ самоотверженія, но каждый разъ также живые заступали мѣсто мертвыхъ. Вособенности затруднителенъ былъ подвозъ провіанта, о подвозѣ котораго изъ Вильны, за 50 миль, нечего было и думать. Пріобрѣтеніе его возможно было только со стороны Дисны; но весь край, болѣе нежели на 50 верстъ во всѣ стороны отъ Полоцка, представлялъ печальный видъ разоренія, сплошную лѣсистую

пустыню на мѣстахъ, нѣкогда обработанныхъ. Къ тому же, подвозу его сверху и снизу по Двинѣ много препятствовали Московскіе гарнизоны замковъ Туровли и Суши; а съ четвертой стороны, страна къ Пскову и Лукамъ, тоже представляла болѣе нежели на 25 миль сплошную пустыню лѣсовъ, возникшихъ со времени покоренія Іоанномъ Полоцка. Наконецъ, ко всему этому присоединилось необыкновенно дождливое время: дороги стали непроходимыми, Полота сдѣлалась необыкновенно широкою и глубокою, и все огромное пространство вокругъ Полоцка покрыто было остовами гніющихъ лошадей, павшихъ отъ голода и изнурительной, превышавшей силы ихъ работы. Цѣны на съѣстные припасы и фуражъ, возвышаясь постепенно, достигли необыкновеннаго размѣра: за корецъ (40 гарцевъ) овса платили по 10 талеровъ и еще достать его было невозможно. Каленыя ядра, рѣшавшія въ то время судьбу осады крѣпостей, преимущественно деревянныхъ, не производили ожидаемаго дѣйствія на относительно тонкія Полоцкаго замка стѣны, пробиваемыя ими на вылетъ. Едва наконецъ удалось охотникамъ, вызваннымъ за огромныя награды, зажечь замковую стѣну факелами ([228]).

Король явилъ себя милостивымъ и великодушнымъ къ побѣжденнымъ. Назначилъ отряды для прикрытія Россіянъ, оставлявшихъ замокъ, для защиты ихъ на случай какого либо нападенія со стороны озлобленныхъ на нихъ Венгровъ и Нѣмцевъ. Выходящимъ Россіянамъ указаны два пути: одинъ велъ въ службу Королевскую, другой — въ отече-

ство; избрать одинъ изъ нихъ зависѣло отъ доброй воли каждаго, никто не замѣтилъ и тѣни принужденія. Но — не смотря на все уваженіе къ геройскимъ доблестямъ Стефановымъ, не смотря на всю милость имъ оказанную и благодарность за нее ими живо чувствуемую — къ чести Россіянъ, почти всѣ они пожелали возвратиться въ отечессво; хотя и знали, что тамъ ожидаетъ ихъ казнь и муки. Самъ Король лично наблюдалъ за тѣмъ, чтобы плѣнные Россіяне не потерпѣли какихъ либо обидъ отъ его воиновъ; замѣтивъ, что одинъ воинъ началъ грабить выходившихъ изъ крѣпости, самъ Стефанъ ударилъ невеликодушнаго булавою — обстоятельство снискавшее ему величайшую любовь и удивленіе со стороны Россіянъ. Впрочемъ, Король не безъ основанія принималъ подобныя предосторожности: войско его готовило месть Россіянамъ за умерщвленіе и безчеловѣчное истязаніе плѣнныхъ, Нѣмцевъ вособенности.

XCII.

По выступленіи гарнизона, началось разграбленіе Полоцка. Давно уже древній городъ слылъ богатствомъ жителей и несмѣтными сокровищами храма Софійскаго: богатство ризъ его иконъ изъ серебра и золота, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями, раздражало алчность осаждающихъ, Венгровъ вособенности. Потому-то, они — во чтобы ни стало — старались завладѣть замкомъ штурмомъ, чтобы только имѣть право на разграбленіе его. Не давали пощады добровольно сдававшимся, дабы тѣмъ

устрашить осажденныхъ и заставить ихъ, покинувъ всякую мысль добровольной сдачи, защищаться до послѣдняго часа. Но, къ великому ихъ прискорбію, добыча далеко не соотвѣтствовала ожиданіямъ, такъ сильно и такъ долго изощрявшимъ ихъ алчность. Всѣ сокровища уже давно вывезены были въ Россію. Зато, съ тѣмъ большимъ неистовствомъ войско предавалось грабежу: все, чего только нельзя было взять съ собою, воины рвали, били, жгли и ломали. Но всего прискорбнѣе то, что во время этого разграбленія погибло богатѣйшее книгохранилище, содержавшее въ себѣ драгоцѣнныя лѣтописи и рукописныя писанія Св. отецъ, переведенныя съ Греческаго, какъ говорятъ, сс. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Какая участь постигла эти сокровища письменности, кто завладѣлъ ими и куда они дѣвались? Нѣкоторые полагаютъ, что въ это же время погибъ и подлинникъ Кривско-Полоцкой лѣтописи едва ли кому извѣстной (229).

Отъ дѣлъ военныхъ Король обратилъ вниманіе на дѣла гражданскія и вѣры. Сколько по великодушію, столько же изъ расчетовъ политики, имѣя въ виду дальнѣйшія завоеванія, Стефанъ, не только ни въ чемъ не стѣснялъ жителей православнаго закона; напротивъ, грамотою увѣрилъ народъ и духовенство въ неизмѣнномъ своемъ для нихъ покровительствѣ. Витебскій владыка остался по прежнему и Полоцкимъ. Для католиковъ же повелѣлъ строить огромную великолѣпную церковь, которую отдалъ своимъ любимцамъ іезуитамъ, обязаннымъ прежде всего стараться объ улучшеніи нравовъ жителей, у которыхъ необыкновенное суевѣріе соединялось съ

распутствомъ — слѣдствіе злосчастной судьбы этого края. Укрѣпленія Полоцка возобновлены по собственному Стефанову плану. Возстановилъ въ лицѣ Николая Дорогостайскаго должность Полоцкаго воеводы, которая, со времени покоренія Полоцка Іоанномъ, относясь къ незначительному Задвинскому пространству, существовала болѣе по имени, нежели на дѣлѣ. Хотя же, еще Сигизмундъ-Августъ надѣлилъ шляхту, лишившуюся съ паденіемъ Полоцка своихъ имѣній, помѣстьями въ другихъ областяхъ до времени обратнаго возвращенія Полоцка; совсѣмъ тѣмъ великодушный Король, возвращая имъ прежнее достояніе, продлилъ срокъ владѣнія другими еще на шесть лѣтъ, въ теченіе которыхъ они обязаны были привести въ порядокъ и устроить собственныя.

XCIII.

Для окончательнаго покоренія страны оставалось еще завладѣть сосѣдственными съ Полоцкомъ замками: Соколомъ, Туровлею и Сушею, изъ которыхъ первые два вособенности безпокоили Короля. Соколъ лежалъ на пути къ Пскову, откуда могъ быть подкрѣпляемъ постоянно. Владѣя же Туровлею, расположенною надъ Двиною, Россіяне могли громить окрестную страну. Къ Соколу отправленъ гетманъ Мѣлецкій съ Польскою пѣхотою и конницею и наемными Нѣмцами; къ Туровлѣ Староста Ульмскій Лукомскій и Мартинъ Куржъ съ казаками. Туровлею завладѣли безъ выстрѣла: уже нѣсколько дней какъ замолкли пушки подъ Полоц-

комъ и гарнизонъ догадывался объ участи, постигшей его; потому, коль скоро завидѣлъ приближающихся казаковъ, гарнизонъ объятый паническимъ страхомъ, поспѣшно удалился изъ крѣпости противуположными воротами, оставивъ на произволъ судьбы воеводъ своихъ, не могшихъ удержать воиновъ отъ постыднаго поступка. Теперь оставалось лишь завладѣть Соколомъ: съ паденіемъ его Суша, послѣдняя бывшая во власти Россіянъ крѣпость, оставшись одна на землѣ Литовской, принуждена была бы покориться добровольно.

Междутѣмъ Мѣлецкій шелъ съ войскомъ къ Соколу походомъ тягостнымъ, по причинѣ дурныхъ дорогъ и трудности подвоза продовольствія. Артиллерію Король послалъ Двиною до самой Дриссы, откуда по рѣкѣ Дриссѣ ее тянули вверхъ до самого Сокола. На плотахъ, изъ крѣпкихъ брусьевъ, осадное войско въ виду крѣпости переправилось чрезъ Дриссу и облегло Соколъ. Что же Россіяне? Ни малѣйшаго движенія чтобы воспрепятствовать этому; они ограничились лишь посылкою нѣсколькихъ конныхъ отрядовъ, которые, показываясь изрѣдка въ отдаленіи, думали устрашить непріятеля великимъ воплями и крикомъ. Ко всему этому Сокольскій гарнизонъ присоединилъ и удивительную оплошность: превосходя непріятеля числомъ, зная объ его усталости и претерпѣваемомъ имъ во всемъ лишеніи отъ недостатка лошадей, не напалъ на него вдругъ, но отложилъ вылазку до слѣдующаго дня; междутѣмъ какъ осаждающій, не теряя ни минуты времени, безнаказанно приближался подкопами уже къ самой крѣпости. Московскіе воеводы надѣялись

провести ночь спокойно; случилось иначе. Начальникъ осадной артиллеріи Доброславскій, желая лишь только для примѣра испытать дѣйствіе каленыхъ ядеръ на сосновыя сухія крѣпостныя стѣны, пустилъ въ нихъ три ядра: показался дымъ и стѣна загорѣлась; но мѣста первыхъ двухъ ядеръ, попавшихъ довольно высоко, были замѣчаны гарнизономъ и пожаръ потушенъ; междутѣмъ какъ третіе, завязшее при самомъ основаніи, осталось не замѣченнымъ, и вскорѣ стѣна вспыхнула пламенемъ, распространившимся во всѣ стороны. Гетманъ, на всякій случай, чтобы только имѣть войско въ готовности, велѣлъ протрубить тревогу; но гарнизонъ, уже смятенный пожаромъ, принявъ это за сигналъ къ штурму, началъ уходить всѣми воротами изъ замка. Шереметевъ, замысливъ съ частью конницы бѣжать въ Псковъ, попался въ плѣнъ со всѣмъ отрядомъ князю Збаражскому. Бѣжавшіе съ другой стороны съ Шеиномъ наткнулись на Нѣмцевъ, которые будучи озлоблены на Россіянъ за истязанія Нѣмецкихъ плѣнныхъ въ Полоцкѣ, изрубили всѣхъ до единаго. Оставшіеся въ замкѣ просили пощады; но когда изступленные Нѣмцы, ворвавшись въ него, начали безчеловѣчно убивать всѣхъ безъ различія, то, движимые отчаянною рѣшимостію, Россіяне опустили желѣзную рѣшетку надъ воротами, и такимъ образомъ пресѣкли всякую возможность къ отступленію, какъ самимъ себѣ такъ и врагу невеликодушному. Началась ужасная рѣзня, среди ночи, пламени и дыма и — 500 Нѣмцевъ погибло почти въ одно мгновеніе. Междутѣмъ, Поляки разломавъ рѣшетку, ворвались въ крѣпость:

часть ея защитниковъ погибла въ рукопашной битвѣ, часть — въ пламени и дымѣ, остальные спаслись плѣномъ. Ничего не могло быть ужаснѣе этой битвы: крѣпостная площадь представляла возмущающую груду тѣлъ воиновъ обѣихъ сторонъ, столпившихся для послѣдняго боя на этомъ небольшомъ пространствѣ.

Московское войско, узнавъ о паденіи Полоцка и гибели гарнизона въ Соколѣ, отошло отъ Пскова въ глубину Россіи. Іоаннъ послалъ къ воеводамъ въ Сушѣ письма, въ которыхъ, оставивъ обычную свою суровость, писалъ имъ: такъ какъ съ паденіемъ, по неисповѣдимой волѣ Всевышняго, Полоцка и Сокола, они остаются теперь безъ всякой надежды на помощь и окружены со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, то — не желая подвергать мужества ихъ безполезному испытанію — приказываетъ имъ, уничтоживъ всѣ военные снаряды и закопавъ святыя иконы въ землю, чтобы надъ ними не издѣвались еретики, стараться какъ можно поспѣшнѣе возвратиться въ отечество; не потому, чтобы онъ сомнѣвался въ ихъ преданности и мужествѣ, не потому, что не желаетъ ставить ихъ участь въ зависимость отъ слѣпаго счастія, а жизнь ихъ на жертву врагу жестокому. По несчастію, письма перехвачены и Мѣлецкій, не медля ни сколько, предложилъ гарнизону сдаться: обезоруженные воины получили позволеніе возвратиться въ отечество.

XCIV.

Въ это время Россія не была спокойна и съ другихъ сторонъ: князь Константинъ Острожскій съ своимъ сыномъ и Михайлою Вишневецкимъ опустошили Сѣверскую область до Стародуба и Почепа; а Оршанскій староста Филонъ Кмита разорялъ Смоленскій край, гдѣ обратилъ въ пепелъ болѣе 2000 дворовъ мирныхъ земледѣльцевъ.

Распорядившись всѣмъ лично, расположивъ войско на зимнихъ квартирахъ, Король выѣхалъ въ Дисну, куда имѣя въ виду будущую компанію, велѣлъ свозить артиллерію. Отсюда написалъ къ Царю письмо, извѣщая его объ успѣхахъ, увѣнчавшихъ его оружіе въ войнѣ, которой и причину и бѣдствія Король приписывалъ единственно Іоанну, его страсти къ войнѣ и кровопролитію и обидамъ ему нанесеннымъ. Изъ Дисны Стефанъ отплылъ Двиною въ Друю и оттуда сухопутью прибылъ въ Вильну, гдѣ былъ встрѣченъ съ тріумфомъ; а въ концѣ этого года, уже въ Варшавѣ, во время сейма, получилъ извѣстіе о покореніи Нещерды, послѣдняго замка, тоже близь Полоцка.

XCV.

Теперь Іоаннъ непритворно желалъ мира, оба Государя размѣнялись гонцами и Баторій для заключенія мира назначилъ только пять недѣль сроку. Уже знатные сановники царскіе, Стольникъ Иванъ Сицкій, Думный Дворянинъ Пивовъ и Дьякъ Пете-

линъ ѣхали въ Вильну, когда узнали въ Москвѣ, что Баторій идетъ войною на Россію. «Назначенный срокъ минулъ» писалъ онъ къ Царю «ты долженъ отдать Литвѣ Новгородъ, Псковъ и Луки со всѣми областями Витебскими и Полоцкими, также всю Ливонію, если желаешь мира.» Такъ началась вторая война Баторія съ Іоанномъ. Непріятель шелъ болотами и лѣсами дремучими, гдѣ 150 лѣтъ не ходило войско; гдѣ только Витовъ, въ 1428 г., умѣлъ открыть себѣ путь къ областямъ Новгородскимъ и гдѣ нѣкоторыя мѣста еще назывались его именемъ (230). Баторій, подобно Витовту, просѣкалъ лѣса, дѣлалъ гати, мосты, плоты; сражался съ неимовѣрными трудностями.

XCVI.

Замышляя походъ на Великія Луки, Король приказалъ войскамъ собираться въ Чашники (231), расположенныя надъ р. Уллою, находящіяся въ одинаково равномъ разстояніи какъ отъ Великихъ Лукъ, такъ и отъ Смоленска; а потому, въ Москвѣ находились въ недоумѣніи на счетъ намѣреній Стефановыхъ.

Оба Государя обмѣнивались гонцами; Іоаннъ убѣждалъ Стефана не начинать военныхъ дѣйствій, изъявлялъ готовность на миръ, для заключенія котораго Царь рѣшался, даже вопреки принятому и освященному временемъ обычаю между обоими дворами, прислать своихъ пословъ въ Вильну, вмѣсто того, чтобы ожидать королевскихъ въ Москву, куда Король, ни подъ какимъ видомъ, не соглашался по-

слать своихъ, такъ какъ онѣ видѣли только однѣ оскорбленія со стороны Іоанна. Но Стефанъ, не вѣря искренности Іоанновой и хорошо понимая, что завязывая переговоры, онъ желаетъ лишь этимъ выиграть время, отвѣчалъ разъ на всегда: приму пословъ тамъ, гдѣ они встрѣтятъ меня.

Въ Чашникахъ Король собралъ военный совѣтъ. Мнѣнія раздѣлились на три: одни предлагали Псковъ, другіе Смоленскъ, третіе Великія Луки. Доказательства въ пользу и противъ перваго мнѣнія были тѣже, что̀ и въ прошедшемъ году. Въ пользу втораго представляли славу завоеванія многолюднаго и сильнаго города; къ тому же справедливымъ находили возвратить то, что̀ было отнято и, наконецъ, что съ паденіемъ Смоленска покорилась бы и вся обширная земля Сѣверская. Предлагавшіе Великія Луки возражали, что походъ на Смоленскъ отдалилъ бы армію и отъ Двины и отъ Ливоніи, обладаніе которой было цѣлію настоящей войны; что нѣтъ никакого сравненія между многолюдной Ливоніей и относительно пустынной землей Сѣверской, что̀ лучше владѣть первой, приближенной къ морю, примыкающей къ образованному западу и потому представляющей по своему географическому положенію столько выгодъ для мореплаванія и торговли; — нежели второй, лишенной всѣхъ этихъ выгодъ. Наконецъ, завладѣніе Великими Луками въ стратегическомъ отношеніи представляло еще ту выгоду, что отъ этого открылась бы свобода для дѣйствій на всѣ стороны противъ непріятеля, опустошать его владѣнія и — какъ разстояніе ихъ равно одинаково отъ Смоленска и Пскова, то — наступательныя

дѣйствія его могли бы быть предупреждены: захотѣлъ ли бы онъ чрезъ Смоленскъ вторгнуться въ Литву, или чрезъ Псковъ въ Ливонію. Склоняясь къ послѣднему мнѣнію, но удерживая его при себѣ втайнѣ, Король стягивалъ войска къ Чашникамъ; въ письмахъ же къ Царю титуловалъ себя Смоленскимъ, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ намѣревался возвратить этотъ городъ Польшѣ. Предъ выступленіемъ въ походъ, Король произвелъ общій смотръ войску, которое — дефилируя небольшими отрядами и хоругвями, и проходя вытянутымъ строемъ чрезъ узкій мостъ — явило великолѣпное зрѣлище. Историкъ Стефановъ съ пышнымъ краснорѣчіемъ восхваляетъ его войско, въ которомъ, не только молодые люди знаменитаго происхожденія, но даже Сенаторы, уже убѣленные сѣдинами и государственные сановники, уже давно оставившіе военное поприще, увлеченные славою на концѣ дней своихъ снова стали подъ знаменами Марса, и служили въ конницѣ на ряду съ простыми всадниками. Если вѣрить Стрыйковскому, то всего войска у Стефана было 50,000. Не смотря еще на два письма Іоанновы, содержанія подобнаго прежнимъ, Король — осмотрѣвъ Улу и Леппель — приказалъ войскамъ походъ къ Витебску.

XCVII.

Велижъ надъ Двиною и Усвяты надъ рѣкою и озеромъ того же имени были первые укрѣпленные замки, лежавшіе на избранномъ пути Стефаномъ. Рѣшившись владѣть всѣмъ теченіемъ Двины, Ко-

роль послалъ къ Велижу Замойскаго съ Поляками, присоединивъ къ нему часть Венгровъ и Нѣмцевъ, подъ начальствомъ Надворнаго Маршала Короля Датскаго Юрія Фаренсбаха, прибывшаго къ Стефану отъ своего Короля. Отправивъ изъ Витебска артиллерію и большую часть обозныхъ тяжестей Двиною, раздѣливъ войско на три отряда, Замойскій пошелъ къ *Сурожу*, въ самое лучшее время, къ концу лѣта и началу осени, когда поля мирныхъ земледѣльцевъ красовались уже золотистою жатвою, которую, въ этомъ злосчастномъ краѣ — вѣковомъ ратномъ полѣ — не всегда пожиналъ тотъ, кто бросалъ сѣмена въ землю. Переправившись по наведенному мосту чрезъ р. Касплю войско благополучно достигло Сурожа. То былъ послѣдній пограничный замокъ Литовскій, построенный въ царствованіе Сигизмунда Августа, Витебскимъ воеводою княземъ Стефаномъ Збаражскимъ дабы воспрепятствовать Россіянамъ завладѣть устьями рѣкъ Касплы и Усвяты, впадающихъ въ Двину. За Сурожомъ страна, на нѣсколько миль, лежала подъ темными сосновыми лѣсами, поднявшимися на поляхъ по волѣ Россіянъ, любившихъ въ то время такимъ образомъ обеспечивать свои предѣлы и окружать пограничныя крѣпости подобными пустынями. Изъ Сурожа предлежало два пути къ Велижу: одинъ за Двиною — онъ заставилъ бы войско переправляться чрезъ нее подъ самымъ Велижемъ; другой чрезъ темный, густой сосновый лѣсъ. Замойскій избралъ послѣдній: впереди пошли рабочія команды, рубившія просѣку для войска — работа, сопряженная съ неимовѣрными трудностями: нужно было срублен-

ный, уже толстоствольный, лѣсъ еще оттаскивать всторону; еще быть можетъ труднѣе было гатить болота и пропасти фашиною, вести дорогу чрезъ топи, строить длинные мосты и дѣлать безконечные накаты. При всемъ томъ, войско въ первый день прошло пять миль; во второй же, встрѣтивъ отъ деревни Верховья огромное болото, прошло только двѣ съ половиной мили; но на третій день явились еще новыя препятствія, увеличивавшіяся по мѣрѣ приближенія къ Велижу: въ лѣсахъ были безконечные завалы и засѣки, такъ что трудно было пройти и пѣшему человѣку. Едва уже къ ночи войско успѣло выбраться изъ лѣса въ виду самаго Велижа, гарнизонъ котораго, впустивъ жителей въ замокъ, привѣтствовалъ непріятеля пожаромъ города.

Въ то время Велижъ былъ довольно обширнымъ замкомъ, съ девятью башнями, обнесенный высокою и толстою деревянною стѣною, съ востока и юга обтекаемый Двиною, съ прочихъ сторонъ защищенный глубокими рвами. Въ иное время, раньше, замокъ могъ бы съ успѣхомъ выдержать долговременную осаду; но теперь, весь построенный изъ дерева могъ ли устоять противъ артиллеріи, употреблявшай каленыя ядра? Хотя же, со времени взятія Стефаномъ Полоцка, Русскимъ и не было безъизвѣстно разрушительное дѣйствіе ихъ и гарнизонъ Велижа, съ намѣреніемъ противодѣйствовать ему, даже обложилъ деревянныя замковыя стѣны дерномъ; но исполнилъ это такъ дурно и такъ не искусно, что этимъ лишь ускорилъ гибель свою. Дерновый слой былъ такой посредственной

толщины, что ядра — потерявъ въ немъ часть силы отъ этого уже не пробивали самой стѣны, но — останавливаясь въ самой срединѣ ея толщи оказывали еще болѣе разрушительное на нихъ дѣйствіе; междутѣмъ какъ возможность тушенія огня уменьшилась. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ каленьми ядрами въ двухъ башняхъ показался дымъ, вспыхнулъ огонь и гарнизону не оставалось ничего болѣе, какъ только покориться и сдать крѣпость, которая почти неповрежденная, съ значительными запасами снарядовъ и провіанта, досталась непріятелю.

XCVIII.

Новый гонецъ Царскій нашелъ Стефана въ Витебскѣ. Іоаннъ, извѣщая о выѣздѣ своихъ пословъ, просилъ увѣдомить его объ условіяхъ возможнаго мира, вывести войска изъ предѣловъ Московскаго государства и взаключеніе, приводя тексты изъ священнаго писанія, убѣждалъ Стефана оставить свое упрямство. Послѣ прежнихъ, ни къ чему ни привевшихъ переговоровъ, Баторій отвѣчалъ на это приказомъ войску: переправиться чрезъ Двину по тремъ наведеннымъ мостамъ, въ виду гонца Царскаго.

Походъ на Великія Луки былъ затруднителенъ чрезъ страну, которая, начиная отъ предѣловъ Литовскихъ, покрыта была на 30 миль лѣсомъ и болотами. Усваты покорились Стефану безъ сопротивленія, да и что могъ бы сдѣлать ея слабый, не многочисленный гарнизонъ арміи, предводимой са-

мимъ Королемъ? отъ Усвятъ Баторій шелъ къ Лукамъ, встрѣчая на пути тѣже препятствія, что и прежде: лѣса, болота и топи. Вскорѣ однакоже Королевское войско, оставивъ лѣса за собою, выступило въ страну ровную, открытую, гдѣ разбивъ нѣсколько передовыхъ отрядовъ Нагайскихъ Татаръ, безпрепятственно пошло къ Великимъ Лукамъ.

Великолуцкій замокъ съ нѣсколькими башнями расположенъ былъ на возвышенномъ мѣстѣ, облитомъ съ трехъ сторонъ озеромъ, а съ четвертой р. Ловатью, между которою и озеромъ оставалась лишь узкая полоса земли. Замокъ обнесенъ былъ до того высокимъ валомъ, что изъ за него едва только выказывались кресты на церквяхъ. Въ стѣнахъ, обложенныхъ такимъ высокимъ и толстымъ въ одинадцать футовъ валомъ, сильный гарнизонъ, состоявшій подъ главнымъ начальствомъ Оболенскаго-Лыкова, могъ наконецъ не бояться и каленыхъ ядеръ. Къ тому же, въ Торопцѣ стоялъ значительный отрядъ Московскаго войска подъ начальствомъ Князя Хилкова, посланнаго Іоанномъ подать помощь, смотря по обстоятельствамъ, Лукамъ или Смоленску. На другой день прибыли и послы Іоанновы, едва рѣшившіеся выѣхать изъ Сурожа — послѣдняго пограничнаго Литовскаго замка — для представленія, вопреки вѣковому обычаю, иноземному Государю, вторгшемуся съ войною въ ихъ предѣлы (232). Начиная и прекращая переговоры о мирѣ, они пробыли безотлучно при Баторіѣ всю кампанію этого года.

Укрѣпленія замка въ самомъ дѣлѣ не обѣщали

успѣшнаго исхода осады. Къ тому же, Литовскіе Сенаторы равно боялись какъ неудачи такъ и успѣха: если бы замокъ и взятъ былъ, то вся тяжесть охраненія его пала бы исключительно на самую Литву. Но, уже не время было думать объ этомъ и Баторій повелъ правильную осаду. За невозможностію зажечь калеными ядрами ни стѣнъ, ни башенъ, обложенныхъ необыкновенно толстымъ слоемъ дерна, изъ окоповъ направили выстрѣлы по бланкамъ, на которыхъ лежали крѣпостныя орудія. Орудія сбиты, ядра зажгли дерево, вспыхнулъ пожаръ; но достигнувъ до мѣста, гдѣ начинался толстый слой дерна, огонь прекратился самъ собою. Оставалось одно средство: обнажить гдѣ нибудь стѣну для дѣйствія по ней калеными ядрами. Ночью, переправившись чрезъ узкую часть озера, Венгры провели подъ самую стѣну мину; зазженная въ полдень размѣтала часть вала по воздуху и обнажила часть стѣны, которую и зажгли вскорѣ. Пламень обнялъ одну изъ башенъ; всѣ усилія Россіянъ потушить пожаръ остались тщетными — огонь пылалъ до самой ночи; но зато, къ отчаянію осаждающихъ, къ утру прекратился самъ собою: толстый дерновый слой мѣшалъ дальнѣйшему его распространенію. Наконецъ, случай открылъ слабую сторону крѣпости, укрѣпленной сильно, но не искусно. Когда замѣтили, что гарнизонъ, для отраженія приступа къ передовой башнѣ, не могъ дѣйствовать не только перекрестными артиллерійскими выстрѣлами съ контрфорсовъ, но даже и ружейнымъ огнемъ; то тогда отважились, что можно было безнаказанно сорвать деревъ съ этой башни —

которая на другой день и предстала обнаженною въ одномъ мѣстѣ по фасу. Чрезъ найденное въ ней окно вброшено внутрь башни огромное количество горючихъ снарядовъ и, не смотря на отчаянныя усилія Россіянъ, на другой день клубы чернаго дыма обнаружили несомнѣнные признаки уже тлѣвшаго, ничѣмъ не угасимаго пожара, вспыхнувшаго ночью съ ужасною силою. Первою его добычею была Спасская церковь, ближайшая къ башнѣ; потомъ, пожаръ, распространяясь по деревяннымъ бланкамъ, свирѣпо обхватилъ ближайшіе дома. Король предложилъ гарнизону сдаться для спасенія отъ лютой смерти. Но, мужественные Россіяне, не взирая на свое несчастіе, соглашаясь на предложенія Короля еще предлагали и свои условія, которыя никакъ не могли быть приняты побѣдителями, не имѣвшими въ этомъ надобности. Замойскій послалъ объяснить имъ всю неумѣстность ихъ требованій, что въ отчаянномъ, подобномъ ихъ положеніи, они не могутъ и не имѣютъ права предлагать никакихъ условій, что добровольная сдача предложена имъ лишь по человѣколюбію. Междутѣмъ, обозная чернь, побуждаемая жаждою добычи, стала толпами собираться у Замковаго вала. Видъ этой черни, обозной сволочи — не участвовавшей ни въ трудахъ, ни въ опасностяхъ осады — начавшей уже толпами забираться на стѣны крѣпости, привелъ въ вступленіе Венгровъ, давно уже питавшихъ жажду мщенія противъ Россіянъ за жестокости ихъ съ плѣнными въ Полоцкѣ; жажду, не насыщенную ни въ Полоцкѣ, ни въ Сушѣ, ни въ Усвятахъ, ни въ Велижѣ, откуда самъ Король

увольнилъ Россіянъ. Венгры бросились въ замокъ. Къ счастію, Замойскій еще заблаговременно послалъ прикрытіе для воеводъ и прочихъ, спасавшихся изъ крѣпости: огонь быстро приближался къ пороховому погребу и — вскорѣ послѣдовалъ ужаснѣйшій взрывъ, разметавшій по воздуху всѣхъ и все, что́ только было въ крѣпости (6 сентября). Велѣвъ погрести мертвыхъ, Король составилъ планъ укрѣпленіямъ Великихъ Лукъ, и поручилъ исполненіе его Итальянцу Рудольфинѣ. И теперь главною причиною неудачи Россіянъ было нерѣшительность и неискусство ихъ воеводъ. Такъ Московское войско, стоявшее подъ начальствомъ Хилкова у Торопца, не только не сдѣлало ни малѣйшаго движенія, дабы хотя потревожить осаждающихъ; но еще малодушно разсѣялось при встрѣчѣ съ легкимъ отрядомъ Королевскаго войска въ виду самого Торопца.

XCIX.

Еще изъ Усвятъ Стефанъ послалъ Полоцкаго воеводу Николая Дорогостайскаго къ Невелю, расположенному надъ озеромъ, обливающимъ его съ трехъ сторонъ. Неопытное войско, никогда не участвовавшее въ осадѣ крѣпостей, дѣйствовало крайне неуспѣшно; ибо не умѣя избрать приличнаго мѣста, вздумало начать осаду съ той стороны, съ которой именно замокъ защищенъ былъ наиболѣе; къ тому же тамошній гарнизонъ, частыми вылазками наносилъ осаждавшимъ чувствительныя потери. Осада длилась и осаждающіе обратились на-

конецъ и сами въ осажденныхъ среди собственныхъ окоповъ. По всѣмъ соображеніямъ, Король не могъ оставить этого замка въ рукахъ Росссіянъ. Пославъ сперва на помощь Литовцамъ 500 человѣкъ изъ Чернаго полка, потомъ отправилъ туда же Яна Борнамиссу съ Венграми и наконецъ даже самого Замойскаго, узнавшаго уже на походѣ о покореніи Невеля. Борнамисса, прибывъ на мѣсто, сперва наступательными дѣйствіями принудилъ гарнизонъ заключиться въ замкѣ; потомъ, приблизившись къ нему окопами, зажегъ его калеными ядрами. Коль скоро показался пожаръ, то гарнизонъ, не взирая на сопротивленіе своихъ воеводъ, положилъ оружіе. Огонь поспѣшно потушенъ и замокъ неповрежденный, со всѣми запасами, достался побѣдителямъ.

Для удержанія за собою покоренной страны, Стефану оставалось еще завладѣть двумя сосѣдственными замками Торопцемъ и Заволочьемъ, по крайней мѣрѣ послѣднимъ. Охраненіе Велижа, Усвятъ и Великихъ Лукъ предвѣщало огромныя трудности, тѣмъ болѣе, что Московскіе гарнизоны въ Торопцѣ и Заволочьѣ, не только могли бы лишить ихъ всякаго продовольствія; но, еще болѣе, получивъ подкрѣпленіе изъ Россіи, могли бы снова завладѣть ими. Къ тому же, поселяне оказывали явные признаки непріязни къ побѣдителямъ. Вособенности живо безпокоило Короля Заволочье, которое, находясь на пути къ Пскову, служило бы большею помѣхою для будущаго, предполагаемаго Баторіемъ на Псковъ, похода. Междутѣмъ, завладѣніе Заволочьемъ казалось если не невозможнымъ,

то весьма сомнительнымъ: сильный замокъ, съ многочисленнымъ гарнизономъ, построенъ былъ на островѣ среди озера; къ тому же съ Октябремъ наступила мокрая и холодная осень. Потому, Король, выѣзжая въ Невель и посылая къ Заволочью Замойскаго, предоставилъ собственному его усмотрѣнію: осадить замокъ, или, по соображенію трудностей, возвратиться назадъ.

Вслѣдъ за королемъ поѣхали въ Невель и послы Іоанновы, находившіеся при немъ безотлучно со дня прибытія. Въ ожиданіи извѣстій отъ Замойскаго, Стефанъ придержался нѣкоторое время въ Невелѣ, куда наконецъ возвратились изъ Москвы съ письмами и инструкціями отъ Іоанна гонцы королевскій и посольскій, посланные въ Москву изъ подъ Великихъ Лукъ. Царь писалъ Баторію, что видя его рѣшительное намѣреніе владѣть Ливоніею, считаетъ нужнымъ пояснить ему свои древнія природныя права на нее, и доказывалъ ихъ тѣмъ, что происходя по прямой линіи отъ Святослава Мстиславича, называвшагося до принятія христіанства *Юргомъ*, и основавшаго въ сѣверной Ливоніи городъ *Юрьевъ*, переименованный Нѣмцами въ Дерптъ, онъ имѣетъ всѣ права на обладаніе всею Ливоніею. Условія для заключенія мира предлагалъ слѣдующія: дозволяя Баторію совмѣстно съ нимъ носить титулъ Ливонскаго, уступалъ ему четыре замка, изъ которыхъ важнѣйшій Кокенгаузенъ; лишь бы только Король возвратилъ, въ замѣнъ ихъ, съ своей стороны, Великія Луки, Велижъ и Невель. Послы, получившіе особую инструкцію, просили Короля о дозволеніи вести пере-

говоры съ Сенаторами. Совѣщались три дня; Бояре уступали еще нѣсколько замковъ, исключая Динабурга; наконецъ объявили, что инструкціи ихъ истощены. Имъ позволено слѣдовать за Королемъ въ ожиданіи новыхъ изъ Москвы ([233]).

C.

Междутѣмъ, Замойскій чрезъ страну открытую и ровную пришелъ къ Заволочью, лежащему на пути изъ Великихъ Лукъ къ Пскову. Самый городъ сожженъ Русскими еще во время похода Баторіева на Великія Луки, остался только одинъ замокъ сильно укрѣпленный, построенный среди озера на островѣ и сообщавшійся съ городомъ посредствомъ моста, тоже уничтоженнаго. Осадное войско расположилось на полуостровѣ, въ виду котораго высился всѣмъ фасомъ сильный замокъ, съ тремя башнями, обнесенный двойною стѣною, занятый сильнымъ гарнизономъ, подъ начальствомъ мужественнаго Сабурова. Возвевъ противъ башенъ замка батареи, Замойскій приказалъ сдѣлать плотъ, на которомъ, переправилъ войско на замковый островъ. Венгры съ обычною горячностью бросились на приступъ, вырубивъ топорами первую стѣну, бросились ко второй и — вопреки приказанію Замойскаго: палить отсюда по амбразурамъ — начали рубить и ее также. Гарнизонъ смѣлою вылазкою отбилъ ихъ съ чувствительнымъ урономъ. Со всѣмъ тѣмъ, Замойскій, донося обо всемъ откровенно Королю, увѣрялъ его въ успѣшномъ исходѣ осады.

Стефанъ, отправивъ въ помощь ему 900 Польской

конницы и 1000 Венгерской пѣхоты, выѣхалъ изъ Невеля въ Полоцкъ, гдѣ, сраженный страшною болѣзнію (234) — которая перешевъ изъ Азіи въ Европу, опустошила Францію и Италію, откуда занесена была въ Литву и Польшу — заболѣлъ опасно.

Не смотря на все — на мужество гарнизона, на неприступность замка, на позднее осеннее время — паденіе Заволочья было неизбѣжно. Войско, видѣвшее однѣ побѣды, не думало объ отступленіи. Плотъ расширенъ вдвое и удлиненъ тоже, устроены лодки и направленъ новый съ двухъ сторонъ приступъ на замокъ, котораго междутѣмъ громили изъ всѣхъ орудій по фасу. Гарнизонъ, послѣ самой упорной защиты, сдалъ замокъ Замойскому, могшему не безъ основанія гордиться покореніемъ неприступной крѣпости. Занявъ ее Венгерскимъ войскомъ, Замойскій возвратился въ Литву — чѣмъ и заключились военныя дѣйствія 1580 года. Войско изнемогало отъ трудовъ; самъ Король лежалъ больной въ Полоцкѣ, и еще съ блѣднымъ лицемъ явился на сеймъ Варшавскій.

CI.

1851-й годъ.

Россія казалась слабою, почти безоружною, имѣя до восьмидесяти становъ воинскихъ, наполненныхъ снарядами и людьми ратными, имѣя сверхъ того многочисленныя воинства полевыя, готовыя устремиться на битву! Воеводы, смятенные нерѣшительностію Царя, сами опасались дѣйствовать рѣшительно, посылали отряды для наблюденія, для за-

щиты границъ, и только однажды дерзнули вступить въ непріятельскую землю: князья Михаилъ Котыревъ Ростовскій, Димитрій Хворостининъ, Щербатой, Туренинъ, Бутурлинъ, соединясь въ Можайскѣ, ходили къ Дубровнѣ, Оршѣ, Шклову (Чклову), Могилеву, Радомлю; выжгли уѣзды и посады этихъ городовъ, разбили Литовцевъ подъ стѣнами Шклова, гдѣ въ самыхъ воротахъ палъ мужественный воевода Бутурлинъ, и привели въ Смоленскъ множество плѣнниковъ: Іоаннъ далъ имъ золотыя медали; но не ободрился въ духѣ.

CII.

Послѣ сейма Король выѣхалъ въ Гродно, гдѣ встрѣтилъ его гонецъ царскій съ письмомъ отъ Іоанна, извѣщавшаго о выѣздѣ къ нему великихъ пословъ, которые въ самомъ дѣлѣ скоро прибыли. Бояре уступали уже всю Ливонію, удерживая лишь Нарву, Нейшлосъ, Нейгаусъ, Адсву и всю Полоцкую область. Но Король — соглашясь возвратить Россіи всѣ прошлогоднія завоеванія, кромѣ Велижа и Себѣжа — послѣдній или уступить Польшѣ или срыть, въ послѣднемъ случаѣ Король съ своей стороны обязывался срыть Дриссу — требовалъ отъ Іоанна еще 400,000 злотыхъ за военныя издержки; о чемъ дозволилъ посламъ писать къ Царю.

Изъ Гродна Стефанъ выѣхалъ въ Дисну, гдѣ только впервые узналъ о нападеніи Московскихъ воеводъ на Могилевскій край; изъ Дисны прибылъ въ Полоцкъ, куда возвратился и гонецъ королевскій съ отвѣтомъ изъ Москвы. Послѣднее письмо

царское совсѣмъ не походило на прежнія. Изъявивъ сожалѣніе, что Король не принялъ условій, предложенныхъ ему въ Невелѣ, Іоаннъ отказывалъ ему въ дальнѣйшихъ съ своей стороны уступкахъ. Напрасно выставляешь — писалъ Царь — издержки на взятія Заволочья: развѣ я просилъ тебя объ этомъ? Какихъ требуешь отъ меня денегъ, вспомни: развѣ я твой данникъ? Царь не соглашался ни на срытіе Себѣжа; ибо кто могъ бы воспрепятствовать Королю со временемъ возстановить замокъ Дриссу? Іоаннъ злился за неприсланіе къ нему пословъ королевскихъ, за что́ и съ своей стороны обѣщалъ никогда не присылать своихъ. Укоряя Стефана за злохитростное сожженіе Сокола какими-то огненными ядрами и въ лицемѣрной ласковости съ плѣнными, Іоаннъ выставлялъ нечеловѣческую жестокость и изувѣрство Стефаново, не щадившую даже и мертвыхъ (235); наконецъ поносилъ въ выраженіяхъ не совсѣмъ изысканныхъ, честь и личныя достоинства Стефановы.

Король приказалъ войску выступить изъ Витебска въ походъ на Псковъ. Завладѣвъ по пути Островомъ, войско Стефаново безпрепятственно пошло къ Пскову, и начало эту знаменитую осаду.

Въ теченіе ея начались переговоры о мирѣ, прерываемые неоднократно — чрезмѣрными требованіями съ одной и неуступчивостію съ другой стороны — и снова возобновляемые. Наконецъ, въ брянномъ станѣ Баторія, заключено было десятилѣтнее перемиріе, отъ 6-го января 1582 г., по которому послы Іоанновы, Елецкій и Олферьевъ, отказались отъ Ливоніи, уступили и Полоцкъ съ Вели-

жемъ; а Баторій согласился не требовать отъ Іоанна вознагражденіа за военныя издержки, и между прочимъ возвралитъ Іоанну Великія Луки, Заволочье, Невель, Себѣжъ, Холмъ, Островъ, Красный, Изборскъ, Гдовъ и всѣ другіе, занятые имъ Псковскіе пригороды. Такъ кончилась эта война трехлѣтняя, не столь кровопролитная, сколь несчастная для Россіи.

CIII.

Не смотря на перемиріе нападенія и грабежи еще продолжались долгое время. Литовскіе воеводы силою занимали мѣста въ уѣздахъ Торопецкомъ, Луцкомъ, Велижскомъ; не было ясныхъ границъ между обѣими державами; обижали, безчестили Московскихъ чиновниковъ. Стефанъ въ ласковыхъ сношеніяхъ съ Царемъ, то находилъ жалобы его справедливыми — обязываясь немедленно унять дерзость Литовскихъ чиновниковъ — то винилъ Россіянъ, оправдывая своихъ — и принудилъ Іоанна послать на границу въ сентябрѣ 1583 г., 2000 Дѣтей Боярскихъ и стрѣльцевъ, чтобы защитить ея жителей отъ дальнѣйшихъ утѣсненій Витебскаго воеводы Паца, который даже основалъ новую крѣпость въ предѣлахъ Россійскихъ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Борьба за Малороссію.

Постепенное угнетеніе Православія въ Литвѣ. — Унія. — Убіеніе въ Витебскѣ Архіепископа Іосафата Кунцевича. Унія въ Малороссіи. — Хмѣльницкій волнуетъ Литву и Бѣлоруссію. — Усмиреніе. — Подданство Малороссіи. — Борьба Алексѣя съ Казиміромъ. — Первый походъ: взятіе Смоленска, покореніе Бѣлоруссіи. — Второй походъ: покореніе Литвы, взятіе Вильны. — Король Шведскій вторгается въ Польшу. — Виленскій договоръ. — Третій походъ. — Оливскій договоръ. — Успѣхи Польши. — Подвиги Польскихъ полководцевъ. — Мѣстничество губитъ Московскихъ воеводъ. — Война продолжается. — Миръ.

CIV.

Война кончилась; но не одна только вѣковая, неуставившая война терзала этотъ злополучный край; настала война другаго рода — преслѣдованіе за вѣру, не менѣе тяжкое для жителей и края.

Уже со времени Городельскаго, въ 1432 г., при Ягеллѣ Сейма, успѣхи православія встрѣтили сильныя препятствія; въ XVII же столѣтіи открылось и явное его преслѣдованіе. Ягелло — поклявшійся не только язычниковъ обратить къ католицизму, но

и православныхъ привести къ единству съ Римскою церковію — первый назвалъ ихъ схизматиками (236); а Витольдъ даже церкви Православныя называлъ синагогами (237).

Въ 1436 г. учрежденъ *Трибуналъ Святой Инквизиціи* съ правомъ отыскивать и карать въ Литвѣ еретиковъ и отщепенцевъ (238). Однакоже, еще не было явнаго преслѣдованія православныхъ; хотя въ концѣ XV столѣтія и обнаружились припадки нетерпимости въ Литовскомъ Княжествѣ: Бернардины, для обращенія православныхъ, разсѣялись по всей Литвы и Іосифъ Солтанъ, возведенный изъ Смоленскаго Архіепископа въ санъ Кіевскаго Митрополита, унитъ ревностный — еще въ 1476 г. совершившій посольство отъ имени духовенства Русско-Литовскаго къ Папѣ Сиксту V (239) — уже начиналъ тревожить церковь греческую. Преслѣдованія усились вособенности со времени вступленія на престолъ Польскій Сигизмунда III въ 1587 г., который, по свидѣтельству самихъ историковъ Польскихъ, не отличался христіанскою вѣротерпимостію (240). Наконецъ, въ 1595 году, совершилась и знаменитая Унія: Кіевскій митрополитъ и пять епископовъ, въ томъ числѣ Полоцкій Архіепископъ Германъ, подчинили себя Папѣ. Съ этаго времени началось явное преслѣдованіе православныхъ, не столько католиками, сколько духовными уніятами.

Бывъ дѣломъ не многихъ лицъ, руководимыхъ личными видами, унія въ самомъ началѣ находила приверженцевъ только въ такихъ лицахъ, которые, подобно Рагозѣ, Терлецкому и Поцѣю, искали мірскихъ выгодъ. Православный народъ роптал явно

на такую неслыханную новость. Езуиты однакожъ не унывали ([241]). Руководимый совѣтами ихъ и слѣпою привязанностію къ Римскому двору, Сигизмундъ III спѣшилъ довершить начатое дѣло: онъ принялъ за правило не дозволять посвященія въ митрополиты и епископы людей, отвергавшихъ унію; отдавалъ уніятамъ богатѣйшіе монастыри и приходы; оказывалъ имъ при всякомъ случаѣ явное доброжелательство, притѣсняя православныхъ; возводилъ на степени государственныхъ сановниковъ преимущественно послѣдователей уніи. Неминуемымъ слѣдствіемъ такой политики были непримиримая ненависть обѣихъ партій; одна старалась уничтожить другую: ибо вмѣстѣ существовать не могли. Уніяты, дѣйствуя въ духѣ Езуитовъ, для собственной безопасности, еще болѣе изъ видовъ корыстолюбія, всѣми средствами старались умножать число своихъ послѣдователей, и — находя въ судахъ гражданскихъ, епископскихъ, на сеймахъ, въ сенатѣ, въ Королѣ, усердныхъ покровителей — преступали нерѣдко предѣлы справедливости. Ненависть ихъ преимущественно устремлялась на служителей церкви, недоступныхъ соблазну: всѣ непоколебимые въ православіи подвергались всякаго рода оскорбленіямъ; съ безчестіемъ были изгоняемы изъ приходовъ, по ложнымъ доносамъ предавались суду, и нерѣдко оканчивали жизнь въ оковахъ. Цѣлые округи оставались безъ священниковъ; церкви были заперты или разрушены; нѣкоторыя обращены въ шинки, въ конюшни; мертвыхъ некому было отпѣвать; младенцевъ крестить. При такихъ насильственныхъ мѣрахъ распространилась унія ([242]).

CV.

Въ 1618 году, въ санъ архіепископа Полоцкаго владыки Витебскаго и Мстиславскаго возведенъ былъ Іосафатъ Кунцевичь, отличавшійся истинно фанатическою приверженностію къ уніи. Движимый чрезмѣрнымъ усердіемъ къ ней, началъ жестоко преслѣдовать православныхъ, возбуждалъ на нихъ вельможъ Литовскихъ, и наконецъ забылся до того, что̀ осмѣлился увѣщевать самого Короля закрыть церкви православныя, а жителей этого исповѣданія, какъ злыхъ и неисправимыхъ еретиковъ, топить, рѣзать, вѣшать, жечь на кострѣ. Отвѣтъ ему канцлера Литовскаго Льва Сапѣги, отъ 12 Марта 1622 года, лучше всего обнаруживаетъ и духъ уніи и положеніе православныхъ (242). Православные храмы въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Оршѣ, Могилевѣ были закрыты. Жители, доведенные наконецъ до отчаянія безбожными гоненіями Іосафата, начали обнаруживать сперва нетерпѣніе, а послѣ и сопротивленіе, къ чему еще болѣе подстрекнуло ихъ слѣдующее обстоятельство. Патріархъ Іерусалимскій Теофилъ, бывшій въ то время въ Россіи, посвятилъ отъ себя на Полоцкую архіепископію Герасимовича — извѣстнаго впослѣдствіи подъ именемъ Милетія Смотрицкаго—который, явившись 3 марта 1621 года въ Витебскую Ратушу съ подложнымъ, какъ думаютъ, письмомъ королевскимъ къ гражданамъ Витебскимъ, громогласно обвинилъ Іосафата въ апостазіи. Теперь граждане Витебскіе дерзко отказались отъ всякаго повиновенія Кунцевичу; со-

ставили актъ, передавшій церкви и священниковъ Милетію Смотрицкому, котораго признали своимъ истиннымъ пастыремъ. Витебской воевода Николай Завиша поспѣшилъ въ городъ, чтобы возстановить порядокъ, и когда собралъ судъ въ Ратушѣ надъ мятежными жителями, то послѣдніе съ воплемъ угрозы бросили свои шапки въ кучу предъ ратушею въ знакъ непослушанія, и въ слѣдъ за этимъ обнаружилось явное возстаніе. Хотя же оно и подавлено было мѣрами энергическими, хотя церкви снова были возвращены Кунцевичу, со всѣмъ тѣмъ не прекращалось явное неповиновеніе ему: жители не ходили въ храмы уніятскіе и, въ 1623 году, построили для частныхъ сборищъ два балагана — одинъ на Заручевьѣ, другой на лѣвомъ берегу Двины противъ Пречистенской церкви и дома Владыки. Тамъ собирались по ночамъ граждане, оттуда слышались ихъ грозные вопли противъ гонителя ихъ вѣры. Наконецъ, неповиновеніе обратилось въ явное возмущеніе и кончилось убійствомъ: 12 ноября 1623 года — то было воскресенье — когда Кунцевичь, въ 8 часовъ утра, возвратился съ заутрени въ домъ свой, находившійся тутъ же возлѣ Пречистенской церкви, толпы разъяреннаго народа, въ нѣсколько тысячь человѣкъ, съ яростнымъ воплемъ устремились на домъ владыки, окружили его, обложили соломою и зажгли; самаго же Кунцевича умертвили ударомъ топора въ голову. Изступленная чернь позволила себѣ всякія безчинства и поруганія надъ тѣломъ Владыки: влачили его по двору, сорвавъ съ него одежду, обнажили тѣло, на которомъ осталась лишь одна власяница; потомъ сбросивъ его съ го-

ры Пречисенской и положивъ въ лодку, вывезли тѣло по Двинѣ за городъ, въ двухъ или трехъ верстахъ ниже котораго — привязавъ къ шеѣ, ногамъ и рукамъ тяжелые камни—сбросили его на дно Двины. Какъ бы ни былъ жестокъ Кунцевичь—но своеволіе, бунтъ и наконецъ такое злодѣяніе не могло быть оставлено безъ примѣрнаго наказанія, и Король, немедленно нарядилъ въ Витебскъ коммиссію, изъ: воеводы Виленскаго и старосты Могилевскаго Льва Сапѣги, кастелана Мстиславскаго Христофора Друцкаго-Соколинскаго, референдарія и писаря Великаго Княжества Литовскаго Александра Корвина-Гонсѣвскаго; старосты Оршанскаго, Черейскаго и Пропойскаго Богдана Сапѣги и наконецъ Витебскаго воеводы Николая Завишы. Изъ протокола этой коммисіи—хранящагося въ Витебскомъ Городовомъ Магистратѣ—видно, что еще въ 1621 году составился противъ Іосафата заговоръ, въ которомъ приняли участіе даже жители Орши, Могилева, Полоцка и самой Вильны; члены Городоваго Совѣта также участвовали въ немъ. Душею же заговора были: писарь Гурко, священникъ Каменецъ, бургомистры Наумъ Волкъ и Семенъ Ниша и вособенности нѣкто Петръ Васильевъ Полочанинъ. Коммисія, щадя менѣе виновныхъ, осудила 75 человѣкъ на смертную казнь, изъ котырыхъ болѣе 50 успѣли гдѣ-то на время скрыться. Витебскъ лишенъ права Магдебургскаго и всѣхъ вообще правъ и преимуществъ, дарованныхъ его жителямъ; городъ подчиненъ воеводскому, военному управленію; снятъ и вѣчевой колоколъ — знакъ преимуществъ и свободы города, говорятъ — неутѣшно ры-

давшаго при этомъ; ратуша обращена въ кабакъ; соборную Пречистинскую церковь, при которой совершено было преступленіе, велѣлъ сломать и вмѣсто ея для уніятовъ выстроить въ большомъ размѣрѣ и болѣе великолѣпную на счетъ гражданъ Витебска; на колокольнѣ ея повѣшенъ большой колоколъ — сплавленный изъ бывшихъ колоколовъ прежней церкви и вѣчеваго, взятаго, изъ Ратуши — а на немъ надпись свидѣтельствуетъ предъ потомствомъ о преступленіи гражданъ Витебскихъ, которыя всячески старались заслужить прощеніе и, за сраженіе подъ Кошевичами противъ Казаковъ, были прощены Владиславомъ IV, возвратившимъ имъ прежнія права и преимущества.

CVI.

Алексѣй Михайловичь — подобно Димитрію Донскому, Іоанну III, Іоанну Грозному — старался возстановить землю Русскую въ древнихъ ея предѣлахъ, сосредоточить ее въ одно цѣлое и кончить вѣковой споръ Россіи съ Польшею за Литовское Княжество для блага обѣихъ державъ ([244]). Поводомъ къ войнѣ послужила Малороссія, гдѣ Сигизмундъ III насильственнымъ образомъ и мѣрами жестокими началъ вводить унію. Бѣлоруссія, Волынь и Галиція безмолвно сносили страданія по этому поводу, не находя средствъ къ сверженію ига; но Малороссія не стерпѣла своихъ бѣдствій: она имѣла ревностныхъ защитниковъ своей вѣры, своихъ уставовъ, въ собственныхъ сынахъ, въ казакахъ.

Признавъ своимъ покровителемъ Польскаго Короля, Казаки не требовали отъ Рѣчи Посполитой ничего, кромѣ свободы бить невѣрныхъ и неприкосновенности уставовъ, дарованныхъ имъ Баторіемъ. Сигизмундъ III вздумалъ отнять у нихъ и то и другое. Вмѣсто того, чтобы пользоваться мужествомъ Казаковъ, и образовать изъ нихъ оплотъ для Польши отъ вторженія Крымскихъ Татаръ, Сигизмундъ видѣлъ въ нихъ только виновниковъ вражды Польши съ Крымомъ. Въ самомъ дѣлѣ, считая, подобно рыцарямъ среднихъ вѣковъ, войну съ невѣрными главною цѣлью всѣхъ мыслей и желаній, витязи Малороссійскіе стекались въ Запорожье, не давали покоя ни Туркамъ, ни Татарамъ и отважными поисками въ Черномъ морѣ накликали на Польшу месть самого Султана, коего она страшилась, какъ опаснѣйшаго непріятеля. Но принятыя Королемъ мѣры къ обузданію воинственныхъ дѣтей Малороссіи только раздражили ихъ: Сигизмундъ хотѣлъ лишить ихъ того, чѣмъ болѣе всего они дорожили: воли и вѣры. Притисненія начались уже съ 1589 года и когда они лишь еще болѣе раздражили казаковъ, то Король, дѣйствуя вопреки здравой политикѣ, вознамѣрился ввести въ Малороссію Унію, по мнѣнію его лучшее средство къ обузданію Казаковъ. По волѣ его, Станиславъ Жолкѣвскій съ многочисленнымъ Польскимъ войскомъ вступилъ въ Малороссію, требуя, чтобы Казаки обязались присягою въ повиновеніи коронному Гетману и признали Папу со всѣми постановленіями Брестскаго собора. Всеобщій ропотъ Малороссіи былъ отвѣтомъ воззванію Уніятовъ. Ка-

заки превозгласили своимъ гетманомъ храбраго Наливайку, встрѣтили Жолкѣвскаго близъ Чигирина, разбили, опустошили Волынь и Бѣлоруссію (245).

CVII.

1648-й годъ.

Въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, бѣдствія Малороссіи достигли крайняго предѣла. Она не стерпѣла — Хмѣльницкій, лично оскорбленный Польскими вельможами, поднялъ оружіе противъ Польши и — чтобы развлечь ея силы — началъ волновать сосѣдственныя области Литвы и Бѣлоруссіи, приглашая народъ тамошній, равно угнетенный, принять участіе въ борьбѣ съ общимъ утѣснителемъ. Антонъ Небаба, родомъ изъ Корыстышева, первый началъ поднимать поселянъ и горожанъ противъ Польскаго правительства. Вскорѣ къ нему присоединились два другіе такіе же предводители, Напаличь и Хвесько (Федоръ); собравъ въ короткое время до 30,000 вооруженныхъ людей, завладѣли Стародубомъ, Гомелемъ, Лоевомъ и Брагиномъ, которыхъ жители православные сами добровольно отдали имъ эти города. При первомъ извѣстіи о вспыхнувшемъ возстаніи, больной Гетманъ Литовскій Радзивиллъ послалъ нѣсколько хоругвей: Госѣвскаго, Волловича, Невяровича и другихъ противъ инсургентовъ, и — настигнувъ ихъ за Припетью — разбили на голову. Пинскъ, отказавшійся выдать казацкихъ предводителей, взятъ

былъ приступомъ, и уничтоженъ вмѣстѣ съ жителями ([246]).

Волненіе утихло — но не надолго; оно вспыхнуло еще съ бо́льшею силою при первомъ извѣстіи о пораженіи Польскаго войска подъ Пилавцами. Народъ замѣтно вооружался, и значительныя силы инсургентовъ пытались было завладѣть укрѣпленными городами Слуцкомъ — вотчиною Радзивилловъ и Быховомъ — вотчиною Сапѣговъ; послѣдній успѣлъ отстоять тамошній управитель Сосновскій; а Лука Ельскій отбилъ отъ Слуцка казацкаго полковника Гладкаго, присланнаго Хмѣльницкимъ для предводительствованія возстаніемъ, человѣка искуснаго въ военномъ дѣлѣ, успѣвшаго въ короткое время изъ нестройной толпы инсургентовъ образовать довольно изрядное войско.

Дѣла принимали болѣе и болѣе грозный видъ; прибытіе самого Гетмана Радзивилла, опытнаго и знаменитаго полководца, воодушевило королевское войско, успѣвшее къ осени возвратить Чернобыль, Городокъ, Могилевъ и прочія города за Днѣпромъ и Березиною, занятые инсургентами. Но Рѣчица и Мозырь защищались до послѣдней крайности. Не смотря на несчастную участь жителей Мозыря, отвергшихъ всепрощеніе и истребленныхъ до единаго, не смотря на позорную казнь казацкаго полковника Михненко, защищавшаго этотъ городъ, жители Бабруйска, предводительствуемые тоже казацкимъ полковникомъ Подубичемъ, вторично подняли знамя возстанія. Но, устрашенные прибытіемъ самаго Гетмана и получивъ отъ него завѣреніе во всепрощеніи, согласились выдать казацкихъ

начальниковъ и всѣхъ предводителей возстанія, которые, избѣгая позорной казни, добровольно погибли въ пламени собственныхъ жилищъ, ими же зажженныхъ (247).

CVIII.

1649-й годъ.

Однако, возстаніе не унималось; при помощи агентовъ Хмѣльницкаго, посылавшаго ихъ во множествѣ, оно проявлялось съ обыкновенною силою во многихъ мѣстахъ. Хмѣльницкій, готовясь продолжать борьбу съ Польшею, высылалъ въ Литву и Бѣлоруссію и агентовъ и казаковъ. Какъ сильно волновался народъ въ то время — то объ этомъ свидѣтельствуютъ наивныя слова одного безъименнаго современнаго лѣтописца — который — удивляясь тому, что въ то время, когда правительство едва могло найти для себя воиновъ, стоившихъ ему дорого — говоритъ: а инсургенты напротивъ, не получая ни жалованья, ни провіанта, добровольно собираются огромными массами, не терпятъ ни въ чемъ недостатка и еще шумятъ *какъ мыши въ чужомъ хлѣбѣ* (248).

Предупреждая возстаніе, гетманъ расположилъ свое войско около Днѣпра на зимнія квартиры. Это не понравилось Хмѣльницкому, отрядившему противъ него полковника Голоту, успѣвшаго оттѣснить Литовскія хоругви отъ Припети за правый берегъ Днѣпра. Но этимъ и кончились подвиги Голоты: вскорѣ окруженный Госѣвскимъ погибъ съ

7,000 войска на одномъ островѣ среди болотъ Припети.

Современный лѣтописецъ наивно уподобляетъ возстаніе гидрѣ, у которой вмѣсто одной отрубленной головы выростаетъ нѣсколько новыхъ; такъ и на мѣсто Голоты явилось много другихъ, присланныхъ Хмѣльницкимъ, подъ начальствомъ Кржечковскаго и Подобайлы. Не оставаясь долго между Припетью и Днѣпромъ — въ странѣ съ равною жестокостію опустошенной Казаками и Поляками — Кржечковскій съ 14,000 войска направился въ Литву; но, разбитый на голову Радзивилломъ подъ Лоевомъ, отошелъ къ Днѣпру и, въ ожиданіи помощи отъ Подобайлы, засѣлъ среди болотъ неприступныхъ. Наконецъ, не утомимо обезпокоиваемый непріятелемъ, вступилъ съ нимъ въ рѣшительную битву, въ которой погибъ онъ со всѣмъ своимъ войскомъ. Подобная же участь постигла и Подобайлу, везшаго на байдакахъ по Днѣпру до 12,000 войска, которое вмѣстѣ съ нимъ истреблено среди окоповъ, подъ защитою которыхъ высадился на берегъ. «Посчастливилъ Господь — говоритъ Лѣтописецъ — въ этомъ году Литовскому войску, истребившему болѣе 30,000 инсургентовъ (!)» (249).

Наконецъ Зборовскій договоръ — по которому Польша обязалась уничтожить унію въ Малороссіи, выгнать оттуда Евреевъ и выслать Езуитовъ, уравнять права православныхъ съ католиками, возвратить прежнія права и преимущество Казакамъ — умирилъ на нѣкоторое время Малороссію. Границы, опредѣленныя этимъ договоромъ включили въ себѣ и значительную часть нынѣшней Могилевской гу-

бернія именно: по Днѣпру до Быхова, оттуда въ р. Сожь и Сожью до уѣзда Смоленскаго ([250]). Гетману Радзивиллу — въ награду за его услуги, оказанныя имъ въ эту войну Рѣчи Посполитой — Сеймъ пожаловалъ въ вѣчное и потомственное владѣніе Невель и Себѣжъ съ волостями.

CIX.

1654-й годъ.

Счастіе уже начало измѣнять дѣлу Малороссіи; Хмѣльницкій, претерпѣвъ неоднократныя пораженія и не видя возможности устоять противъ Польши собственными силами, просилъ Алексѣя Михайловича принять Малороссію въ свое подданство. Еще въ началѣ его царствованія, жители Малороссіи, доведенные до отчаянія безбожными гоненіями Польскихъ магнатовъ, умоляли Царя принять ихъ въ свое подданство. Но Царь, уважая святость договоровъ, внявъ и справедливымъ мольбамъ Хмѣльницкаго на первый разъ согласился лишь быть посредникомъ: Хмѣльницкому совѣтовалъ примириться съ Польшею; Казиміру, чрезъ торжественное посольство, объявилъ, что онъ согласенъ забыть личныя обиды, въ коихъ онъ не получилъ удовлетворенія, если Польское правительство дастъ миръ Малороссіи. Но, получивъ въ отвѣтъ одни лишь упреки Польскихъ сенаторовъ, Царь не хотѣлъ долѣе медлить и принялъ Малороссію въ подданство, въ 1654 г.; но право владѣть ею надлежало еще утвердить оружіемъ.

Алексѣй Михайловичь, предупреждая враговъ,

спѣшилъ нанести Польшѣ рѣшительный ударъ. Многочисленное войско, болѣе 200,000, вступило въ земли подвластныя Казиміру, четырмя арміями: главныя силы, подъ личнымъ начальствомъ государя, двинулись къ Смоленску, бояринъ Шереметевъ устремился на Литовско-Русскіе города по Двинѣ т. е. въ нынѣшнюю Витебскую губернію; князь Трубецкой на Могилевъ и всю его нынѣшнюю губернію; Казаки на города Сѣверскіе.

CX.

Устрашенные Поляки не хотѣли вѣрить слухамъ о вторженіи Россіянъ въ Литовскіе предѣлы, считали баснею вѣсти объ этомъ. Царское войско обложило 27-го мая, Смоленскъ, куда прибылъ и наказной гетманъ Золоторенко. Комендантомъ города былъ Филипъ Обуховичь, человѣкъ неспособный и незнакомый съ военнымъ дѣломъ; 2,000 войска подъ начальствомъ Вильгельма Корфа составляли гарнизонъ самой крѣпости, сверхъ 4,000 шляхты. Россіяне, подъ руководствомъ иностранныхъ инженеровъ, начали вѣсти траншеи и дѣлать редуты, которые, не смотря на смѣлыя вылазки осажденныхъ, сдѣлались выше городскихъ стѣнъ, отчего дѣйствіе артиллеріи сдѣлалось еще болѣе разрушительнымъ: запылали магазины, казармы и дома; гарнизонъ быстро уменьшался и среди всякихъ неимовѣрныхъ трудностей жестокой осады огромными силами непріятеля, началъ упадать духомъ. Одинъ изъ городскихъ пушкарей, оставивъ жену и дѣтей, передался Россіянамъ и передалъ имъ тайну, что,

возлѣ воротъ надъ Днѣпромъ, вода подмыла стѣну, которую поэтому легко развалить. Потому, 6-го іюля передъ самымъ свѣтомъ, припущенъ штурмъ къ городу, вособенности къ Михайловскимъ воротамъ, которыми едва не завладѣли Казаки; но, зажженная осажденными, мина разметала ихъ по воздуху. Со всѣмъ тѣмъ паденіе Смоленска было неизбѣжно: траншеи болѣе и болѣе стѣсняли городъ, а неискусный Обуховичь запретилъ вылазки, чтобы избѣжать траты людей. Тщетно роптал гарнизонъ, что неспособный воевода, не понимающій военнаго дѣла, погубитъ и городъ и войско. Такъ и случилось, 29-го сентября, малодушный Обуховичь, не смотря на сопротивленіе Корфа, сдалъ городъ на капитуляцію.

Въ слѣдъ за взятіемъ Смоленска, общимъ потокомъ побѣды, говоритъ историкъ того времени, увлечены были: Витебскъ, Полоцкъ, Быховъ, Орша Шкловъ, Могилевъ, Невель, Рѣчица, Мозырь, Гомель и Мстиславль (251). Жители послѣдняго почти все до единаго были истреблены жестокимъ Тубецкимъ; потому еще до настоящаго времени Мстиславцы слывутъ въ народѣ *недоськами*. Тщетно Литовскій Гетманъ Радзивиллъ старался удержать быстрое стремленіе Россіянъ: хотя и успѣлъ разбить Черкасскаго подъ Шкловомъ, но за то самъ пораженный подъ Рогачевомъ (Шепотовичами) едва успѣлъ уйти отъ рукъ Трубецкаго, удалился къ Нѣману, оставивъ все пространство между Березиною и Дѣсною во власти Россіянъ; въ Варшавѣ прежде узнали о его пораженіи, нежели о побѣдѣ.

CXI.

Казаки, которыхъ не умѣла сберечь для себя Польша, принимали теперь дѣятельное участіе въ завоеваніи ея. Послѣ покоренія Смоленска, Золоторенко выступилъ въ Бѣлоруссію, переправился чрезъ Сожъ и осадилъ Гомель. Этотъ городъ принадлежалъ прежде Малороссіи; въ немъ находился отрядъ Казаковъ подъ начальствомъ сотника Аѳанасія Зниченка; Поляки отняли городъ, Казаковъ истребили до единаго, и заняли Гомель сильнымъ гарнизономъ, защищавшимся, упорно протихъ всѣхъ силъ Золоренки. Гетманъ сперва подступилъ къ замку, стоявшему на высокомъ, почти неприступномъ холмѣ, защищенному оврагомъ и рѣкою. Обложеніе нѣсколькихъ дней было безуспѣшно; итти на приступъ казалось безуміемъ и вѣрною гибелью. Необходимо нужно было прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Золоторенко встянулъ на Спасскую церковь нѣсколько мортиръ и пушекъ; бомбы и ядра полетѣли внутрь замка, наполнившагося пламенемъ. Поляки рѣшились сдѣлать вылазку и зажечь Спасскую церковь; или пасть смертію храбрыхъ. Ворота замка растворились: густою колонною рѣшительно и смѣло двинулись осажденные на городъ; но вскорѣ окруженные многочисленнымъ врагомъ, погибли всѣ въ рукопашномъ боѣ.

Изъ Гомеля Золотаренко выступилъ къ Быхову, также отнятому у Казаковъ. Размѣстивъ войско въ окрестныхъ селеніяхъ, посылалъ ежедневно отряды для наблюденія за городомъ. Ночью, въ праздникъ

трехъ королей (6-го января), когда Поляки, послѣ молитвы пировали, Золоторенко приступилъ къ замку Быховскому. Оттепель, случившаяся въ то время, ему благопріятствовала: снѣговые намёты подъ стѣнами облегчили доступъ внутрь замка. Завладѣвъ имъ, Казаки открыли пальбу по городу. Вытѣсненный изъ замка гарнизонъ, соединившись съ отрядомъ, находившимся въ городѣ, пытался было возвратить замокъ, но безуспѣшно; оставилъ Быховъ съ намѣреніемъ пробраться въ Литву, по Минской дорогѣ. Но окруженный Казаками, жившими по деревнямъ, послѣ долговременной и мужественной защиты, сдался въ плѣнъ, и былъ отправленъ къ Царю.

Словомъ, самый блестящій успѣхъ былъ слѣдствіемъ мѣръ принятыхъ Алексѣемъ Михайловичемъ: войска его, скорѣе чѣмъ въ полгода овладѣли всѣмъ нынѣшнимъ Бѣлорусскимъ краемъ и значительною частію Литовскаго княжества. Города Литовскіе, не имѣя ни средствъ ни охоты защищаться сдавались ему большею частію добровольно.

CXII.

1664-й годъ.

Междутѣмъ Польша обратила на себя оружіе другаго врага, не менѣе опаснаго, Карла X, мстившаго Казиміру за удержаніе имъ титула короля Шведскаго. Въ одинъ походъ онъ завоевалъ всѣ Польскія области на лѣвомъ берегу Вислы.

Польша была въ оцѣпѣненіи: пользуясь слабо-

стію ея Русскія войска, снова вторглись въ Литовскія владѣнія и, разбивъ Литовскую армію подъ начальствомъ Раздзивилла въ мартѣ на Березинѣ, заняли безъ боя Минскъ, Ковно, Пинскъ, Гродно, Вильно и почти все Литовское княжество; междутѣмъ Хмѣльницкій съ царскимъ воеводою Бутурлинымъ опустошилъ Польшу и Галицію до самаго Люблина.

Такимъ образомъ завоевана была вся Бѣлоруссія и большая часть Литовскаго княжества: взято до 200 городовъ, мѣстечекъ и укрѣпленныхъ замковъ. Витебскъ, Полоцкъ, Минскъ, Вязьма, Дорогобужъ, Бѣлый, Рославль, Мстиславль, Могилевъ, Чечерскъ, Шкловъ, Пропойскъ заплатили контрибуцію. Алексѣй Михайловичь свѣдавъ объ окончательномъ покореніи Бѣлоруссіи принялъ титулъ: *всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца* (252).

Оставя гарнизоны по крѣпостямъ и стражъ по границамъ, Хованскій и Золоторенко пошли на зимовье въ средину Бѣлоруссіи. Золоторенко проходилъ чрезъ Старый Быховъ. Органистъ Томашъ, засѣвъ на колокольнѣ какой то церкви, далъ выстрѣлъ изъ ружья и — безбоязненный предводитель казаковъ, любимецъ счастія и Хмѣльницкаго, упалъ мертвый, пораженный какою то таинственною пулею невидимаго врага: она была серебрянная. Органиста схватили, взяли на допросъ: онъ сознался, что его къ этому подговорили ксендзы католическіе; они дали ему пулю, отлитую изъ серебра священной чаши, пулю освященную, носящую на себѣ таинственныя слова и заклинанія и посулили царство небесное, награду мученическую; а дѣтямъ его вос-

питаніе въ школѣ езуитской. Дѣйствительно, на пулѣ найдены начертанія словъ Латинскихъ. Золоторенко повезли въ Корсунь, на его родину. Въ тамошей церкви, имъ же построенной, началось погребеніе. Но едва приступили къ послѣднему обряду, громовой ударъ зажегъ церковь: люди бросились къ выходу, духовенство за ними; всѣ столпились у дверей; множество посѣтителей задохлось и погибло. Тѣло Золоторенки съ священствомъ и многочисленнымъ народомъ, осталось добычею пламени. Преданіе — вселенное народу, какъ думаютъ, Римскимъ духовенствомъ—говоритъ, что онъ былъ *характерикъ*, имѣлъ на войнѣ силу необычайную и за услуги, оказанныя ему отъ ада, взятъ адомъ съ полнымъ торжествомъ діавольскимъ (253).

Послѣ взятія Вильна, жители Литовскаго княжества скрывались въ дремучихъ лѣсахъ и неприступныхъ болотахъ. Но войско Московское не пошло далѣе, его удержали успѣхи Шведовъ въ Польшѣ и подданство Литвы Карлу X. Радзивиллъ, не смотря на сопротивленіе многихъ благомыслящихъ вельможей, предалъ Литву Швеціи, и губернаторъ Ливоніи де-ла-Гарди принялъ ее отъ имени Короля Шведскаго, на тѣхже условіяхъ, на которыхъ Литва соединена была съ Польшею. «Удивится потомство» говоритъ современный историкъ (254). «Когда узнаетъ объ этомъ позорномъ поступкѣ — поступкѣ, совершенномъ только четырмя вельможами. Еще бы не такъ было больно, если бы на это рѣшилась угнетенная чернь, простой народъ; или, если бы Литву предала Шведамъ мелкая и бѣдная шляхта; но виновниками этого безпримѣрно

постыднаго поступка былъ Разивиллъ, Радзѣевскій, Грудзискій и Опалинскій—воеводы и сенаторы, обладавшіе несмѣтными богатствами. Шведы, принимая подданство Литвы, обязались очистить владѣнія ея отъ Россіянъ; однако же Москва не переставала воевать, хотя нѣсколько и пріостановилось ея побѣдоносное етремленіе. Для чего было призывать Шведовъ, когда Литовское войско гораздо превышало Шведское? Въ Литвѣ было только 3000 Шведовъ, а Литовцевъ 30,000; а было бы ихъ и несравненно болѣе, если бы горделивый Радзивиллъ, всегда лишь только спорившій съ Королемъ и замышлявшій стать выше его, не презиралъ простымъ народомъ, и призвалъ его къ оружію. Ну, какъ не скорбѣть о томъ, что добрый Король справедливою казнію давно уже не повергъ во прахъ гордаго чела Радзивиллова (255)».

CXIII.

1856-й годъ.

Междутѣмъ Поляки, наскучивъ желѣзнымъ игомъ Шведовъ, опомнились и упросили Короля возвратиться въ отечество. Злополучный Янъ Казиміръ — среди обстоятельствъ, грозившихъ порабощеніемъ его королевству — обратился къ великодушію Россійскаго Монарха, къ которому отправилъ маршала Оршанскаго Петра Галиньскаго. «Мы приведены — писалъ онъ къ Алексѣю Михайловичу — до скорбной участи оплакивать жестокую, постигшую насъ судьбу и бѣдствія, ниспосланныя на насъ небомъ. Такое двухлѣтнее пролитіе крови христіанской,

низпроверженіе алтарей, поруганіе святынь, разграбленіе монастырей, сносимъ мы съ глубокою горестію, относя все это къ неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, дарующаго власть и силу и низпровергающаго въ мгновеніе могущество народовъ. Мы не думаемъ, чтобы Ваше Царское Величество, по доброй волѣ подняли на насъ оружіе; нѣтъ, мы приписываемъ это наущенію хитраго сосѣда нашего Короля Шведскаго и еще нѣкоторыхъ недовольныхъ нашихъ подданныхъ.» Наконецъ, при посредничествѣ Фердинанда III, заключенъ былъ уполномоченными отъ обѣихъ сторонъ трактатъ слѣдующаго содержанія: 1. Признать Царя Алексѣя Михайловича Королемъ Польскимъ при жизни Казиміра, по смерти коего Русскому Государю вступить на Польскій престолъ: 2. Бѣлоруссію и Малороссію присоединить къ Московскому государству; 3. Послѣдователямъ православной и римской вѣры въ упомянутыхъ областяхъ предоставить свободу богослуженія; 4. Унію искоренить; 5. Россіи и Польшѣ до окончательнаго соединенія, безъ общаго согласія, не заключать мира, не вступать въ войну съ сосѣдями.

Искренно вѣря торжественнымъ обѣщаніямъ Казиміра и Польскихъ сенаторовъ, Алексѣй Михайловичь спѣшилъ избавить Польшу отъ Карла и, оставивъ малочисленные отряды въ Литвѣ, обратилъ побѣдоносныя войска свои на Лифляндію. Динабургъ, Кокенгаузенъ, Дерптъ и другіе города, кромѣ Риги, сдались ему. Междутѣмъ, война съ Даніею отвлекла Карла отъ Польши, а Курфюстръ Бранденбургскій примирился съ Казиміромъ.

Казиміръ, послѣ жестокихъ пораженій, при всеобщемъ неустройствѣ Королевства, такъ возненавидѣлъ заботы правленія, что помышлялъ единственно о сложеніи съ себя тягостной короны, и желалъ искренно дружбы Россійскаго Государя. Со всѣмъ тѣмъ, Виленскій договоръ послужилъ лишь поводомъ къ войнѣ новой между двумя державами. Съ одной стороны — Польша, еще не оправившаяся отъ тягостной войны, мало думала о Виленскомъ договорѣ; съ другой — Алексѣй Михайловичь требовалъ безусловнаго исполненія его условій. Открылись неудовольствія, и Сеймъ нисколько не скрывалъ своего сожалѣнія о потерѣ Бѣлоруссіи и Малороссіи. Алексѣй Михайловичь, объявивъ войну Швеціи для спасенія Польши, теперь предвидя разрывъ съ нею, спѣшилъ примириться съ Карломъ въ Виліесерѣ въ 1658 г. Вновь началась утомительная осмилѣтняя борьба, ознаменованная побѣдами Польскихъ вожлей, неудачами Русскихъ воеводъ, но заключившаяся выгоднымъ для Россіи миромъ. Главную роль въ этой войнѣ играла Малороссія, которая переходя изъ рукъ въ руки поддерживала войну между двумя государствами.

CXIV.

Въ 1659-мъ году три сильныя Русскія арміи вторглись въ Польскія владѣнія: Украйну, Литву и резервная въ Бѣлоруссію, подъ начальствомъ Трубецкаго, Долгорукова, Хованскаго и Ромадановскаго. Разбивъ и взявъ въ плѣнъ Госѣвскаго, Московскіе

воеводы безъ боя завладѣли Минскомъ, Троками, самымъ Вильномъ и наконецъ Брестомъ.

Казалось, что сама судьба принесла въ жертву для спасенія Польши жизнь Карла X: *неукротимый почиль для мира* (256) и Швеція примирилась, въ 1660 году, съ Польшею Оливскимъ миромъ, по которому за Польшею, изъ всей Ливоніи, остались только четыре замка: Динабургъ, Розиттенъ (Рѣжица), Люценъ и Маріенгаузъ — страна извѣстная въ послѣдствіи подъ именемъ воеводства или княжества Лифляндскаго, Польской Лифляндіи, состоящей нынѣ изъ трехъ уѣздовъ Витебской губерніи: Динабургскаго, Люцинскаго и Рѣжицкаго.

Междутѣмъ Хованскій, командуя 30,000 отрядомъ, подвигался побѣдоносно болѣе и болѣе въ глубину Польши, уже грозилъ самой Варшавѣ; но встрѣченный подъ Полонкою, близь Сланима, былъ разбитъ Чарнецкимъ на голову и, потерявъ весь обозъ и 15,000 убитыми, едва спасся бѣгствомъ (257).

Разбивъ Хованскаго, Чарнецкій и Сапѣга пошли къ Могилеву, въ которомъ командовалъ храбрый, но жестокій Московскій воевода Морозовъ (258). Слухъ о приближеніи на помощь Могилеву Долгорукова, заставилъ снять безуспѣшную осаду этого города и поспѣшить на встрѣчу новой рати. Но Долгоруковъ явилъ удивительную и неспособность и робость: заключился въ окопахъ между Пронею и Басею предъ Чарнецкимъ, не имѣвшимъ и половины его рати, и совсѣмъ тѣмъ однакоже успѣвшимъ четыре недѣли продержать Долгорукова въ осадномъ положеніи; только слухъ о приближеніи Козаковъ и Хованскаго съ новою ратію заставилъ его

оставить Долгорукова въ покоѣ, и спѣшить на встрѣчу Хованскому, не рѣшившемуся однако же на битву, и ушевшему въ Полоцкъ ([259]).

Малороссія, переходя изъ рукъ въ руки, поддерживала войну между обѣими державами. Казалось споръ будетъ безконеченъ. Въ первые годы перевѣсъ былъ на сторонѣ Польши. Безопасная отъ Швеціи, дружная съ Крымомъ, она устремила всѣ свои силы на Россію и одержала многія знаменитыя побѣды. Русскія войска, стоявшія въ Литвѣ, на Волынѣ и въ Украйнѣ, были разбиваемы по частямъ. Виною неудачъ было мѣстничество воеводъ, ихъ неспособность и истощеніе государства неимовѣрными усиліями въ первой войнѣ съ Польшею. Царскіе воеводы, по расчетамъ родословнымъ, питая взаимную зависть, дѣйствуя безъ общаго плана, выдавали другъ друга. Такъ Виговскій, воспользовавшись несогласіемъ князя Трубецкаго съ Ромодановскимъ, нанесъ жестокое пораженіе первому подъ Конотопомъ, второму подъ Нѣжинымъ. Чарнецкій разбилъ Хованскаго подъ Полонкою и Слонимомъ и за нимъ Долгорукова, не посмѣвшаго съ огромною ратію выйти изъ за окоповъ для битвы съ врагомъ немногочисленнымъ. Такъ же неуспѣшно дѣйствовалъ на Волынѣ Шереметевъ, который былъ окруженъ Любомирскимъ подъ Чудновымъ и положилъ оружіе. Слѣдствіемъ этого была измѣна Юрія Хмѣльницкаго, предавшаго въ руки Поляковъ Малороссію.

CXV.

1661-й годъ.

Все благопріятствовало Польшѣ, кромѣ ея самой. Война истощила казну; войско, не получивъ за нѣсколько лѣтъ сряду жалованья, отказало въ повиновеніи Королю и гетманамъ, и, избравъ изъ среды своей Сенатъ — предписывавшій, къ вѣчному позору участвовавшихъ въ немъ, законы Королю и отечеству — составило изъ себя какъ бы особый военный штатъ въ государствѣ; наконецъ, въ ожиданіи уплаты жалованья, заняло королевскія столовыя и духовныя имѣнія. Равнодушное къ мольбамъ и угрозамъ, безчувственное къ потребностямъ собственнаго, изнеможеннаго долговременною войною отечества, войско оставалось неподвижнымъ, требовало жалованья и жалованья, для котораго всѣ источники изсякли. Потому-то перевѣсъ, пріобрѣтенный Польшею въ первые годы этой осмилѣтней войны, былъ потерянъ.

Только съ 3,000 вѣрнаго войска и семью хоругвями наемнаго Янъ Казиміръ, сопровождаемый Чарнецкимъ и Сапѣгою, вступилъ въ Литву, занятою отрядами Москвитянъ. Но, еще слава прежнихъ побѣдъ дѣлала страшнымъ это немногочисленное воинство сильное окружавшимъ его обаяніемъ: такъ царскій отрядъ, занимавшій Гродно, бѣжалъ изъ него, заслышавъ только о приближеніи Короля. Однако же, бѣдственное его положеніе не могло оставаться долгое время въ тайнѣ, и Хованскій — которому приданъ былъ въ помощь Нащекинъ —

стянувъ около 20,000 подъ Смоленскомъ, собирался встрѣтить Короля. Больно было для Польши, что даже Ханъ Крымскій — выславшій 40,000 войска въ Украйну — и Юрій Хмѣльницкій — сперва явный, теперь тайный врагъ ея — укоряли письмами начальника мятежнаго войска, Свидерскаго, учили его любви къ отечеству, выставляя на видъ и преступность и безславіе его съ товарищами поступка.

CXVI.

1662-й годъ.

Польша стояла на краю бездны, готовой поглотить все ея существованіе — и однако же, звѣзда судьбы ея сіяла, сіяла среди мрачныхъ тучъ, скопившихся вокругъ ея. Русскія войска не сумѣли, или не могли воспользоваться тогдашнимъ бѣдственнымъ ея положеніемъ; а междутѣмъ, нѣкоторые Литовскіе города, добровольно покорившіеся въ первую войну Россіи, видя теперь перевѣсъ на сторонѣ Польши — опасаясь сколько мести за измѣну, столько же наскучивъ грабежами Москвитянъ, обходившихся не всегда дружелюбно съ жителями — рѣшились возвратиться въ подданство королю.

Подобныя обстоятельства служили поводомъ къ востанію жителей Могилева, и къ избіенію находившагося въ немъ 2000 Московскаго гарнизона. Составился заговоръ, оставшійся — не смотря на участіе въ немъ множества лицъ — въ тайнѣ до послѣдней минуты. Утромъ, 1-го Февраля, загудѣли сигнальные колокола на Ратушѣ и Братской Колокольнѣ, и жители уже давно получившіе приказаніе быть

готовыми къ этому сроку вмѣстѣ съ плѣнными Поляками, выпущенными изъ острога, напали на улицахъ, базарахъ и домахъ на безоружныхъ Московскихъ солдатъ и истребили всѣхъ, кромѣ только, какъ говорятъ, одного изъ нихъ (260).

Получивъ извѣстіе о случившемся въ Могилевѣ, Король, мимо Вильна — Московскій гарнизонъ котораго, поспѣшно очистивъ городъ, удалился въ замокъ—пошелъ на Хованскаго. Выступая въ походъ, Король еще разъ отозвался къ Литовскому войску: въ выраженіяхъ кроткихъ, не упоминая ни слова объ упорствѣ его въ мятежѣ безславномъ Янъ Казиміръ призывалъ соединиться съ нимъ для защиты собственнаго же ихъ отечества. На этотъ разъ войско, внявъ словамъ своего Монарха, двинулось къ Полоцку, гдѣ былъ уже Хованскій, ожидавшій подкрѣпленій изъ области Сѣверской и Чернигова. Не смотря на то, что получилъ уже извѣстіе о пораженіи своего, подъ начальствомъ Полуектова, 6,000-го отряда, старавшагося занять переправу на Днѣпрѣ (261), Хованскій — избравъ позицію на Полоцкой дорогѣ подъ мѣстечкомъ Глубокимъ (262) — разсчитывая на превосходство своихъ силъ и артиллерію, которой не было у Короля (263), но не-обращая вниманія на упадокъ духа въ войскѣ, какъ бы влекомый несчастнымъ рокомъ, рѣшился на битву и — былъ снова разбитъ на голову Чарнецкимъ, потерялъ большую часть войска, весь обозъ, провіантъ и боевые снаряды. Нащекинъ заблаговременно бѣжалъ въ Полоцкъ; самъ же Хованскій — потерявшій сына и дважды тяжело раненный—едва спасся отъ плѣна, сорвавъ собственною рукою съ своей груди золотой

крестъ, за который уже хватался польскій воинъ (6-го ноября).

Оставалось лишь воспользоваться побѣдою и страхомъ, наведеннымъ на непріятеля; но войско снова отказалось итти впередъ и, не медля долго, поворотило назадъ; Король съ горестію возвратился въ Варшаву.

CXVII.

1663-й годъ.

Общія усилія знаменитыхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ успѣли наконецъ образумить мятежное войско, готовившее гибель собственному отечеству. И когда Янъ Казиміръ, употребляя послѣднія усилія противу Россіи, послалъ Потоцкаго, Чарнецкаго и Сабѣскаго на Волынь и Украйну, тогда войско Литовское — спѣша смыть съ себя безславіе за мятежъ и убіеніе гетмана Гасѣвскаго — пошло съ Гетманомъ Сапѣгою на встрѣчу 30,000 Россіянъ, осаждавшихъ Шкловъ и Быховъ; разбило подъ деревнею Вописки (?) 4000-й отрядъ ихъ, спѣшившихъ съ полковникомъ Брамунтомъ къ Быхову съ осадною артиллеріею, доставшеюся побѣдителямъ ([264]).

Не смотря на успѣхи Яна Казиміра въ Украйнѣ и Малороссіи тамъ не произошло ничего рѣшительнаго; потому что Бруховецкій и Ромадановскій, избѣгая рѣшительнаго сраженія, вели лишь войну оборонительную.

CXVIII.

1664-й годъ.

Однако, съ одной стороны—потеря Дѣвичь-города и Быхова и неудачи царскихъ воеводъ въ Украйнѣ; съ другой, крайнее истощеніе Польши — заставило обѣ стороны желать прекращенія войны тягостной. Могилевъ избранъ мѣстомъ для переговоровъ, куда въ ожиданіи открытія ихъ, прибылъ Янъ Казиміръ.

Печально было для Короля все время пребыванія его въ этомъ городѣ. Здѣсь получилъ онъ извѣстіе объ опасной болѣзни Королевы Маріи-Людовики, и въ бытность его страшный пожаръ опустошилъ этотъ городъ. Въ то время Могилевъ славился своею торговлею, былъ складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, привозимыхъ изъ Россіи. Скорбя о несчастіи жителей, и узнавъ, что здоровье Королевы не улучшается, Король, 20 апрѣля, выѣхалъ въ Минскъ, встрѣчая по пути разореніе и бѣдность, отряды войска во всемъ нуждавшагося; конницу безъ лошадей; а междутѣмъ война не кончилась, переговоры о мирѣ открывшіеся не въ Могилевѣ, а въ Красномъ-шли трудно, упорно и наконецъ не обѣщали счастливаго исхода — что́ дѣйствительно и оправдалось.

Равно обѣ державы, Россія и Польша, достигли отъ войны до крайняго изнеможенія. Не имѣя ни одного отличнаго полководца, который могъ бы равняться дарованіями съ Чарнецкимъ, Любомирскимъ, Вишневецкимъ и другими Польскими вождями, прославившими царствованіе Яна Казиміра; не нахо-

дя искуства и въ ближнихъ боярахъ завѣдовавшихъ внутреннимъ управленіемъ—Царь не могъ не почувствовать особеннымъ образомъ тягости этой борьбы долговременной. Польша, не взирая на неудачи Россіи, на воинскія дарованія Чарнецкаго, быстро утратила перевѣсъ, пріобрѣтенный ею въ первые четыре года. Она достигла высшей степени внутренняго разстройства отъ введенія права liberum veto. Рокоши или возстанія недовольныхъ противъ правительства были безпрерывны. Латинское духовенство явно проповѣдывало войну противъ диссидентовъ или иновѣрцевъ. Нельзя обвинять Казиміра въ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя терзали Польшу въ его правленіе: онъ былъ Государь, добрый, храбрый, дальновидный, и пожиналъ только то, что посѣяли его предшественники, вособенности Сигизмундъ III. Угадывая безнадежное состояніе королевства, его неизлечимые недуги, Казиміръ съ горестію торжественно предсказывалъ будущее, близкое паденіе, Польши.

CXIX.

Пользуясь бездѣйствіемъ Польши, занятой распрею Любомирскаго, царскіе воеводы успѣли снова въ 1665 г. овладѣть Полоцкомъ, Витебскомъ, Динабургомъ и всѣми городами Малороссійскими на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ новый гетманъ Брюховецкій, вытѣснивъ искателей булавы, согласился признать себя въ безусловномъ подданствѣ Россійскому Государю.

Въ это время князь Яковъ Кудсиковичъ Черкас-

скій охранялъ Россійско-Литовскую границу. Услышавъ о приближеніи сюда королевскаго войска, Черкасскій поспѣшилъ на встрѣчу и при мѣстечкѣ Кричевѣ нанесъ ему большой вредъ ([265]), зимою 1664 года. Лѣтомъ слѣдующаго 1665 года, Виленскій воевода, гетманъ Михаилъ Пацъ явился съ войскомъ на правой сторонѣ Днѣпра, подъ Шкловомъ. Черкасскій съ Прозоровскимъ и Воротынскимъ, занявъ Копысь и Шкловъ, сталъ противъ Паца на лѣвой сторонѣ Днѣпра и, 15 іюня, тайно переправясь чрезъ рѣку, сдѣлалъ сильное нападеніе на Поляковъ. Пацъ отступилъ отъ Шклова и пошелъ къ Могилеву, куда послѣдовалъ и Черкаскій. Здѣсь гетманъ занялъ городской валъ отъ Виленской заставы до рѣчки Дубровенки, а Черкасскій остановился на Виленскомъ полѣ. Битва продолжалась цѣлый день. Бой былъ не равный: Россіяне превосходили Поляковъ своею артиллеріею, Полякамъ угрожала неминуемая гибель; но ихъ спасло отчаяніе жителей Могилева. Они, страшась мщенія Русскихъ за недавнюю свою измѣну, приняли дѣятельное участіе въ сраженіи. На слѣдующее утро Могилевскіе пушкари выступили на Виленскій валъ съ городскими пушками, которыми причиняли не малый вредъ Русскимъ и около полудня, мѣткимъ выстрѣломъ въ шатеръ Черкасскаго, убили его во время обѣда. Смерть вождя окончила сраженіе: Россіяне, взявъ тѣло Черкасскаго, отступили къ Русской границѣ. Пацъ не преслѣдовалъ ихъ и пробылъ въ Могилевѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ: съ 17 іюня до октября ([266]).

CXX.

Занятые внутренними неустройствами, соперники вели войну слабо и неоднократно предлагали миръ. Переговоры тянулись цѣлые три года, и вѣроятно, при неуступчивости обѣихъ сторонъ, продлились бы еще нѣсколько лѣтъ, если бы вмѣшательство Турціи въ дѣла Малороссіи не ускорило развязки. Договоръ заключенъ въ Андрусовѣ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) прекратить военныя дѣйствія на 13 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, междутѣмъ условиться о вѣчномъ мирѣ: 2) Смоленскому и Сѣверскому княжествамъ остаться за Россіею; 3) Полоцкъ, Витебскъ и города южной Лифляндіи—именно нынѣшніе уѣзды Витебской губерніи Динабугскій, Люценскій и Рѣченскій, оставшіяся за Польшню по миру Оливскому въ 1660 г., занятые Русскими войсками—возвратить Польшѣ; 4) Днѣпръ да будетъ границею между владѣніями двухъ державъ въ Малороссіи; 5) Кіевъ возвратить Польшѣ чрезъ два года.

Тщетно уже Янъ Собѣсскій старался возвратить то, что взято было отъ Литвы Алексѣемъ Михайловичемъ, Варшавскій дворъ, пользуясь затруднительною войною Россіи съ Турціею, съ угрозами требовалъ возвращенія всѣхъ городовъ, покоренныхъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Но Ѳеодоръ Алексѣевичь былъ непреклоненъ, согласился только отдать Велижъ и Себѣжъ, завоеванные послѣ Андрусовскаго договора, и возобновить въ 1678 году перемиріе на 13 лѣтъ, въ теченіе коихъ положено было

условиться окончательно, при посредничествѣ другихъ державъ, о Кіевѣ и Заднѣпровской Украйнѣ; наконецъ, казалось навсегда примирились обѣ державы Московскимъ договоромъ 24 апрѣля 1636 г.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

Раздѣлъ Польши. — Присоединеніе Бѣлоруссіи къ Россіи. — Воеводства: Полоцкое, Витебское, Мстиславское, Лифляндское.

CXXI.

Московскимъ договоромъ кончилась вѣковая, продолжавшаяся 150 лѣтъ, борьба Россіи за Русь Литовскую и Малороссію. Бѣлоруссія однако, по причинѣ своего географическаго положенія, еще не перестала быть театромъ военныхъ дѣйствій, которыя открылись во время войны Петра и Августа II съ Карломъ XII. Преслѣдуя Августа, Карлъ XII исходилъ Польшу во всѣхъ направленіяхъ — отъ Нѣмана до Одера, отъ истоковъ Днѣстра до Двины — нигдѣ не встрѣчалъ отпора, и при всемъ томъ не могъ вытѣснить Августа изъ предѣловъ республики, чтобы отнять у него корону. Неутомимо преслѣдуемый изъ города въ городъ, изъ одной стороны въ другую, въ Литвѣ, въ Польшѣ, въ Волыни, въ Бѣлоруссіи, въ Саксоніи, Августъ тщетно напрягалъ всѣ силы, чтобы удержать на главѣ своей корону Собѣсскаго, увидѣлъ себя въ опасности потерять наслѣдственное государство, и принужденъ былъ наконецъ, въ угожденіе неумолимому сопернику, отказаться отъ Польскаго пре-

условиться окончательно, при [illegible]
гихъ державъ, о Кіевѣ и [illegible] вторгнуться
наконецъ, казалось [illegible] чрезъ Украйну и такъ ис-
жавы Московс[illegible] своихъ дѣйствій, что
[illegible] отгадать, какое направленіе
[illegible] армія. Междутѣмъ гетманъ Ма-
[illegible] заключилъ съ Королемъ Ста-
[illegible] тайный договоръ, съ тѣмъ, что всѣ
[illegible] Малороссійскіе соединятся съ Карломъ при
[illegible] его въ Россію, и потомъ останутся въ
[illegible] Польши; самъ же онъ получитъ Ви-
[illegible] и Полоцкъ, на правахъ герцога Курляндскаго. Петръ — не подозрѣвая ни измѣны Мазепы, ни истинныхъ плановъ Карла — сосредоточилъ всѣ свои силы въ окрестностяхъ Смоленска, не успѣлъ затруднить переправу Шведовъ чрезъ Березину при Головчинѣ (?), и чрезъ Днѣпръ при Могилевѣ. Въ томъ и другомъ мѣстѣ Карлъ легко разбилъ отдѣльные корпуса Русской арміи и вступилъ въ область Сѣверскую.

Здѣсь наконецъ обнаружилось истинное его направленіе. Петръ принялъ свои мѣры; сдвинулъ свои войска, сталъ во флангъ непріятельской арміи, шелъ съ нею рядомъ, тревожилъ ее непрестанно со всѣхъ сторонъ, истреблялъ отдѣлявшіеся отряды (вособенности при селѣ Добромъ, 29-го августа 1708 г.); и такъ усердно жегъ окрестные города и села, что Карлъ встрѣчалъ на пути одни развалины. Опасаясь погубить свое войско голодомъ, онъ далъ приказаніе Левенгаупту, шедшему изъ Лифляндіи съ огромнымъ обозомъ съѣстныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ, поспѣшить соединеніемъ съ главною арміею. Русскіе генералы, узнавъ о томъ,

жили послать нѣсколько полковъ на встрѣчу
нгаупту; чтобы истребить его корпусъ, прежде,
онъ соединится съ Карломъ (267).

Предпріятіе было такъ важно, такъ много обѣщало выгодъ, что Петръ взялъ исполненіе его на себя, и едва не упустилъ Левенгаупта. Проводникъ, Еврей, подосланный Шведами, повелъ его по ложному направленію къ Смоленску, увѣряя, что тамъ онъ встрѣтитъ непріятеля, междутѣмъ, какъ Левенгауптъ, слѣдуя другимъ путемъ, былъ уже въ окрестностяхъ Могилева, въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Шведской арміи. Къ счастію, Петръ замѣтилъ свою ошибку заблаговременно, поворотилъ свое войско, пустился по слѣдамъ Шведскаго генерала, настигъ его недалеко отъ Пропойска, мѣстечка Быховскаго уѣзда, при деревнѣ Лѣсной, принудилъ къ битвѣ (28 сентября 1708 г.) и — не взирая на превосходство силъ, на отчаянную храбрость непріятеля — разбилъ его на голову, такъ, что Левенгауптъ потерялъ болѣе половины своего корпуса со всѣмъ обозомъ, и явился въ королевскій лагерь бѣглецомъ. Еще Карлъ надѣялся поправить затруднительное свое положеніе въ Малороссіи, куда неотступно звалъ его Мазепа.

CXXII.

Преслѣдованіе православныхъ въ Литовскомъ княжествѣ, начавшись Уніею, продолжалось въ XVII столѣтіи подъ разными предлогами; впрочемъ на сеймахъ все еще говорили о равенствѣ правъ: Короли все еще обѣщали защиту иновѣрцамъ. Съ

1717 года само правительство Польское стало издавать строгіе законы противъ диссидентовъ, называя такъ всѣхъ вообще некатоликовъ: имъ запрещено было строить новыя церкви, поправлять ветхія; въ слѣдъ за тѣмъ у нихъ отнято право участвовать на сеймикахъ для избранія депутатовъ на общій сеймъ; еще суровѣе было распоряженіе 1773 года, когда сеймъ постановилъ устранить диссидентовъ отъ всѣхъ должностей общественныхъ (268).

Восшествіе Станислава-Августа на престолъ, пробудило надежду въ многочисленныхъ обитателяхъ Литовскаго княжества православнаго закона найти въ Королѣ покровителя ихъ правъ гражданскихъ и религіозныхъ. Эта надежда съ живѣйшею силою выразилась въ прекрасномъ словѣ Бѣлорусскаго епископа Георгія Конисскаго, сказанномъ Станиславу-Августу въ видѣ привѣтствія, по случаю вступленія на Престолъ. Съ трогательнымъ краснорѣчіемъ, Георгій изобразилъ всю тягость страданій православнаго народа и всю несправедливость Польскаго правительства. Рѣчь его обратила на себя вниманіе всей Европы: ее переводили на всѣ языки и читали съ умиленіемъ (269).

Однакоже дѣла не улучшались, кровавыя внутреннія распри болѣе и болѣе разгорались въ Польшѣ, гдѣ возникло множество конфедерацій. Правда волненіе было подавлено, права диссидентовъ восстановлены сеймомъ 13 февраля 1768 года; но кровавое междоусобіе, слѣдствіе конфедерацій, изнурило несчастную Польшу до самаго крайняго изнеможенія. Она утратила послѣднія силы, всѣ узы общественнаго порядка рушились, и то, что за сто

лѣтъ говорилъ Янъ Казиміръ, должно было совершиться. «Придетъ время, сказалъ онъ въ 1661 году на сеймѣ Варшавскомъ, когда Рѣчь Посполитая, ослабленная собственными раздорами, сдѣлается добычею сосѣдей: Бранденбургія возметъ Пруссію, Москва Русь Бѣлую, Австрія Краковъ. О! да буду я лжепророкомъ! (O utinam sim falsus vetes!)»

Предсказаніе Яна Казиміра едва дважды не исполнилось еще въ XVII столѣтіи и мысль о Польскомъ раздѣлѣ не исчезала съ тѣхъ поръ; но истиннымъ исполнителемъ предвидѣнія Яна Казаміра былъ Фридрихъ II. По предложенію его, три двора Росскій, Австрійскій и Прусскій согласились между собою раздѣлить Польшу, и по первому ея раздѣлу, 25 іюля 1772 г. къ Россіи присоединена Бѣлоруссія т. е. земли между западною Двиною, Днѣпромъ и Друтью и Польская Лифляндія (Inflanty).

CXXIII.

Нынѣшнія Витебская и Могилевская губерніи, извѣстныя подъ именемъ Бѣлорусскихъ или Бѣлоруссіи, въ послѣднее время Польскаго владычества подраздѣлялись на четыре воеводства: Полоцкое, Витебское, Мстиславское и Лифляндское (Inflanty) называвшееся также и княжествомъ.

Полоцкое воеводство заключало въ себѣ нынѣшніе уѣзды: Полоцкій, Дрисскій, Лепельскій, Себѣжскій, часть Городецкаго Витебской губерніи, Дисенскій Виленской и часть Сѣнскаго Могилевской губерніи. Полоцкъ былъ главнымъ городомъ воеводства, въ которомъ находились слѣдующіе города и

мѣстечки: Дзисна, Дрисса, Придруйскъ, Глубокое, Березбечь, Лужки, Мосаръ, Прозорки, Міоры, Плисса, Лепель, Чашники, Ула, Ушачь, Суша, Туровля, Красный, Воронецъ, Соколъ, Ситна, Козяны, Освей и другіе (270).

Витебское воеводство подраздѣлялось на два уѣзда: Витебскій и Оршанскій. Въ первомъ заключались слѣдующіе нынѣшніе уѣзды Витебской губерніи: Витебскій, Сурожскій, Невельскій, Велижской часть Лепельскаго и Городецкаго и часть Сѣнскаго Могилевской губерніи; ко второму принадлежали: Оршанскій, Копыскій, Чаусовскій (Горы великіе), часть Сѣнскаго (Лукомль), Климовецкаго (Кадзимъ) и Могилевскаго, и Борисовскій уѣздъ Минской губерніи (271).

Мстиславское воеводство заключало въ себѣ нынѣшніе уѣзды: Мстиславскій, Чериковскій, Климовецкій, Могилевскій (Могилевъ), Чаускій (Дрыбинъ), часть Быховскаго (Старый и Новый Быховъ) и еще Краснополье и Радзивиллово. Уѣзды: Гомельскій и Рогачевскій, а такъ же мѣстечко Пропойскъ Быховскаго уѣзда принадлежали къ Рѣчицкому уѣзду Минскаго воеводства (272).

Воеводство или княжество Лифляндское, извѣстное еще подъ именемъ Польской Лифляндіи (Inflanty Polskie), подраздѣлялось на четыре, такъ называемые, *тракты* (273): Динабургскій, Рѣжицкій, Люценскій и Маріенгузскій; нынѣ состоитъ изъ Динабургскаго, Люценскаго и Рѣжицкако уѣздовъ Витебской губерніи. Это часть Ливоніи остававшаяся за Польшею до послѣдняго времени, и по перво-

му ея раздѣлу, вмѣстѣ съ Бѣлоруссіею, присоединеная къ Россіи.

Этимъ и покончимъ обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи. Неотрадна ея прошедшая судьба: вѣчное поприще военной брани, при которой беззащитный здѣшній земледѣлецъ безпрестанно переходилъ съ новоселья на пепелищѣ. До принесенія сюда свѣта христіанства и съ нимъ первыхъ лучей гражданственности, это былъ край наживы и покормки для сосѣднихъ народовъ; потомъ, кровавое позорище братнихъ междоусобій; затѣмъ, новыя войны между установившимися вокругъ государствами, новыя движенія ратей, оставлявшихъ за собою кучи пепла и потоки крови. Это поприще вѣковыхъ состязаній, это перепутье могучихъ соперниковъ, безпрерывно ратовавшихъ и ходившихъ другъ на друга; эта великая могила ихъ ратей несмѣтныхъ: могла ль она зародить въ себѣ стихіи порядка, образованности и благосостоянія — что́ есть удѣломъ странъ счастливыхъ?

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Большая пуща—*полѣсье*, простирающееся по границамъ губерній Волынской и Минской; а обширное скопище водъ — Пинскія болота (Буддинское озеро). *Н. Надеждина:* Геродотова Скиѳія въ *Зап. Одес. Общ. Истор. и Древн.* Одесса 1844 г. Т. I, стр. 92.

2) А по мнѣнію Надеждина Геродотъ видѣлъ не самый Днѣпръ, а Березань.

3) Курганъ, по объясненію *Кеппена*, слово татарское: *куръ*—насыпь, *ханъ* или *ганъ*—смерть.

4) Это преданіе заимствовано изъ рукописной лѣтописи, написанной по-славянски въ XIV или XV столѣтіи, какимъ-то *Дубровскимъ* или *Домбровскимъ*, которая отъ Іезуитовъ Могилевскихъ перешла къ первому намѣстнику Бѣлорусскаго края, гр. Чернышеву. Не знаемъ гдѣ теперь самый оригиналъ, копію же съ него Нарбутъ видѣлъ въ 1811 г. въ г. Старомъ Быховѣ у доктора Геннера, у котораго онъ и сдѣлалъ выписку о курганахъ, только что приведенную нами почти въ подстрочномъ переводѣ. *Narbutt Dz. Star. Nar. Lit.* Wil. 1837 г. II, 547—556.

5) Изслѣдованіемъ Могилевскихъ кургановъ, занимался историкъ *Нарбутъ*, посѣщавшій Могилев. губ., и именно гг. С. Быховъ и Рогачевъ, въ качествѣ военнаго инженера въ 1810 и 1811 годахъ. Вотъ результаты его изслѣдованій: а) По преданію народа курганы суть могилы. Земля составляющая насыпь, курганъ (tumulus) была приносима съ другаго мѣста, а не выкапываема тутъ же. б) Въ раскопанныхъ имъ курганахъ не нашелъ ничего: ни костей, ни золы и углей, ни окаменѣлостей, ни другихъ какихъ либо предметовъ. в) Форма кургановъ: эллиптическая, нѣсколько сплюснутая въ горизонтальномъ, и часть круга въ поперѣчномъ разрѣзѣ. г) Величина различна. Два кургана самые большіе, стоявшіе въ парѣ, въ разстояніи 10 ф. одинъ отъ другаго, имѣли слѣдующіе размѣры: бо́льшій поперечникъ основанія 22 ф., меньшій 12.; высота 12½ ф. Размѣръ меньшихъ: поперечникъ основанія 3½ и 1½, высота отъ 1½ до 2½ ф. Между ними бываютъ и средніе. д) Курганы встрѣчаются повсемѣстно, но преимущественно вблизи жилищъ или въ мѣстахъ способныхъ къ этому. *Narb.* II, 547—556.—Къ этому не лишнимъ считаемъ присовокупить съ своей стороны, что намъ удалось видѣть у нѣкоторыхъ помѣщиковъ въ Быховскомъ уѣздѣ каменное долото и топорокъ, ожерелья и головныя женскія украшенія изъ бронзы, формою различныя отъ такихъ же, находимыхъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Лемехъ земледѣльца, распахивающаго нынѣ эти курганы, вынесъ упомянутые предметы изъ могильнаго мрака.

6) *Narbutt.* II, 555.

7) Ragas—по-Литовски алтарь, жертвенникъ.

8) Въ Бабруйскомъ уѣздѣ Мин. губ., т. е. въ землѣ Дреговичей, между рр. Птичью и Орессою, находится множество древнихъ кургановъ, стоящихъ уединенно, семействами и даже цѣлыми селеніями, въ двѣ и три линіи. Вершина каждаго кургана состоитъ изъ впадины — признакъ, что мертыхъ засыпали землею въ сидячемъ положеніи, по мѣрѣ растлѣнія тѣла земля осаживается внизъ. Слышалъ я отъ помѣщика тѣхъ странъ, разрывшаго въ 1818 г. два такихъ кургана, что въ одномъ изъ нихъ нашелъ золотыя слезки и въ обоихъ по одной головѣ, изъ которыхъ одна довольно сохранилась: выпуклость и величина черепа были болѣе обыкновеннаго, лобъ длинный но узкій, а зубы кругловатые.—Изслѣдованіемъ кургановъ Минской губерніи наиболѣе занимался графъ Евстафій *Тышкевичъ*.

9) *J. Lelewel:* Polska wieków Srednich. Poznań 1846 г. I, 425—426.

10) Сѣвер. и сѣверозапад. часть Витеб. губ. именно Динаб., Люц. и Рѣжиц. уѣзды—и смежные уѣзды Псков. губ тоже усѣяны кургановидными могилами. Большихъ холмовидныхъ могилъ или кургановъ, подобныхъ Могилевскимъ, по эст. Wannekupat, тутъ очень мало. Преимущественно попадаются малые, изъ которыхъ нѣкоторые называются Латышами Kriwe-Kopre (русскій копецъ), иногда встрѣчаются и tumuli polyandri. Почти въ каждомъ курганѣ находятся древніе предметы вооруженія и украшенія. Изслѣдованіемъ Витебскихъ кургановъ занимался *А. Платеръ* — см. Rubon: кн. VI, VII и VIII за 1845, 1846 и 47-й гг. — труды котораго могутъ служить достойнымъ дополненіемъ *Фр. Крузе:* Necrolivonica oder Alterthümer Liv- Est- und Kurlands, Dorpat 1842 — и *Бреккелю:* Nachtrag zu dem Aufsatze, zur Kenntnis

der Alterthümer etc. Любопытны весьма недавнія изслѣдованія *Dubois de Montpéreux* см. въ Annuaire de Voyages et de la Géographie par une réunion de Géographes et de Voyageurs, sous la direction de M. Frédéric Lacroix. Paris за 1845 и 46-й его двѣ статьи: De Tumulus, des forts et des remparts de la Russie occidentale. Кромѣ кургановъ собственно могильныхъ авторъ различаетъ еще три рода ихъ: тріумфальные или трофеальные, пирейскіе (tumulus-pyrées) и сторожевые или телеграфы (tumulus télégraphes).

11) Славянскія древности. перев. *Бодзянскаго*. Москва 1838 г.

12) Для приготовленія поташа въ Бѣлоруссіи (съ XVII с.) помѣщики начали возводить большія или меньшія строенія. Эти поташенные заводы и называются въ Бѣлоруссіи *будами*, отъ поль. слова budować и бѣлорус. будоваць, отсюда *буда* строеніе, и уменьшительное отъ него въ поль. budynek и въ бѣлорус. *будынакъ*. При заводахъ жили приписные мастеровые и рабочіе, и по прекращеніи производства остались большіе или меньшіе деревни съ прозваніемъ *будъ:* при нѣкоторыхъ изъ нихъ еще и до настоящаго времени видны кучи золы или браку.

Относительно Будиновъ Шафарику, быть можетъ, удобнѣе было бы указать на *Будогощь*, селеніе въ Могилев. уѣздѣ. Возлѣ Будиновъ жили Гелоны, у которыхъ была столица, деревянный городъ *Гелонось*. Вотъ опять же, въ Могилев. губ. въ Сѣнскомъ уѣздѣ, есть двѣ деревни: *Гилянь* и *Гилья*, изъ которыхъ первую можно уподобить Гелоносу или Гелону, а вторую приэвксинскому, упоминаемому *Геродотомъ*, городу *Гильи*. — Второе происхожденіе будъ слѣдующее. Страна была чрезвычайно лѣсиста, съ XVI

столѣтія помѣщики стали призывать переселенцевъ, которые врубались въ лѣса, ставили тамъ свои шалаши или *буды* — таково начало селеній *буды* и жителей ихъ *будниковъ*, встрѣчающихся почти во всѣхъ западныхъ губерніяхъ.

13) См. въ высшей степени важное для исторіи Славянъ вообще, а Россіи и Польши вособенности, недавно вышедшее сочиненіе *Joachima Lelewela:* Narody na ziemiach sławianskich etc. Poznań 1853 г.

14) Даки и Геты одинъ и тотъ же народъ, котораго Римляне называли Даками, а Греки Гетами.

15) Изображенъ на колоннѣ Траяновой.

16) Это названіе, какъ думаетъ *Лелевель* ibid. занято изъ какой нибудь греческой повѣсти, или изъ какого нибудь греческаго сочиненія: (греч.) *petao* extendo, *poreia* gressus, *porsos* qui traicit, *porro* procul in exteriorem partem, *poria* abundantia.

17) *Бріа* на языкѣ Ѳракійцевъ городъ.

18) *J. Lelewel* ibid. стр. 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487. 597—569.

19) Смѣемъ думать, что древнее названіе З. Двины — *Рубонъ* дано ей первыми выходцами изъ Даціи, съ береговъ Рабона, которыхъ соплеменники, прибывшіе одновременно съ ними съ береговъ Тіарантуса, прозвали этимъ именемъ притокъ Двины, р. Полоту, см. пр. 28.

20) *Lelewel.* 487—488. *Hesichius* увѣряетъ, что *дава*, *дева* на языкѣ Дакогетовъ означало городъ.

Въ Могилев. губ. три деревни *Оссовы* и два *Оссовца* напоминаютъ своимъ названіемъ одинъ изъ Паннонскихъ народовъ *Оссовъ* (Ossi), которые, стѣсненные напоромъ Галловъ (396—386), вышли за Герцингскія горы, были кажется и около Кракова, а быть можетъ, часть ихъ забрела и въ нынѣш. Бѣлоруссію; по крайней мѣрѣ протекавшая чрезъ ихъ землю р. *Стридонъ* отзывается въ р. *Страданъ* впад. въ оз. *Нещердо* въ уѣз. Полоц. Женщины этихъ деревень отличаются особымъ головнымъ уборомъ.

21) *Jordanes* de reb. get. 5. — *Шафарикъ* I приб. 10.

22) *Procop.* de bello goth. I. 27; utrasque enim appelavit *sporos* antiquitas, ob id, opinor, quia sparsim et rare positis tabernaculis regionem obtinent: quo fit ut magnam occupent spatium ibid. III. 14., IV, 4.

23) Тамъ же.

24) Къ числу подобнаго рода названій можно бы отнести рѣки: Ит*уть* впад. въ Днѣпръ въ Смолен. губ.; *Уть*, Ип*уть*, Хроп*уть* впад. въ Сожъ притокъ Днѣпра въ Могилев, и Др*уть* впад. въ Днѣпръ.

25) *Lelewel.* 560—567.

26) Есть еще два или три *Дунайца* въ губ. Могилев. Есть основаніе предполагать, что когда-то и сама р. Сожъ называлась Дунаемъ: слышалъ я, что нѣкоторые изъ ея рукавовъ или лахвъ назывались прежде *Дунайцами*, а ея притокъ Бѣсядь называется *За*дункою.

27) *Lelewel.* 591.

28) У *Нестора:* «рѣчки ради, яже течетъ въ Двину, именемъ Полота, отъ нея прозвашеся Полочане...» Нѣкоторые же, вопреки этому выразительному свидѣтельству, производятъ Полочанъ отъ Полянъ, см. *Жур. Мин. Нар. Пр.* 1834. за Апрѣль с. 39. Гр. *М. Борхъ* — см. Rubon ч. III и IV — занимался изслѣдованіемъ названій, носимыхъ З. Двиною въ древности и пришелъ къ тому результату, что рр. Ериданъ, Танаисъ, Рубонъ, Хезинусъ, Турунтусъ, Руданъ — помѣщаемыя древними писателями, начиная отъ Гезіода и Гомера до Птоломѣя, Геродота и Мартіана Гераклійскаго, — на баснословномъ сѣверѣ относились къ З. Двинѣ, часть которой въ землѣ Куроновъ (Курляндіи) называлась *Korax*, въ средніе вѣка въ Исландскихъ Сагахъ названа *Дикою* (Dina) и Нѣмцами *Дюною* (Düna). Но всего замѣчательнѣе то, что̀ древняя рѣка *Turuntus*, которую уже *D'Anville* хотѣлъ отнести къ З. Двинѣ, дѣйствительно существуетъ до нынѣ въ Бѣлоруссіи: р. Полота, вособенности въ ея верховомъ теченіи, называется въ Полоцкомъ уѣздѣ крестьянами *Тарантусомъ* (Turuntus)! Латыши называютъ Двину *Daugawa*. *Борхъ* старался филологически объяснить значеніе этого названія; но бѣдность Латышскаго нарѣчія помѣшала ему въ этомъ. Не лучше ли производить названіе Daugawa отъ Литовскихъ словъ: *daug* много, *givenu* жить — то Daugawa въ этомъ случаѣ означала бы рѣку, берега которой очень населены — чему впрочемъ не противорѣчитъ и исторія. Еще до настоящаго времени Двина сохраняетъ свое древнее названіе — *Рубонъ:* между Красловкою и Крейцбургомъ въ Витеб. губ. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего теченія. Двина именуется то *тихою*, то *громкою Рубою! А. Платеръ* производитъ названіе Рубонъ отъ славянскаго слова *рубѣжъ* (въ смыслѣ грань,

граница) — названіе будто бы данное ей Славянами еще въ древности. См. *Rubon* чч. I, III, IV.

29) *С. Соловьевъ:* Рус. Ист. Москва. 1854 г. I. пр. 43.

30) Г. *Narbutt:* Dzieje Starözytne Narodu Litewskiego. Wilno 1837, II. 476.

31) Записка *Микуцкаго* въ Извѣстіяхъ II Отд. Импер. Акад. Наукъ.

32) *Шлёцеръ* не можетъ рѣшиться (стр. 105) къ какому народу причислить Кривичей: были ль они, спрашиваетъ онъ, Латыши или Литовцы? — что можно задать себѣ смотря на географическое положеніе ихъ края. Въ такомъ недоумѣніи былъ Шлёцеръ, хотя и смѣшнымъ ему казалось, говоря о Кривичахъ, думать въ то же время о Прусскомъ верховномъ жрецѣ. Языкъ Кривичей не чисто славянскій (?); но, по замѣчанію Шлёцера, родственный съ нимъ во второй степени.

33) *Н. Надеждинъ* — въ Зап. Одес. Общ. Истор. и Древн. I стр. 101. — Греки жителей дальняго крайняго сѣвера называли Гипербореями, Нѣмцы въ средніе вѣки Нордманнами, Славяне же, какъ думаетъ Надеждинъ, имѣли равнозначущія названія Сѣверянъ и Кривичей: «наше названіе Сѣверъ, говоритъ онъ, въ первоначальномъ смыслѣ вѣтеръ, дующій съ полночи и имя *Кривичь* или *Криванъ* имѣетъ подобное же значеніе на всемъ пространствѣ Балканскаго полуострова, не только у Славянъ, но и у Румуновъ и Мадьяръ такъ называется вѣтеръ, отличающійся отъ *Боры* нѣсколько косвеннымъ направленіемъ, именно къ С. В.» Не мѣшаетъ имѣть въ виду, что одна изъ юж-

ныхъ вершинъ Татранскихъ горъ носитъ названіе *Кривакъ;* могло статься, что отъ нея получилъ прозваніе вѣтеръ на Балканскомъ полуостровѣ.

34) *Шафарикъ* никоимъ образомъ не согласенъ на такое производство; но это потому, что онъ Славянъ не производитъ отъ Дакогетовъ, а считаетъ ихъ старожилами, жившими на своихъ мѣстахъ даже во время Геродота. Кривичей отъ Кровызовъ производятъ: *Köppen:* Ueb. Altherth, und Kunst in Russl. Wien 1822. стр. 7 и *Lelewel* Wiadom. o narod. star. 4.

35) *Миллеръ*, Orig. Rus. p. 19, напалъ на мысль о религіозномъ единствѣ Кривичей съ Литовцами. *Карамзинъ* I. 81 нашелъ въ своихъ источникахъ, что Славяне, ближайшіе къ Литовцамъ, ходили на поклоненіе въ храмы, слывшіе святостію въ Куроніи и Жмуди.

36) Похороны Бѣлоруссы называютъ *хаутурами:* у Литовцевъ chauturas былъ религіозный обрядъ поминовенія родныхъ и предковъ, справлявшійся въ октябрѣ — см. *у Narb.* I. слово chauturas. Близь м. Друи, на днѣ одного осушеннаго озера найденъ бронзовый истуканъ, представлявшій на трехъугольномъ пьедесталѣ группу изъ трехъ фигуръ, обращенныхъ одна къ другой плечами и обведенныхъ подъ мышками однимъ общимъ ободомъ, на которомъ руническими буквами начертано *Triona*, бывшая, какъ извѣстно, въ религіи Литовцевъ нѣчто въ родѣ языческой Тройцы (Тріопа — три знака), въ честь которой справлялись веселыя игры.... *тамъ же* — I 37.

37) *Narb.* II. 476.

38) Полочане знакомы были еще *Іорнанду* гл. 5 подъ именемъ *Хриновъ* или *Криновъ; Narbutt:* Dz. Staz. Nar. Lit. III, 324 предполагаетъ основаніе Витебска выходцами изъ г. *Висби*, что на Готландѣ. Если такъ, то какъ знать, быть можетъ наоборотъ, Висби построенъ выходцами изъ Витебска.

39) *Зябловскаго* — Землеописаніе III. 37. *Нарушевичъ* Hist. Nar. Pols., I. 576 едва ли не ошибочно усматриваетъ колонію Кривичей надъ р. Горынью.

40) *С. Соловьевъ:* Исторія Рос. I. 45.

41) *Длугошъ* находитъ Радимичей надъ р. Саномъ и производитъ ихъ отъ Поляковъ. Кромѣ этого *Нарушевичъ* у Длугоша же находитъ еще второе мѣстожительство Радимичей надъ р. Бугомъ въ Белзскомъ воеводствѣ и отчасти въ землѣ Хелмской. Невозможно прослѣдить передвиженіе племенъ, быть можетъ *Радомль* въ 60 верстахъ отъ Кіева надъ Днѣпромъ было третьимъ мѣстожительствомъ Радимичей, откуда они пришли на Сожь и построили Радомль. Надъ р. Саномъ, между Ярославлемъ и Перемышлемъ, гдѣ, по Длугошу, обитали Радимичи есть мѣстечко *Радимнъ* или *Радимно*.

42) До настоящаго времени оба слова сохранились въ употребленіи между Бѣлоруссами слово *тризнить*— врать, говорить не кстати, бредить; *страва* же означаетъ яство, кушанье.

43) *Соловьевъ* I. 62.

44) *Ѳ. Булгаринъ* Россія въ историческомъ, статистическомъ и т. д. С. Петербургъ 1837 г., IV, с. 79. *Narb.* III 262—263.

45) *Adam Bremensis* de situ Daniae Lib. II. 13.— *Helmold*. Lib. I. 1. *Narb*. III, 324. *J. Potocki*: Histoire primtitve des peuples de la Russie. St. Pétersbourg 1802.

46) Какъ думаетъ *Шафарикъ*. — Рагнаръ, славный конунгъ и неустрашимый викингъ окончилъ жизнь въ Шотландіи. Наконецъ побѣжденный попался въ плѣнъ; безчеловѣчный побѣдитель вбросилъ его въ мрачную пещеру на жертву змѣямъ и гадинамъ. Въ этомъ ужасномъ гробѣ Рагнаръ, какъ неустрашимый берцеркиръ и вмѣстѣ славный скальдъ, не упалъ духомъ, и самъ слагаетъ предсмертную пѣснь, въ которой воспѣваетъ подвиги своей богатой приключеніями жизни. Въ этой пѣснѣ или загѣ 28 строфъ, въ третьей изъ нихъ упоминается З. Двина (Dina), а въ четвертой р. *Ивикшта*, впадающая въ Двину въ Динабургскомъ уѣздѣ. Въ загѣ Ивикшта названа *Ifa*, но и нынѣ она Нѣмцами въ Лифляндіи называется *Ifst* или *Iwst*. *X. Marmier*: Lettres sur l'Islande. Paris, 1837. Сага эта переведена на Латинской языкъ Шатобріаномъ (pugnarimus ensibus). *Chateaubriand:* Oeuvres complètes. édit. Furne III.

47) *Булгаринъ* IV. 79—80.

48) Гдѣ нынѣ деревня Царьградъ, при впаденіи р. Иглоны въ З. Двину см. еще *Büsching:* Erdbeschreibung. T. I. 1027.

49) *T. Czacki:* o Prawach. I. 8. *Narb*. III, 316.

50) *Арцыбышевъ* въ *Моск. Вѣст.* 1828 г. ч. XII, 66, относитъ время основанія Полоцка, только къ эпохѣ Рюрика. Отчего бы и не доказать.

51) Что такое *щлягъ*? По *Карамзину* монета, тоже что Нѣмец. schilling и Польс. szelag. Но *Арцыбышевъ*,— Москов. Вѣст. 1828 г., XII. 76 — говоритъ, что слово щлягъ происходитъ отъ Швед. или Варягорус. Skinn кожа (по Англ. Skin); въ Нѣмец. осталость оно въ Schinden сдирать кожу; что присоединивъ къ древ. Нѣм. schin кожа, уменьш. ling—составится schilling, а у насъ въ *шеляги*, *щляги*, и данное уже послѣ монетѣ; слѣдовательно *щлягъ* у Нестора, не монета, а шкурка звѣриная. Да и самъ лѣтописецъ сказалъ сначала, что Козары обложили ихъ (Радимичей) только вѣверицами (*Лаврентьев.* 12) «а Козары имаху на Полянахъ и на Сѣверянахъ и на Вятичахъ имаху по бѣлѣ и вѣвѣрицѣ отъ дыма; а Олегъ на Древлянахъ по черной кунѣ (по *Радзивил*).» Что въ древней Руси деньги металлическіе были извѣстны и ходили на вѣсъ, такъ доказательствомъ этому можетъ служить слово *золотникъ*, которымъ означали тогда Византійскіе солиды, и вмѣстѣ съ этимъ извѣстный вѣсъ, равный 70 гранамъ; см. *Круга* Крит. розъиск. о древ Рус. монет. 118—119. *Григорьевъ:*—о Куф. мон. въ *Зап. Одес. Общ. Истор. и Древн.* I Одесса 1844. 165 пр. 168—выражая убѣжденіе, что Славяне съ древнѣйшихъ временъ были знакомы съ монетою Англосаксовъ, говоритъ: «Сомнѣваться въ этомъ можно было только покуда думали, что въ IX и X столѣтіи не было звонкой монеты въ за-Днѣпровской Руси; теперь же, когда находками Восточныхъ и другихъ монетъ неопровержимо доказано противное, объясненіе этого слова въ лѣтописи не представляетъ болѣе прежнихъ затрудненій. Если *шеляги* и не были монетою Англосаксонскую (Scylling), такъ могли быть азіятскими диргемами. Мое мнѣніе то, что слово *шеляги*, означало Англосаксонскою монету только первоначально, въ послѣдствіи же значеніе его могло быть распространено вообще на метал-

лическія деньги, какому бы народу они не принадлежали, и какое бы имя не носили въ своемъ отечествѣ». См. ниже прим. 70.

52) *Соф. Врем.* 53.

53) *Ѳ. Булгаринъ.*—IV 79—80.—Опираясь на слѣдующее мѣсто *Соф. Врем.* «Бѣ бо Рогвольдъ пришелъ изъ за моря, имѣя власть свою Полтескъ, а Туровъ Туровѣ, отъ него же и Туровица прозвашася.....» — считаетъ Рогволода владѣтельнымъ княземъ не по милости Рюрикова дома, а утвердившагося въ Полоцкѣ или силою оружія или избраніемъ народа. Но, изъ словъ источника видѣнъ лишь фактъ и ничего о происхожденіи правъ Рогволодовыхъ на Полоцкъ, — что̀ весьма ясно объясняется слѣдующимъ мѣстомъ Олегова договора: «заповѣди Олегъ даяти уклады на Русскіе грады первое на Кіевъ, на Черниговъ, на Переяславль, на Полтескъ, на Ростовъ, на Любечь и прочіе грады». Слѣдовательно Полоцкъ зависѣлъ отъ Олега.

54) *Бутковъ:* Оборона лѣтописи Русской. С. Петербургъ 1840 пр. 160.

55) Въ *Троицк.*: «не хочу изути рабынича....» Владиміръ, какъ извѣстно, родился отъ ключницы. По древнему обычаю многихъ народовъ новобрачная на свадьбѣ или въ первую ночь разувала мужа—обычай, еще донынѣ существующій въ Бѣлоруссіи.

56) Въ *прод. Нест.* (с. 185) сказано: «Добрыня поноси дщери его и повелѣ Володимеру быти съ нею предъ отцемъ ея и матерію и потомъ отца уби». Спра-

ведливо ли это гнусное обвиненіе? спрашиваетъ *Карамз.* I пр. 420—421.

57) *Татищевъ* безъ всякаго основанія говоритъ будто Рогволодъ пришелъ еще съ Рюрикомъ—за 118 лѣтъ предъ симъ! Но за то справедливо другое замѣчаніе Татищева, что вражда Ярополка съ Владиміромъ и бракъ втораго съ Рогнѣдою случились прежде 980 г., соображая показаніе возроста Ярославова, онъ былъ третій сынъ отъ Рогнѣды и въ 1016 году, слѣдуя Нестору, ему было 38 лѣтъ.

58) Въ печат. Нест. рѣчь Изяслава взята изъ *Никон. лѣт.* «егда одинъ жити хощеши, или безсмертенъ мнишися? пріими мечь сей, вонзи прежде въ утробу мою, да не вижу азъ смерти матери моея»! По древнимъ спискамъ Нестора и по самому Кенигсбергскому, этотъ самый юный Князь говоритъ только: «отче! егда единъ мнишися ходя?» Владиміръ отвѣтствовалъ: «а кто тя мнилъ сдѣ?» *Карамз.* I пр. 339.

59) Нынѣшній *Заславль* близь Минска.

60) «Посла (Владиміръ послѣ крещенія) къ женѣ своей Рогнѣдѣ, глаголя сице: азъ убо нынѣ крещенъ есмь, и пріяхъ вѣру и законъ Христіанскій, подобаше ми едину жену имѣти, ею же поялъ въ христіанствѣ. Избери убо себѣ отъ вельможъ моихъ его же хощеши, да съчетаю тя ему. Она же отвѣщаша рече ему: или ты единъ хощеши царствіе земное и небесное въспріяти, а мнѣ маловременныхъ сихъ и будущаго дати не хощеши. Ты бо отступи отъ идольскія прелести въ сыновленіе Божіе, азъ же бывъ царицею, не хощю раба быти земному царю, ни князю, но уне

вѣститися хощю Христови, и въспріиму ангельскій образъ».

61) *Карамз.* I.

62) Рѣчка Пещана вытекаетъ изъ болота, называемаго *Долгимъ островомъ* въ Быховскомъ уѣздѣ, и протекши 15 верстъ впадаетъ въ р. Сожъ недалеко отъ м. Пропойска того же уѣзда.

63) *Карамз.* И. Г. Р. II прим. 20 «призва его (Ярославъ Брячислава) и вда ему два града *Свячь* и *Вибдескъ*, и рече ему: буди же со мною одинъ. И воеваша Брячеславъ съ Ярославомъ по дни живота своего».

64) О ненависти Полоцкихъ князей къ потомству Ярослава см. у *Нестора* стр. 116, 186.

65) Въ *харат.* «Матери бо родивши бысть ему (Всеславу) язвено на головѣ его; рекоше бо волсви матери его: *се язвено: навлажи нань, носить ѐ до живота своего* — еже носитъ Всеславъ и до сего дне».

66) «Ярославичи тріе.... идоша на Всеслава.... и придоша къ Мѣньску.... взяша.... и поидоша къ *Немизѣ*». *Татищевъ* (II. 119) думалъ тутъ о р. Нѣманѣ, съ чѣмъ согласенъ и *Арцыбышевъ* (II. 143), особенно по поводу слѣд. мѣста въ *Словѣ о Полку Игоревѣ*: «разшибе (Всеславъ) славу Ярославу, скочи вълкомъ до Немиги съ Дудутокъ» *Дудичи* нынѣ мѣстечко Минск. губ. въ Игумен. уѣздѣ недалеко отъ верховьевъ Нѣмана. *Карамз.* думаетъ такъ же (II 118). «Если это такъ» замѣчаетъ *г. Погодинъ* — см. *Ж. М. В. Д.* ноябрь 1848 г. 191—то Ярославичи, послѣ разоренія Минска, продолжали походъ *впередъ* къ Полоцку. А мнѣ кажется вѣроятнѣе, что они удовольствовались

Минскомъ и пошли *назадъ* къ Смоленску черезъ *Немизу*, которая и должна находится гдѣ нибудь между этими городами. Здѣсь Всеславъ ихъ нагналъ и былъ разбитъ, а послѣ привлеченъ въ Смоленскъ. Если бы они шли впередъ, то по разбитіи Всеслава должны-бъ были не останавливаться, а исполнить что хотѣли прежде—разорить Полоцкъ, или тому подобное; но мы не видимъ никакаго дѣйствія и встрѣчаемъ ихъ у Смоленска». *Ходаковскій*—см. *Рус. Ист. Сборн.* I. 38—сообщаетъ, что въ г. Минскѣ находится протокъ *Немига*, впад. въ Свислочь съ правой стороны. Непонятно также и дѣлаемое здѣсь предположеніе, будто въ случаѣ, если въ разсматриваемомъ мѣстѣ лѣтописи принять *Немизу* за *Нѣманъ*, надо будетъ допустить, что Ярославичи, послѣ разоренія Минска продолжали походъ *впередъ* къ Полоцку». Совершенно напротивъ: всякое движеніе отъ Минска къ *Нѣману* было бы уклоненіемъ отъ Полоцка *назадъ*. Впрочемъ, никакому сомнѣнію не подлежитъ, что Ярославичи точно двигались не назадъ, а *впередъ* отъ Минска; ибо въ лѣтописи говорится, что когда они пошли къ *Немизѣ*. Всеславъ изъ Полоцка *поиде противу*: а этого вовсе нельзя толковать такъ, будто нагналъ ихъ, напротивъ это буквально значитъ, что онъ ихъ *встрѣтилъ*. *Ходаковскій* не останавливается здѣсь на *Немизѣ*, которую онъ открылъ въ Минскѣ; и это вѣроятно по той причинѣ, что, по тексту лѣтописи, между Минскомъ и урочищемъ, гдѣ произошли встрѣча вражебныхъ Князей, должно находится нѣкоторое пространство; но чтобы отстранить рѣшительно это слишкомъ соблазнительное сходство именъ, надо обстоятельно дознать какъ велика существующая нынѣ въ Минскѣ *Немиза* и не берется ли она откуда нибудь изъ отдаленія. Во всякомъ случаѣ, урочище это должно искать сѣвернѣе Минска: съ чѣмъ согласуется и дальнѣйшій раз-

сказъ лѣтописи по которому Всеславъ, разбитый на *Немизѣ*, является потомъ на *Рши*, по всей вѣроятности у нынѣшней Орши, между которою и *Друтескомъ*, городъ *Немиза* поставленъ въ древн. Географ. отрывкѣ» *Ж. М. В. Д.* 1848 ноябрь 192—193—

67) «и тако яша Всеслава на Рши у Смоленска». *Рша* должна быть нынѣшняя Орша. См. также Ж. М. В. Д. ноябрь 1848 г. 194.

68) отъ 15 сент. 1068 до 2 мая 1069 года.

69) Въ IX пѣснѣ *Слова о полку Игоревѣ*: «Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады радяше, а самъ въ ночь вълкомъ рыскаше, изъ Кыева дорыскаше до Куръ Тмутораканя великому Хръсови влъкомъ путь перерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутреню рано у Святыи Софеи въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣла, нъ часто бѣды страдаше». *Калайдовичъ* пріискалъ въ Сvнодаль. Евангеліи 1144 г. текстъ: «*и абіе куры возгласи* и въ *Волын. лѣт.* слова: «*яко бысть въ куры* (во время пѣнія пѣтуховъ)»; поэтому дорыскаше до Куръ Тмутораканя означаетъ, что Всеславъ прибылъ въ Тмутораканъ до свѣта, еще до пѣнія пѣтуховъ. *Хърсь* Калайдовичъ считаетъ кумиромъ, поставленнымъ Владиміромъ, другіе читаютъ это слово г. *Херсономъ*; а *Бутковъ* видитъ въ немъ ошибку переписчика, поставившаго *Хърсови* вмѣсто *Днѣпрови*. По его же мнѣнію *Тмутаракань*, упоминаемый въ словѣ, не тотъ, что на Таманѣ, но гдѣ-то по пути отъ Кіева къ Полоцку, именно на правой сторонѣ р. Остра, при соединеніи ея съ Десною, гдѣ нынѣ село *Старогородки* въ одной верстѣ ниже г. Остра, въ 60 верстахъ отъ Кіева. Здѣсь Ярославъ и братъ его князь Мстиславъ Тмуторакан-

скій, заключили миръ. См. *Вѣст. Европы* 1821 г. №№ 21 и 22; *Сынъ Отеч.* 1834 г. № 52.

70) *Голотичекъ* упоминается въ Древ. Геогр. отрывкѣ въ числѣ городовъ Литовскихъ послѣ Серпейска. *Карамз.* спрашиваетъ не *Олита* ли это на Нѣманѣ? II пр. 125. *Арц.* II, 164 указываетъ на нынѣшнѣе мѣстечко *Головчино* въ 32 верстахъ отъ г. Могилева съ чѣмъ согласенъ и *Погодинъ* Ж. М. В. Д. ноябрь 1848 г. с. 193.

71) Нынѣ бѣднѣйшее мѣстечко Могилевскаго уѣзда съ остатками древнихъ укрѣпленій.

72) Вотъ одно изъ обстоятельствъ, указывающихъ на существованіе обширной транзитной торговли въ этомъ краѣ, оставившей по себѣ куфическія монеты. Въ 1822 году въ Гомелѣ найдено 82 Саманидскія монеты (съ 896 по 943 г. по Р. Х.), и въ этомъ же году открыты *Френомъ* въ Москвѣ, въ Охотничьемъ ряду, привезенныя евреемъ изъ Могилев. губ. въ мѣшкѣ болѣе 1300 куфическихъ монетъ, не считая четвертушекъ и половинокъ, вѣсомъ болѣе 7 ф. Это самая замѣчательная находка куфическихъ монетъ, открывшаявъ первый и послѣдній разъ Африканскія диргемы. Въ числѣ ихъ были: а) Испегбедскія съ надписями на Пеглевійскомъ и Арабскомъ языкахъ вмѣстѣ, послѣднія относятся къ VIII и началу IX вѣка нашей эры; б) Восточныхъ Умейядовъ съ 699 по 747 г.; Аббасидскія съ 749 по 815 г.; г) Западныхъ или Испанскихъ Умейядовъ, съ 767 по 802 г.; и наконецъ д) Эдрисидовъ, съ 789 по 802 г. Въ Витебскѣ въ 1839 г. найдены 3 серебр. монеты и 4 обломка, Умейядскія и Абасидскія VIII и IX. См. Journal de St. Pétersbourg. 1825 № 100. Bullet. Scient. I, c. p. 324. 326, 1839. *Lelewel:* Noumismatique du moyen âge.

Vol. II. 83 и наконецъ въ Зап. Одес. Общ. Ист. и Древ. 1844 г. I, 153. *О куфическихъ монетахъ* и проч. *Григорьева*. Кромѣ этихъ находокъ, какъ намъ лично извѣстно, было много другихъ, никѣмъ не описанныхъ.

73). Мономахъ въ своей духовной говоритъ: «тѣмъ же путемъ по Всеславѣ пожегъ землю и повоевавъ до *Лукамля*, до *Логожьска* та на Дрьютьскъ воюя»... Лукомль, при озерѣ того же имени, нынѣ мѣстечко Сѣнскаго уѣзда Мог. губ., Логожьскъ нынѣ мѣстечко въ Борисов. уѣздѣ Мин. губер, на Польск. картахъ Łohoysk.

74) *Слово о Полку Игоревѣ*. Пѣснь IX: «на седьмомъ вѣцѣ Трояни вьрже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу».

75) *Татищевъ* справедливо замѣчаетъ, что геніалогія Полоцкихъ князей не ясна; ибо нѣкоторые изъ нихъ называются однимъ именемъ, и древній лѣтописецъ не сказываетъ намъ ихъ отчества. Въ *Родослов. Книгѣ* показаны у Всеслава только два сына: Борисъ и Ростиславъ; у Бориса, бывшаго, по словамъ *Татищева*, основателемъ Борисова уѣзд. г. Мин. губ., былъ сынъ Рогволодъ, который женился въ 1144 году; а Рогволода дѣти Василій, Иванъ, Ростиславъ. Но Давидъ, Глѣбъ, Романъ были также Всеславичи, и Рогволодъ, который сдѣлался Полоцкимъ княземъ въ 1127 году, и коего дѣти въ 1129 г. сосланы въ Царьградъ, долженъ быть не сынъ Борисовъ а братъ. Авторъ *Степен. Кн.* I, 270 пишетъ, что Всеславъ имѣлъ многихъ сыновей и что меньшій, отецъ Св. Ефросиніи или Предславы, назывался Георгіемъ. *Карамз.* II пр. 251. Не только въ *Словѣ о Полку Игоревѣ* но и въ *Кіев.*

лѣт. подъ годомъ 1178 сынъ Васильковъ Всеславъ, названъ внукомъ (правнукомъ) Всеслава Полоцкаго 1-го *Narb.* D. S. N. L III. 266 *Stebelski:* Zywoty SS. Panicu Enfrozyny i Prascewii. Wilno 1781 г.

76) Границы опредѣливъ городами, которыхъ принадлежность къ Полоцкому княжеству обнаружено событіями, совершившимися до XII вѣка. По случаю ихъ упоминаются: Минскъ, Дудичи или Дудутки, Голотическъ (?), Одрскъ (?), Лукомль, Друцкъ, Логожскъ, Орша, Копысь, Вячеславль, Изяславль, Борисовъ, Нѣключь (Полоц. уѣз. при озерѣ т. и.), Городокъ Еменецъ (Витеб. губ. Невельск. уѣзд.) Витебскъ, Усвяты (Сурож. уѣз.). См. *Жур. Мин. Вн. Д.* ноябрь 1848 г. с. 197.

77) Объ этой войнѣ въ *духовной* Владиміра такъ сказано: (стр. 42, 43): къ Менску ходилъ на Глѣба, оже ны бяше люди заялъ. «Въ *Кіев. лѣт.* подъ г. 6624 (1116) гдѣ вмѣсто *Смоленскъ* нужно читать *Менскъ*»; Володимеръ же нача ставити избу у товара (стана) своего противу граду. Глѣбови же узрѣвшу, ужасеся сердцемъ, и нача ся молити... Володимеръ же сжалися тѣмъ, иже проливашеся кровь во дни Вел. поста, и вдасть ему миръ. Глѣбъ же вышедъ изъ града съ дѣтьми и съ дружиною, поклонися Володимеру... Володимеръ же, наказавъ его о всемъ, вдасть ему Меньскъ.» *Татищевъ* пишетъ, что Мономахъ, изъ уваженія къ предстательству другихъ князей, согласился забыть вину Глѣба и далъ ему съ семействомъ великій миръ. *Карамз.* II, пр. 203.

78) «Ярополкъ сруби городъ Желній . . . *Карамз.* II пр. 223 исчетъ его въ Курской губ., гдѣ была рѣка Желень (*Больш. Черт.* 142), и далѣе (IV пр. 104) и со-

знается, что не знаетъ времени построенія Новогрудка (Мин. губ.). *Нарбутъ* III, 271 — 274 дозналъ, что нынѣшній Новогрудокъ назывался прежде *Желно*. Нарбутъ имѣлъ въ рукахъ крѣпостной актъ 1589 г. между дворянами Богдѣвичами гдѣ сказано: «писанъ въ Новогрудку на *Желненьскомъ* подзамчу въ лѣто Божего нароженія 1589 аугуста 5 дня». Мономахъ сперва только осаждалъ Минскъ, а взялъ его уже чрезъ три года. Глѣбъ, умершій въ Кіевѣ сент. 13 д. 1119 г. женатъ былъ на дочери Ярополка Изяславича, убіеннаго Нерядцемъ. Супруга его вдовствовала 40 лѣтъ и умерла на 84 г. отъ роду. *Карамз.* II пр. 223.

79) Мѣстечко *Городно* Мин. губ. между рр. Стыремъ и Горынью, а Клецкъ близь Несвижа. «а Всеволоду Ольговичу повелѣ ити съ своею братьею на *Стрижевъ* къ *Борисову*.» Въ Лепельскомъ уѣздѣ Витеб. губ. есть озеро *Стрижево*, а при немъ городище.

80) У *Карамз.* въ текстѣ неправильно стоитъ *къ Борисову*, основанному не Борисомъ Всеславичемъ, какъ думаетъ *Татищевъ* послѣ удачнаго похода на Ятвяговъ, но Борисомъ Всеволодовичемъ въ 1102 г. *Daniłowicz:* Latop. 122. *Стрыйковскій* неизвѣстно откуда взялъ, что Борисовъ основанъ Борисомъ Гинвиловичемъ — болѣе 100 лѣтъ послѣ!

81) Гдѣ княжилъ въ это время Борисъ Всеславичь? Въ лѣтописяхъ сказано, что въ 1128 г. скончался Полоцкій князь Борисъ Всеславичь; но въ этомъ году въ Полоцкѣ княжилъ не Борисъ, а Рогволодъ Всеславичь послѣ брата своего Давида. Не досталея ли Борису Минскъ по смерти Глѣба Всеславича? Кажется, лѣтописцы называютъ всѣхъ князей этого дома Полоцкими, по имени главнаго удѣла.

82) Въ *Воскресен. лѣт.* I. 269 и *Кіев.* г. 1140 сказано, что Полоцкіе князья отвѣтствовали Мстиславу: «Бонякови шюлудивому въ здорове.» *Татищевъ* пишетъ, что Мстиславъ отправилъ Полоцкихъ князей въ Царьградъ къ *зятю* своему Императору Іоанну, давшему имъ жалованье, и что они служа ему храбро воевали съ арабами — о чемъ не упоминаютъ Византійскія лѣтописи. *Карамз.* II. пр. 252.

83) Нѣкоторые позже; въ *Кіев. лѣт.* подъ г. 1140 сказано: «Взыдоша княжича два изъ Царягорода, заточени были Мстиславомъ.»

84) Должно быть внукъ Всеслава, сынъ Святослава.

85) Около этого времени въ первый разъ упоминается нынѣ уѣзд. города Мог. губ.: *Рогачевъ*, отданный вмѣстѣ съ Юрьевомъ въ 1142 г. В. К. Всеволодомъ Игорю Святославичу; *Гомель* (Гомій) принадлежавшій къ городамъ Черниговскимъ; и наконецъ около 1157 г. *Чечерскъ* нынѣ мѣстечко Рогачев. уѣз. Гомель былъ столицею Сожской области, состоявшей изъ нынѣш. Гомел. Рогачев. и Чериков. уѣзд. и принадлежавшей княжеству Черниговскому — см. *Карамз.* II. пр. 279.

86) *Кіев. лѣт.* «Яша Полочане Рогволода Борисовича, князя своего, и послаша и Меньску, и ту его дръжаша въ велицѣ нужи, а Глѣбовича къ себѣ въ ведоша; и прислашась Полочане къ Святославу Ольговичу съ любовію, яко имѣти его отцомъ собѣ, и ходити въ послушаніи его, и на томъ цѣловаша крестъ.»

87) *Карамз.* II 170—171 пр. 386.

88) И нынѣ существующее. *Арц.* II. 426, слѣдуя варіанту *Тат.*, ошибочно видитъ Бѣлчицы въ *Кобельницахъ* мѣстечкѣ Лепель. уѣз.

89) Не въ Минск. губ., какъ думаетъ *Карамз.* II пр. 250., но въ Лепель, уѣз. Витеб. губ., гдѣ, какъ уже выше было замѣчено, есть озеро *Стрыжево*.

90) Въ это время жила въ Полоцкѣ *св. Ефросинія*, Предиста или Предислава въ свѣтѣ — внучка (?) Всеслава Брячиславича, построившая въ 1160 г., въ 2-хъ верстахъ отъ города, въ урочищѣ, называвшемся *Сельцо*, каменную Спасскую церковь вмѣсто бывшей тамъ же деревянной. Въ этой церкви по обѣимъ сторонамъ хоровъ видны двѣ маленькія келіи, въ которыхъ жила святая отшельница, въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ отрекшаяся отъ міра, въ которомъ славилась красотою и ангельскою кротостію. Здѣсь занималась она переписскою священныхъ книгъ и отсюда, въ 1173 г., вышла на поклоненіе Гробу Святому въ Іерусалимъ, гдѣ и скончалась 23 мая этого же года. Кромѣ Спасской, ей приписываютъ еще построеніе другаго храма во имя Пресв. Богородицы съ женскимъ монастыремъ, котораго и слѣдовъ не существуетъ. Въ этомъ послѣднемъ храмѣ находился образъ Пресв. Богородицы, писанный Св. Лукою, присланный въ даръ Ефросиніи Императоромъ Еммануиломъ и Лукою Патріархомъ Константинопольскимъ, во время политическихъ смутъ, перенесенный сперва въ Кіевъ, а послѣ изъ Кіева во Владиміръ и оттуда въ Москву, гдѣ нынѣ находится въ Успѣнскомъ храмѣ — въ чемъ удостовѣряетъ положенная на немъ надпись: *Ефросинія* — см. *Tygodnik Peterb.* г. 1841. № 35.— Въ Полоцкомъ Софійскомъ храмѣ и донынѣ хранится крестъ, подаренный Ефросиніею Спасской церквѣ съ

славянскою надписью: «Въ лѣто 6 и 669 отъ сотворенія міра (1161) покладаетъ Овфрозинія честны крестъ въ Монастеру своемъ, во Церкви Святого Спаса и проч. см. Rubon T. I. 29. — *Stebelski:* Żywoty SS. Panien Eufr. i Prascewii. Wilno 1781 г. Ж. М. Н. Пр. за январь 1841. — *Сахаровъ:* Сказанія Рус. Нар.

91) «Приходи Рогволодъ съ Полотьчаны къ *Городцю*... Рогволодъ же выбѣже въ Случьскъ» *Арц.* II. 1081. несправедливо принимаетъ его за нынѣшній уѣзд. городъ Витебск. губ Городокъ. Городковъ есть множество по всей Бѣлоруссіи, и между Полоцкомъ а Слуцкомъ вособенности, и упоминаемый городокъ долженъ находиться между этими городами см. *Ж. М. В. Д.* Ноябрь 1848 г. 196.

92) Въ 1818 году найденъ между Оршею и почт. станціею Кохановомъ въ 18 верстахъ отъ первой, близь почтовой дороги большой поставленный въ память этому князю камень въ 5 арш. и 6 вер. длины и 3 ар. и 11 вер. ширины, лежащій нынѣ посреди часовни, выстроенной надъ нимъ крестьянами гр. Воронцова. Во всю длину камня изсѣченъ крестъ, вокругъ котораго славянская надпись: «*Въ лѣто* 6679 (1171) *Маія въ 7 день достѣнъ крестъ сій: Господи! помози рабу своему Василію въ крещеніи именемъ Рогволоду, сыну Борисову.*» Этотъ камень искали долгое время изъ любопытства, возбужденнаго *Малинымъ* — см. *Зерцало Россійскихъ Государей*, стр. 168. Самое дѣятельное участіе принималъ въ этомъ графъ *Румянцевъ*, пріѣзжавшій нарочно для этого въ Оршу, наконецъ въ 1818 году найденъ онъ ректоромъ Оршанскихъ Іезуитовъ *Дезидеріемъ Ришардотомъ;* но надпись свидѣтельствуетъ, что онъ поставленъ Василію Борисовичу, а не Василію Святославичу, Мономахову внуку,

какъ утверждалъ Малгинъ. Dzien. Wilen. 1818. II. 394. Opisanie Powiatu Borysowskiego. pz Eust. *Tyszkiewicza*. Wilno. 1847 г. 33.

93) Судя по отрывочнымъ извѣстіямъ въ XII столѣтіи въ Полоцкомъ княжествѣ было девять удѣловъ: Полоцкъ, Витебскъ, Друцкъ, Изяславль, Минскъ, Городнъ или Городокъ, Стрѣжевъ, Лукомль, Логойскъ.

94) *Narbutt*. III. 266 — не приводя источника, но на основаніи, какъ кажется, рукописной ему принадлежащей лѣтописи *(Kronika Bychowca)* — говоритъ, что послѣ смерти Всеслава 1-го Полоцкое княжество дотого раздробилось на мелкіе удѣлы, что наслѣднику его *Святославу* или *Юрію*, умершему около 1040 г. достался одинъ лишь Полоцкъ; сыновья его Вячеславъ и Давидъ не имѣя потомства дали вольность городу со дня смерти ихъ. Потому Полоцкъ сдѣлался вольнымъ городомъ, а княжество обратилось въ республику, управлявшуюся вѣчемъ и 30 старѣйшинами или боярами. Если это когда нибудь было, такъ вѣроятнѣе теперь, послѣ смерти Всеслава Васильковича между 1181 и 1185 годами.

95) Въ *Новгород. лѣт.* подъ 1185 г.: «и умирившеся воротишеся на Еменьци.» Въ *Харатейн* подъ 1186 г.: «на зиму же иде Давидъ.... и здумаше Полочане, рекуще: не можемъ стати противу; много ны зла сотворятъ; пойдемъ къ нимъ на сумежье. И срѣтоша я на межахъ и даша дары и уладишеся.» *Карамз*. III. пр. 84.

96) *Лѣтопись Быховца:* Kernus panował na wsiej ziemli Zawelskoj (Завилейской) po hranicu Letybalskuju

i po Zawelskij Brasławli, aż po reku Dwinu.» *Narb.* III. 229.

97) *Narb.* III. 232.

98) Много воображали о древнѣйшей зависимости Литвы отъ князей Русскихъ, и не извѣстно откуда взялъ Карамзинъ будто бы Литва почти 150 лѣтъ находилась въ этой зависимости? Но изъ великаго вышло очень малое. Новѣйшій историкъ Литовскаго народа, *Нарбутъ* — *Dzieje Starożytne Narodu Litewskiego.* Wilno 1837 г. III 226—не только опровергъ извѣстіе, будто бы Литовцы платили дань Русскимъ вѣниками — истую басню, пущенную въ ходъ *Кадлубкомъ*, *Кромеромъ*, *Меховіемъ*, и повторенную *Стрыйковскимъ* и *Нарушевичемъ* — но и до осязательности опредѣлилъ границы той части Литвы, которая нѣкоторое время была въ зависимости отъ князей Русскихъ. Страна эта была именно Нерома и Пелузія — не большія земли въ нынѣшнемъ Ошмянскомъ уѣздѣ Вилен. губ. находившіяся подъ властію Русскихъ, всего 21 годъ, считая со времени похода Ярослава въ 1044 г. Что древняя Исторія Литвы не была хорошо извѣстна нашему исторіографу этого не нужно и доказывать; потому что она разработана 30 лѣтъ спустя послѣ него Нарбутомъ, до времени котораго она была еще темнѣе нежели Русская исторія до Карамзина. Впрочемъ объ этой зависимости говорили многіе. *Длугошъ*, писавшій въ XV вѣкѣ, а за нимъ и *Меховій* говорятъ, что Литва еще за 1000 лѣтъ была въ зависимости отъ Кривичей или Полочанъ, знакомыхъ *Іорнанду*, подъ именемъ *Криновъ* или *Хриновъ*. *Кояловичъ* говоритъ тоже, что Литва находилась въ зависимости отъ Россіянъ во время княженія въ Новгородѣ Владиміра Святославича 971—980 г. см. *Лавр.*

лѣт. с. 9; *Іорнандъ* гл. 5; *Длугошъ* кн. IV гл. 10; *Стрыйковскій* кн. II, гл. 6; *Кеппенъ:* о происхожд. Литвы с. 37. Не Литва, но скорѣе южная Ливонія находилась въ зависимости отъ Кривичей.

99) Завоевавъ Нерону и Пелузію Ердзвиллъ роздалъ тамъ нѣкоторымъ Литовцамъ волости: Грумпію Островъ, Ейксишу Ейшишки, Гравжѣ Гравжишки — имѣнія и нынѣ существующія подъ этимъ же названіемъ. Отъ этихъ Литовцевъ произошли древніе дворянскіе роды, или какъ сказано въ *лѣтописи Быховца:* «што ныни Князи и Панове въ Повѣтѣ Ошмянскимъ держатъ.» *Narb.* III. 239.

100) *Стебельскій* Chron. I. 146 весьма основательно опровергаетъ *Стрыйковскаго*, относящаго покореніе Полоцка Мингайлою къ 1220 году. *Narb.* III. 307.

101) *Narb.* III. 308—310, положительно удостовѣряетъ существованіе Литовско-Полоцкой династіи. Мы слѣдуемъ Нарбуту, писавшему гораздо позже Карамзина, и потому не могшему встрѣтиться съ такими трудностями въ отношеніи Русской Исторіи съ какими встрѣтился Карамзинъ въ отношеніи Литовской. Наконецъ, Нарбутъ пользовался при этомъ весьма важными источниками, какъ напр. рукоп. *лѣт. Быховца*, *родослов. таблицами Августина Ротунда.*

102) По *Карамз.* не видно, чтобы въ это время существовалъ въ Твери князь этого имени. Можетъ быть и ошибка въ имени; но св. Прасковія, княжна Полоцкая, умершая въ Римѣ въ 1239 г. и канонизированная тамъ въ 1279 г. должна была имѣть при этомъ свою родословную, которая *Стрыйковскому*, какъ

лицу духовному, должна была быть извѣстна. *Narb.* III. 309—310 — *Stebelski.* Żywoty etc. 141—220.

103) *Narb* III. 310—*Стрыйковскій.* стр. 232—Въ *лѣтописи Быховца* Гиниллъ названъ *Борко*, и сказано, что онъ скончался въ Оршѣ, имъ же основанной (?)— развѣ распространенной и укрѣпленной.

104) *Narb.* III. 311—*Stebelski.* 148. — Время построенія Полоцкаго Софійскиго храма не извѣстно; однакоже, нельзя его приписывать Борису Гиниллловичу, могшему развѣ вмѣсто стараго выстроить новый; наконецъ могъ ли Полоцкъ, любившій во всемъ подражать Новгороду, не имѣть и своего Софійскаго храма?

105) У *Stebel.* I. 151. неправильно 1226 г.—*Narb.* III. 312.

106) Между Полоцкомъ и Дисною по Двинѣ попадаются древніе камни съ изсѣченными на нихъ крестами и надписями, посвященные памяти *Князя Бориса. Стрыйковскому* въ 1575 г. былъ извѣстенъ только одинъ подобный камень, нынѣ же открыто ихъ уже нѣсколько. Первый камень, прозываемый *Борисомъ*, лежитъ въ Двинѣ, въ 5 верстахъ ниже Полоцка у лѣваго берега противъ оврага наз. Прорытка и имѣнія Герахты на правомъ берегу. Второй камень тоже въ Двинѣ въ 5 верстахъ ниже г. Дисны, между деревнею Наковниками на лѣвомъ и корчмою Осиновкою на правомъ берегу. Третій, самый бо̀льшій, лежитъ среди Двины въ 7 верстахъ ниже Дисны между имѣніемъ Волотками на правомъ и устьемъ р. Повянужки на лѣвомъ берегу. Тутъ же возлѣ третьяго лежитъ и четвертый, самый меньшій, у лѣваго берега Двины въ поперегъ ея теченія при устьѣ р. Повя-

нужки. На камняхъ изсѣчены греческіе кресты и на каждомъ одна и таже надпись: *Господи помоги рабу твоему Борису*, исключая четвертаго на которомъ тоже по-славянски: *Сильный храбрый Борисъ святый. Стрыйковскій*, плывя въ 1575 г. изъ Витебска въ Дюнамюнде, видѣлъ въ одной милиниже Дисны камень съ крестомъ и съ надписью: *Вспоможи Господи раба своего Бориса сына Гиневиллова*. Тоже самое говоритъ и *Коллоевичь* (стр. 74) и *Свенцкій* (Opis Starożyt. Pol. II. к. 234). Нынѣ подобнаго камня нѣтъ, быть можетъ, что видѣнный Стрыйковскимъ былъ третій камень, и что онъ по догадкамъ прибавилъ: *сына Гиневиллова*. *Коллоевичь* переводитъ лишь надпись по Стрыйков. на Латинскій: *Miserere Domine mancipio tuo Boryso Gniwillonis filio*. Два или три подоб. камня еще открыты около Дисны — см. *Rubon*. 1842. II. 37. — Ни отчество, ни годъ на камняхъ не означены — слѣдовательно, которому изъ двухъ Борисовъ князей Полоцкихъ приписать ихъ? — Борису Гиневилловичу? такъ думаетъ *Narb*. III. 311 и *Стрыйков*. 253.

107) *Нарбутъ* III. 312—313.

108) Василька Володаревича лѣтописи называютъ *Полоцкимъ*; но это очевидная ошибка, или лучше общее названіе, которымъ лѣтописи называютъ всѣхъ князей Полоцкаго дома по имени ихъ главнаго удѣла. Василько Володаревичь долженъ быть князь Логожскій или Минскій. Борисъ Друцкій долженъ быть сынъ Всеслава и правнукъ Рогволода.

109) *Narb*. III, 229. *Карамз*. II, 126.

106) *Карамз*. III пр. 87, назвавъ Владиміра княземъ *Полоцкимъ*, тутъ же сознается, что не знаетъ кто былъ

онъ въ самомъ дѣлѣ. Кто послѣ Всеслава Васильковича или 1181 года княжилъ въ Полоцкѣ? неизвѣстно; мы (см выше прим. 90) на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ предположили что Полоцкъ между 1181 и 1185 годами сдѣлался республикою со дня смерти Всеслава, день кончины котораго хотя и не извѣстенъ, но долженъ былъ случится въ этомъ промежуткѣ времени. *Татищевъ*, ссылаясь на *Хрущев. лѣт.*, разсказываетъ по поводу войны въ 1182 г. Василька Ярополка Дрогичинскаго съ *Владиміромъ* Володаревичемъ Минскимъ не вполнѣ согласное съ исторіею, см. *Карамз.* III, пр. 87. Между тѣмъ, *Нарбутъ* III, 325 доказываетъ, что Владиміръ былъ не *Полоцкій* но *Псковскій* князь, и что Карамзинъ впалъ въ ошибку по причинѣ опечатокъ, вкравшихся при изданіи нѣкоторыхъ лѣтописей. *Arnold Lubecensis:* Chron. Slav. lib. VII c. 8—9 называетъ этого князя Valdemarus Rex de Plisceka; въ изданной же *Груберомъ* лѣтописи *Генриха Латыша* (Heinrich der Lette) сказано: Valdemarus de Plosceke (Liefland. Chron. p. 3); очевидная ошибка, потому что далѣе, на стр. 51 и 160 сказано Rex de Plescekowe т. е. Король Плесковскій или Псковскій. Эта ошибка вѣроятно произошла оттого, что лѣтописецъ Генрихъ часто говоритъ и о другомъ Русскомъ Князѣ, котораго называетъ Rex de Plosceke: стр. 26. 40, гдѣ говорится именно о Полоцкомъ князѣ, потому что авторъ пишетъ Полоцкъ Plosceke. Изъ Исторіи *Карамз.* III, Род. таб. № V видно, что въ это время именно въ Псковѣ былъ княземъ Владиміръ сынъ Мстислава храбраго, и господствуя въ Псковѣ и Новгородѣ могъ не безъ основанія слыть могущественнымъ государемъ, которому принадлежала въ то время дань съ Ливоніи. Тоже самое говоритъ *Понтанусъ* въ исторіи Даніи стр. 290: »... indultu Regis Valdemaris primi, qui tum Livoniam tenebat, sancto prope ripam Rubonis edificato»...

111) *Chron. Liv. vet.* p. 52: Baptismum, quem in aquam susceperant in Duna se lavando removere putant, remittendo in Teutoniam. *С. Соловьевъ* II. 378 пр. 430.

112) Тамже, II 378—380.

113) *Gruber.* Liefl. Chron. 26.

114) Кто былъ этотъ Всеволодъ или Wissewald? Изъ рода ли Полоцкихъ князей? Русскія лѣтописи почти не упоминаютъ о Герсике, Нѣмецкія тоже.

115) Chron. Liv. vetus p. 95.

116) *Chron. Liv. vetus p.* 101: Erat autem inter eos Ako, princeps ac senior ipsorum, qui totius traditionis et omnium malorum existerat auctor.

117) *Grub.* 33.

118) Ibid. 40—42. *Narb.* III 445—449.

119) *Grub.:* rebus certis territi... p. 50.

120) *Grub.* 52—56. *Narb.* III, 448—457.

121) Въ Динабург. у. Витеб. губ. гдѣ нынѣ деревня Цароградъ при устьѣ р. Иглоны въ Двину, вблизи мызы Liewenhoff (дворъ Ливовъ) — *Narb.* III, 460. Была цѣлая область, зависѣвшая отъ этого города или крѣпости, называвшаяся. *Gerce Häirn* (S. 141) приводитъ слѣд. грамоту: «quia propter pervicaus nimis paganorum incultus, quibus frequenter molestamur et devastamur in bonis et personis, adeoque terrae nostras sunt et fuerunt desolatae penitus annis pluribus et destruc-

tae, sicut in terris Semigalliae Valetz et Gerce patet evidentur. «См. о Герсике у *Бишинга*: Erdbeschreib. I, 1027: Герсикѣ въ рус. лѣт. называется *Воробьевымъ*.

122) У *Grub*. 62 Wissewaldus.

123) *Narb*. III. 460.

124) *Новгород. лѣт.* еще подъ 1167 г. «налѣзоша себѣ путь (Литовцы) на Вячко и Володоря». *Карамз.* II, 408.

125) «quasi oves in fauce luporum, quando sunt sine luporum» *Grub*. p. 62. *Narb*. III, 461.

126) Regulus ex altera parte Dunae, suspiria magna trahendo et gemitibus magnis ululando exclamavit dicens: «O! Gercike, civitas dilecta! o hereditas patrum meorum! o! innopinatum excidium gentis meae; Vae mihi! ut quid natus sum videre incendium civitatis meae! videre contritionem et interitum populi mei». *Grub*. Liefl. Chron. I, 74—75.

127) Тамъже въ латин. подлинникѣ написано *patschka* т. е. батька или батюшка — имя, которое Всеволодъ давалъ Альберту.

128) *Narb*. III, 463.

129) *Narb*. III, 470. *Grub*. 85·*Härn*. S. 87.

130) Vesceka, Vyesceka у *Генриха Латыша* с. 47, 60, 161. *Grub*. 47, называетъ его Viescus. *Narb*. III, 478—479.

131) Одно изъ самыхъ темныхъ мѣстъ исторіи князей Полоцкихъ. *Карамз.* не рѣшаетъ этого вопроса; но *Нарбутъ* (III. 479) совершенно убѣжденъ въ томъ, что Василій Рогволодъ не только былъ княземъ, названнымъ *Карамз. Владиміромъ*, но и въ томъ еще, что этотъ же самый князь владѣлъ Кокенгаузеномъ и послѣ Дерптомъ. Вотъ, что говоритъ Нарбутъ, впрочемъ вполнѣ сознающій запутанность этого мѣста въ исторіи: «Во первыхъ — что касается имени — Русскія лѣтописи, приводимыя *Карамз.* (II пр. 418, III пр. 205) называютъ его *Вячко*; а это не что иное, какъ лишь испорченное уменьшительное имя Василія. Въ нашихъ источникахъ находимъ его же самаго подъ именемъ Wasskonus и Waszkon т. е. Васька, тоже уменьшительное имя Василія. Во 2-хъ, что онъ былъ именно тѣмъ же самымъ, котораго мы знаемъ въ Исторіи нашей подъ именемъ Василія Рогволода сына Бориса Гнивилловича, въ этомъ убѣждаютъ насъ весьма достовѣрныя данныя (см. III, 479). Жена этого князя называлась Баба, отъ которой онъ имѣлъ дочь Софію, вышедшую замужъ за Нѣмецкаго рыцаря Дитриха. Новобрачнымъ епископъ подарилъ Кокенгаузенъ съ волостями (см. *Hiärn.* S. III). По *Карамз.* (Род. Таб. IV) за Василіемъ Рогволодомъ была въ замужествѣ дочь Изъяслава Мстиславича».

132) *Гадебушъ:* B. I. S. 177. *Narb.* III 480 — 483. *Стрыйков.* (234) говоритъ, что Рогволодъ погребенъ въ Полоцкѣ въ Спасской церквѣ; это еще не противурѣчитъ сказанному, ибо Нѣмцы могли позволить тѣло князя отвести въ его столицу.

133) *Narb.* IV 23—24.

134) *Narb.* IV 67—89. *Карамз.* IV. пр. 2.

135) *Narb.* IV, 101.

136) *Карамз.* 18, 79. *Narb.* IV, 212.

137) *Narb.* IV, 123.

138) *Narb.* IV, 122—127.

139) *Narb.* IV, 127.

140) *Narb.* IV, 164.

141) *Narb.* 107, 213.

142) *Schlezer:* Geschichte von Lithauen. S. 43. *Narb.* IV, 213.

143) *Narb.* IV, 220—223. *Карамз.* IV 98 пр. 135.

144) *Narb.* IV, 223, 311. *Карамз.* IV, 52, 89 пр. 119. *Stryik.* 287 sq. *Dusburg.* P. III. 241.

145) *Narb.* IV, 284.

146) *Narb.* IV, 283—298.

147) *Стрыйк.* кн. X. гл. V считаетъ Довмунда Псковскаго предкомъ князей Свирскихъ.

148) Вотъ что говорится объ этой продажѣ Полоцка рыцарями въ подлинныхъ бумагахъ Коммиссіи, наряженной папою Климентомъ V для изслѣдованія дѣлъ нѣмецкаго Ордена: «quodque gravius est, iidem praeceptores et fratres non solum a continibus eorundem paganorum, in quibus contra illorum incursus debuis-

sent se murum defensionis opponore, in detrimentum fidelium rcesserunt, sed quoddam castrum ejusdem Rigensis Ecclaesiae eisdem paganis (Литовцамъ) pro certa quantitate pecuniæ venundantes, regnum Polochense, quod quondam Rex Polochensis (Тевтовиллъ) ad fidem Christi conversus, prolem non habens legitimam, eidem Ecclesiæ Rigensi contulerat pro animæ suæ salute, dictis paganis non absque jactura multitudinis innumerae fidelium dimiserunt, cujus occasione duæ solennes Cathedrales, Colomen et Ruthenen, ecclesiæ consistentes in regno praedicto totaliter sunt deletæ, quibns castro et regno ad manus infidelium totaliter devolutis, dicti pagani a locis continium repulsis fidelibus, magnam partem dictarum provinciarum, tunc fidelium multitudinem populosam in solitudinem redegerunt, iisdem fidelibus partim peremptis gladio, partim eorundem paganorum miserabili jugo suppositis perpetuo servitutis». *Dogel: Codex. Diplom.* подъ 1309 стр. 33. *Naruszewicz:* H. N. P. V. II, 350.

149) *Narb.* IV. 485.

150) Ordens Chronic ap. *Mattheus.* I. 778. *Narb.* V. II.

151) *Карамз.* IV пр. 336. Могилев. Губ. Вѣд. № 11 за 1848 и № 8 за 1851 г. Ж. М. В. Д. ч. XXXV. 1840. № 3 стр. 398. Нѣкоторые приписываютъ основаніе Могилева Льву Даніиловочу кн. Галицкому, по имени котораго будто и прозванъ этотъ городъ: *Могилевъ* (*могій* могучій и *Левъ*, такъ какъ князь Левъ Галицкій былъ въ самомъ дѣлѣ могущественнымъ и сильнымъ). Мнѣніе, не выдерживающее и самой снисходительной критики. Есть Могилевы и не имъ основанные, а городъ дѣйствительно имъ основанный названъ не Могилевомъ, а Львовомъ. Къ тому же нынѣшн. губ.

Могилевская никогда не принадлежала князьямъ Галицкимъ.

152) Такъ, на примѣръ, историкъ *Старовольскій* говоритъ: «Alba Russia habet urbem Mohylaviam ad fluvium Borysthenem positam» ...

153) Доказательствомъ договоръ Мстислава Смоленскаго съ Ригою и Готландскимъ берегомъ въ 1228 г. отъ себя и *Руссовъ Витебскихъ*.

154) По старинному Русскому переводу хрон. *Стрійковскаго* кн. XI. гл. 3 и кн. XII гл. 3: «Ольгердъ же аще еще при житіи окрестися ради жены, но свѣжій черепъ сирадняго тука напившеся, древнимъ злосмрадіемъ смердяше.» Отчество Маріи не было извѣстно до 1844 г., когда въ Виленской Пречистенской церквѣ построенной Ольгердомъ, найденъ служебникъ для поминовенія князей и княгинь, въ которомъ записана смерть первой и второй супругъ Ольгердовыхъ: «Великая Княжна Марія *Ярославна* усопше на память преподобнаго Илларіона.... См. *Ondyna Druskienickich zródeł*. 1844 S. 14.

155) *Narb*. V. 9. *Карамз*. IV, 214 — 215. *Николаев. лѣт*. III. 106.

156) *Карамз*. 230—231. пр. 336. *Danil*. Latop. 164—167. *Narb*. V. 12.

157) *Карамз*. IV пр. 335. *Narb*. V. 53. Еще въ 1335 году шайки Литовцевъ разбойничали въ предѣлахъ Торжка, за что Іоаннъ Даніиловичь приказалъ сжечь въ сосѣдственной Литвѣ нѣсколько городовъ: *Рясну*, *Осмчень* и другіе. Рясна нынѣ мѣстечко Чаусов.

уѣзда Мог. губ.; въ *описаніи древнихъ Рос. городовъ Осьчевъ* стоитъ рядомъ съ Рясною, но нынѣ нѣтъ ни одного селенія въ окрестностяхъ Рясны съ подобозвучнымъ именемъ, въ Сѣнскомъ уѣздѣ только находится фольварокъ *Осьчевъ*.

158) *Карамз.* IV, 199 пр. 377. *Narb.* V. 77.

159) Авторъ *Истор. Обозр. Мог. губ.* см., Мог. Губ. Вѣд. № 18 за 1849 г., предполагаетъ, что въ это время въ лѣтописяхъ упоминаются въ первый разъ два нынѣшнія мѣстечка Орш. уѣз. *Рудня* и *Микулинъ*. *Никонов. лѣт.* подъ 1363 г.: «Князь Андрей Ольгердовичь Полотскій воева Ховрачь да *Родень*» *Родень* должно быть, съ чѣмъ согласенъ и *Карамз.*, нынѣшняя *Рудня*, принадлежавшая въ то время князьямъ Смоленскимъ. Но сомнительно, чтобы упоминаемый въ эту войну *Микулинъ*, два года назадъ взятый Донскимъ, или одинъ изъ двухъ городковъ *Микулиныхъ* въ духовной Твер. кн. Михаила, было нынѣшнее м. Микулино. *Карамз.* V, 25 пр. 12. *Narb.* V, 199. *Daniłow.* 80.

160) По сказанію *Воскресен. лѣт.* Мстиславль нынѣ уѣзд. городъ Могилев. губ. основанъ въ 1180 году, или около этого, Смоленскимъ княземъ Романомъ Ростиславичемъ, назвавшимъ его *Мстиславлемъ* по имени сына своего Мстислава, которому онъ назначенъ былъ въ удѣлъ. Лѣтописи не упоминаютъ о князьяхъ Мстиславскихъ до времени отдачи его въ удѣлъ Семену Лугвенію.

161) *Narb.* V. 238.

162) *Narb.* V. 244. *Daniłow.* 192

163) *Narb.* V, 218. *Карамз.* V, 45.

164) Ab istis vero pace et Treugis Rex Keystuten, sui et terrae suæ et illi de Samaythen omniae esse debeaut exclusi, ita quod nullas pacem et Tregas inter praedictas Regem et illas Samaythen volumus obtinere на томъ основаніи, что Ягтело былъ христіанинъ и намѣренъ былъ всю Литву обратить къ католицизму; Кейстутъ же и жители Жмуйди пребывали въ язычествѣ. Этотъ договоръ Datum et actum in Castro Rigae A. D. 1380 feria proxima, qua cantatur oculi post Dominicam. *Codex. Diplom. Reg. Pol.* V № LVIII p. 81. *Narb.* V, 26.

165) *Naruszew.* H. N P. VII пр. 77. *Narb.* V, 276.

166) *Kranz.* Wandalia подъ 1832 г. *Kéleh* Liefl. Gesch.—*Псков. лѣт.* 1382 г.

167) *Narb.* V. 277.

168) Новѣйшіе изслѣдователи Польской Исторіи сомнѣваются въ подобной смерти Кейстута, разсказываемой лишь Орденскими лѣтописцами.

169) Писано въ Недрищѣ, кажется и нынѣ деревня въ Дорогобуж. уѣз. Смолен. губ. въ 1385 г. окт. 9 д. Запись отъ 9, а письмо отъ 11 окт. *Napierski*: Corp. Dipl. № 445. *Narb.* V, 380. Харатейный списокъ этой Андреевой грамоты хранится въ Кенигсбергскомъ Архивѣ.

170) Взятъ ли былъ Полоцкъ въ это время? Неизвѣстно; лѣтописи Ордена молчатъ объ этомъ. Вотъ жалобы Ягеллы: «Dum divina inspirante clementia ad

gratiam Baptismi aspirare incepimus, ad Magistrum Cruciferorum vocatum Conradum Czolner notabiles nuncios nostros destinavimus, patentes ipsum pura et sincera devocacione, ut nos de fonte levaret et pater noster spiritualis existeret; ipse autem nostram legationem tanquam indignam spernens et abjciens hunc ipsum facere venit, ymo eodem tempore dum cum omnibus gentibus nostris armatis ad assumendam fidem catholicam ad Regnum Paloniе nos movimus, ipse per exercitus suos de Livonia adjunctis sibi quibusdam schcismaticorum exercitibus videlicet de Ploczsko et Smolensko a nostra subjectione per ipsum revocatis et nobis rebellantibus terras nostras ultra quam per sexaginta miliaria vasteri fecit ac in greminum convertit et favillam». *Narb.* V, 390.

171) *Narb.* V, 387 sq.

172) Это вѣроятно за сопротивленіе, оказанное Полочанами въ принятіи Скиргелилы; возстанія же и быть не могло.

173) Вторично Ягелло посѣтилъ нынѣшнюю Могилев. губ. послѣ благополучнаго окончанія войны съ Крестоносцами, произведенной Свидригелломъ. Между прочимъ былъ въ 1410 г. въ Кричевѣ, и по Днѣпру отплылъ въ Кіевъ.

174) Между прочимъ ему былъ отданъ *Пропойскъ*— нынѣ мѣстечко Быховскаго уѣзда.

175) *Narb.* V, 504. Несправедливо, что говоритъ *Карамз.* (V, 176) будто бы Свидригелла отослали изъ Витебска въ оковахъ.

176) *Narb.* V, 504. *Voigt*: B. V. S. 638.

177) Построенъ въ 1277 или 1278 году коммандоромъ Эрнестомъ де Ратцебургомъ; въ теченіе двухъ вѣковъ, со времени основанія, подвергся пяти осадамъ со стороны Литовцевъ, Поляковъ и Русскихъ: въ 1315, 1396, 1403, 1559, 1577 годахъ и наконецъ въ 1582 году переведенъ былъ Баторіемъ на новое, нынѣшнее мѣсто, отстоящее отъ стараго замка Naujenes Pillis въ 16 верстахъ. Въ газетѣ Das Inland помѣщенъ рисунокъ стараго замка, составленный профессоромъ *Бротце* по описанію его въ лѣтописи *Iurgensheim'a*. *Narb.* IV, 276, V, 563, VI, 56. *Rubon.* III. 1843 г. с. 25.

178) *Коялович* II, 52. *Narb.* V, 563. Около этого времени, именно въ 1396 году, заняли нѣкоторыя Оршанскія волости и самую Оршу, будто бы съ согласія Юрія Святославича князя Смоленскаго, бояре его, которые вскорѣ были изгнаны. Въ это время проживалъ въ Оршѣ какой то князь Иванъ Михайловичь, покровительствовавшій этому нападенію бояръ Смоленскихъ. Взятый съ оружіемъ въ рукахъ въ Оршѣ, гдѣ онъ имѣлъ и домъ свой, казненъ былъ смертію, домъ сожгли, жену и дѣтей отвезли въ Литву. *Карамз.* V пр. 254.

179) *Kotzebue:* Switrigil ein Beitrag etc. Leipzig 1820 несправедливо утверждаетъ, что Свидригелло уволенъ былъ изъ плѣна какими то князьями — это относится къ 1418 г.; несправедливо также предполагаетъ, что во время осады Орши Свидригелло находился въ обозѣ Юрія Святославича: Свидригелло былъ уже въ плѣну, а Юрій въ Заславлѣ; наконецъ несправедливо и третье предположеніе, что Ягелло принужденъ былъ щедро надѣлить Свидригеллу, сдѣлавшаго смѣлое воз-

станіе; Ягелло сдѣлалъ это изъ великодушія и по любви къ роду своему. *Narb.* V, 585.

180) Между прочими въ спискѣ Литовскихъ городовъ, исчисленныхъ въ актѣ возведенія Свидригеллы на Литовскій престолъ изъ Бѣлорусскихъ въ нынѣшней Могилев. губ. поименованы слѣдующіе: Гомель, Кричевъ, Могилевъ, Тетеринъ, Чечерскъ, Хотимскъ, Мстиславль, Орша, Друцкъ, Лукомль, Обольцы. Но въ лѣтописи XIV вѣка, приводимой *Шлец.* въ Geschichte von Lithauen поименовано еще болѣе, именно: 1) города принадлежавшіе къ Кіеву: Чечерскъ, Тетеринъ, Попова Гора, Пропойскъ, Гомель, Могилевъ, Быховъ, Рогачевъ, Стрешинъ; 2) города, принадлежавшіе Литвѣ: Друцкъ, Орша, Лукомль, Обольцы, Микулинъ, Кричевъ, Осѣченъ, Рясна; 3) городъ принадлежавшій Смоленску — Мстиславль, см. *Мог. Губ. Вѣд.* № 49 за 1849 г.

181) *Narb.* III, 106.

182) *Narb.* VII, 127.

183) Предокъ князей Сапѣговъ, основатель бывшаго Черейскаго Православнаго монастыря, на мѣстѣ котораго теперь стоитъ каменная приходская церковь, основанная Иваномъ Сапѣгою.

184) Вѣроятно въ это время, или когда Свидригелло проходилъ чрезъ Вильну, вышелъ изъ плѣна Мстиславскій князь Юрій.

185) *Narb.* VII, 169—178.

186) *Narb.* VII, 214, 219.

187) Герасимъ былъ сожженъ въ Витебскѣ на большомъ камнѣ, называвшимся *Жидовскимъ* и лежавшимъ подъ Замковой Горой.

188) *Natb.* VIII, 41.

189) Мог. Губ. Вѣд. № 2 1850 г.

190) Въ Оршѣ и Чериковѣ эти храмы сгорѣли; въ Могилевѣ же Ильинская церковь, построенная Казиміромъ, перенесена на другое мѣсто; всѣ храмы были построены около 1460 г.

191) Къ числу событій этого времени относятся слѣдующія: 1) въ 1455 году убитъ татарами князь Баба, сынъ Друцкаго князя Ивана Бабы. 2) Въ Мстиславлѣ княжилъ въ это время Иванъ Юрьевичь, котораго сынъ Иванъ извѣстенъ лишь по одной грамотѣ, пожалованной имъ въ 1463 году Мстиславскому Троицкому Собору, построенному имъ самимъ о семи престолахъ. Сынъ его Михайла Ивановичь былъ послѣднимъ княземъ Мстиславскимъ, имѣлъ двухъ сыновей изъ которыхъ одинъ умеръ въ младенчествѣ, другой же выѣхалъ въ Москву. Вдовствующая его супруга Василиса титуловалась: княгинею Мстиславскою Божіею милостію и съ дозволенія Господаря нашего Великаго Короля Сигизмунда—см. *Бѣлорус. архивъ Григоровича* Москва 1824 г. ч. I. Въ 1494 году Мстиславль уступленъ Россіи, послѣ возвращенъ, и въ 1538 г. подчиненъ Старостинскому управленію, первымъ старостою былъ князь Иванъ Соломорецкій. 3) Въ 1473 году выѣхалъ въ Москву изъ Литвы князь Лукомскій Иванъ, бывшій, по мнѣнію *Карамз.*, потомкомъ Владиміра Св.

192) Въ началѣ XVI вѣка Рогачевъ принадлежалъ Пинскимъ князьямъ, въ чемъ удостовѣряетъ грамота 1509 года, которою послѣдній изъ князей Пинскихъ Федоръ Ярославичь и супруга его Елена, на случай безпотомной смерти, завѣщеваютъ королю Сигизмунду города: Пинскъ, Клецкъ, Давидгородокъ, Рогачевъ и Вядо; потому Рогачевъ вскорѣ взятъ на казну. *Balinski: Starozyt. Polska.* III.

193) *Нарбутъ* производитъ родъ князей Острожскихъ отъ князей Друцкихъ.

194) *Narb.* VIII § 1958.

195) Нынѣ все мѣстечки въ Быхов., Чериков. и Рогачев. уѣздахъ Могилевской губерніи.

196) Александръ отдалъ въ пожизненное владѣніе супругѣ своей королевѣ Еленѣ Іоанновнѣ, кромѣ Бреславля и имѣній въ собственной Литвѣ, еще слѣдующія мѣста въ нынѣшней Могилевской губерніи: Княжичи, Тетеринъ въ Могилев. уѣз., Смоляны въ Копыс., Чечерскъ въ Рогачев., и еще замокъ Попову Гору, Городище и Лосище въ Гомель уѣз. На нихъ привиллегія: Actum et datum in Grodno Sabato proximo post festum S. Bartalomaei. Anno 1501; и еще кромѣ этихъ королева Елена имѣла въ пожизненномъ владѣніи Могилевское Староство; на которое привиллегія Actum et datum Vilnæ feria tertia post festum Circumcisionis Domini Anno 1503. *Narb.* IX, 62.

197) *Narb.* IX, 27 sq.

198) Одровъ беретъ начало въ Сѣнинскомъ уѣздѣ, и, протекши 25 верстъ, въ Оршанскомъ впадаетъ въ Днѣпръ.

199) *Герберштейнъ* въ R. M. C., говоритъ что сраженіе началось въ 4,000 шагахъ отъ Орши, Россіяне первые съ воплемъ начали дѣло.

200) *Narb.* IX, 135. *Карамз.* VII, 90 пр. 199.

201) *Narb.* IX, 196. *Карамз.* VIII, 100.

202) *Карамз.* VIII, 23. *Narb.* IX, 22.; въ *Синод. лѣт.:* «послаша (Псковичи и Новгородцы) Себѣжа новаго дѣлати 60 верстъ отъ Опочки, въ Петровъ день и конченъ бысть іюля 25 д., затвориша его и освящаша церкви Усѣкновеніе главы св. Іоанна, да придѣлъ св. Николы, да другой царя Константина, а священниковъ трей послали изъ Пскова.» Въ *Ростов. лѣт.:* «градъ поставили на Себежѣ, и Князь Великій приказалъ архіепископу Макарію священниковъ соборныхъ туда послати, а самому имя граду нарещи, и Макарій имя нарекъ *Иванъ-городъ на Себѣжѣ.*

203) Велижъ основанъ Барабашевымъ на старомъ Городищѣ въ 1536 г. 19 апрѣля, окончивъ крѣпость въ іюлѣ, сжегъ Витебскій посадъ.

204) Лѣсневольскій съ 1,500 поляками, укрѣпившись въ неприступномъ мѣстѣ, цѣлый день выдерживалъ аттаку 45,000 войска, которые, потерявъ 3,000 убитыми, наконецъ отступило. Это именно то самое дѣло, которымъ Іоаннъ, въ письмахъ къ Курбскому, попрекаетъ послѣдняго.

205) Въ *хронографѣ Толстаго* сказано что у царя было 400,000 войска!

206) *Кояловичъ.* Hist. Lit. 457.

207) Подъ начальствомъ Довойны командовали: Янъ Глѣбовичъ, Григорій Голубицкій, Петръ Дорогостайскій, Есьманы, Корсаки и еще нѣкоторые дворяне Полоцкаго воеводства, прибывшіе сюда при первой вѣсти объ опасности; былъ и отрядъ Поляковъ подъ начальствомъ Вержхлинскаго. *Narb.* IX, 371.

208) *Стрыйков.* пишетъ, что Іоанновы Татары умертвили и монаховъ Бернардиновъ (?).

209) Въ Полоцкѣ въ этомъ же 1563 г., Іоаннъ повелѣлъ учредить архіепископію въ честь этого древняго княжества и храма Софійскаго. Бывшій святитель Суздальскій Трифонъ Ступишинъ, постриженникъ св. Іосифа Волоцкаго, принялъ санъ Полоцкаго архипастыря.

210) *Стрыйк.* пишетъ, что Шуйскій былъ изрубленъ, а *Браденбахъ* въ *Hist. Belli Livon.* стр. 238: erat mortuus in puteo inventus. Первый увѣряетъ, что Литовцевъ было только 4,000 и Россіянъ 30,000, изъ которыхъ ушло только 5,000 раненыхъ. Браденбахъ говоритъ о 90,000 Россіянъ убитыхъ въ этомъ дѣлѣ, въ которомъ съ Литовской стороны пало будто бы только 20 человѣкъ! Въ выпискахъ Альбетранди изъ Ватиканской библ. находятся объ этомъ дѣлѣ письма Коммендони къ кардиналу Борромео изъ Варшавы.

211) *Bradenb.* 238.

212) *Жизнь кн. Андр. Михайл. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни.* Кіевъ 1849 г.

213) *Лѣт. Алекс. Нев.:* «іюля (1566 г.) поставленъ бысть городъ Усвятъ Озерецково повѣту . . . Того же

году дек. въ Полоцкомъ повѣтѣ по рѣкѣ по Дрысѣ, и Устьщевскаго устья городъ Соколъ, отъ Полоцка 30 верстъ, отъ Себѣжа 70, отъ Дрысы 25, отъ Копца 15... Мѣсяца августа (1567 г.) поставленъ бысть въ Полоцкомъ повѣтѣ за Двиною къ Виленскому рубежу на озерѣ на Сушѣ на острову, городъ; повелѣ же государь звати тотъ городъ Копіе, отъ Полоцка 70, верстъ, отъ Лепля 25, отъ Лукомля 20». *Карамз.* IX пр. 223

214) Послы Московскіе Колычевъ и Нагой предлагали, чтобы: 1) Полоцкая область со всѣми пригородами: Лепелемъ, Копцемъ, Дрысою, Вороначемъ или Воронцемъ, Улою, Соколомъ до Витебска и Виленскаго рубѣжа осталась за Россіею, требовавшей и всей Ливоніи по правой сторонѣ Двины,—2) Чтобы король именовалъ царя Полоцкимъ, Смоленскимъ и Ливонскимъ. Послы выѣхали изъ Гродна 19 августа.

215) Въ *Лѣт. Алекс. Нев.* 1565 г.: «іюля 12» писалъ изъ Смоленска бояринъ П. В. Морозовъ «приходили Литовскіе люди изъ Витебска и изъ Сурожика (Сурожа) въ Щуческую волость, Бирюлька да Суходольскій а съ ними 1,500 человѣкъ, и тѣхъ наши побили и взяли князя Сергія Лукомскаго. А въ другомъ мѣстѣ: Литовскіе люди приходили въ Иванов. станъ, Мстиславцы и Кричевцы, въ головахъ Мстиславскій Хорунжій, а съ ними 1,200 человѣкъ, и тѣхъ побили іюня 17-го; писалъ изъ Рославля Ф. Образцовъ, что приходили Литовскіе люди Иванъ Лычко съ 700 чел. и тѣхъ на рубежѣ побили, и Лычка самаго взяли. «Писали изъ Полоцка бояринъ кн. Андрей, Ив. Ногтевъ, Ив. Воронцевъ, что посылали они за Литов. людьми, которые громили на Полоцкой дорогѣ... и по-

били ихъ за 40 верстъ отъ Полоцка, и голову ихъ Ив. Кота взяли. *Kojałow*. 473. *Narb*. IX, 465.

216) *Narb*. IX, 430. *Bielski*. 622. *Kojałow* 478.

217) *Акт. Арх. Экспед*. I. № 275. *Narb*. IX, 436. *Kojałow*. 483.

218) Но въ этомъ письмѣ не именовалъ Іоанна: Царемъ, Великимъ Княземъ Полоцкимъ и Смоленскимъ и Государемъ Ливоніи — титулами, которыхъ сильно домогался Іоаннъ; слѣдовательно война была неизбѣжна.

219) Польскій писатель *Жегота Онацевичъ* предпринялъ важный трудъ — переводъ на Польскій языкъ огромнаго сочиненія кардинала *Альбетранди* объ исторіи Польши, и въ 1849 г. издалъ весьма любопытное описаніе Альбетранди царствованій Генриха Валуа и Стефана Баторія: *Albetrandiego* panowanie Henryka Walezyusza i Stefana Batorego. Kraków 1849 г.

220) Тамъ же, стран. 102.

221) R. *Heidensteinii:* Secr. de Bel. Moschovit. Comment. въ *Rerum. Moscov. Auct*. 328.

222) *Карамзинъ* И. Г. Р.

223) Манифестъ, написанный по-латыни, кажется, самимъ Королемъ, переведенъ былъ на языки Польскій, Нѣмецкій и Венгерскій, чтобы понятъ былъ воинами этихъ націй, составлявшими Стефаново войско. Латинскій текстъ приводитъ *Гваинни* въ Rerum Polonicarum T. I. pag. 203 и еще *Sistorius* въ своемъ собраніи актовъ III p. 118. Манифестъ замѣчателенъ

еще какъ образецъ чистоты Латинскаго языка и слога.

224) *Карамзинъ*. И. Г. Р.

225) *Albetrandi*. стр. 113—116.

226) *Albetrandi*, 116.

227) Тамъ же.

228) *Карамзинъ* И. Г. Р. — говоритъ, что въ Полоцкѣ было мало войска; ибо Царь не ожидалъ сильнаго нападенія на Литовской границѣ думая, что театромъ непріятельскихъ дѣйствій будетъ Ливонія. Въ *Разряд. кн.*: «Въ Полоцкѣ воеводы худы, людей мало.» см. также *Виеліов*. XIV, 361. Число войска Стефанова также неизвѣстно.

229) Изобрѣтеніе которыхъ приписываютъ самому Стефану, употребившему ихъ впервые при аттакѣ на морской маякъ подъ Данцигомъ.

230) Тамъ же: «Полтескъ Король взялъ измѣною, потому что измѣнники Воеводы, что были худы, а милы имъ были жены.»

231) *Станиславъ Пахоловицкій* топографъ при походной канцеляріи Баторія, сдѣлалъ карту Полоцкаго воеводства, о чемъ см. *Карта военныхъ дѣйствій между Русскими и Поляками въ 1579 году* и *тогдашніе планы города Полоцка и окрестныхъ крѣпостей*. Санктпетербургъ. 1837 г. и еще *Журн. Мин. Нар. Пр.* № 8. 1837 г. Первая ландкарта носитъ титулъ: Descriptio Ducatus Polocensis. *S. Packolowic*. Ниже:

Jan Baptista *de Cavallariis* Romae tipis aeneis incidebat. A. D. 1850. Вверху гербъ королевства Польскаго и гербъ Баторіевъ: волчьи зубы, въ честь которыхъ помѣщены стихи, написанные *Тетрою*. Вверху краткая исторія Полоц. княжества. Мѣстность и рѣки довольно вѣрны. Вторая карта: Obsidio et expugnatio munitiss. arcis Polocensis per Sereniss. Stephanum Poloniae Regem. Ниже: Obsessa XI aug., capte XXX ejusd. anni M.D. LXXIX; внизу: Polotia ex duabus arcibus superiore ac sclopetariorum oppidoq. Zapolota constans, ita situ loci propugnaculis ac in primis bombardorum apparatu, pulvere, globis, commeata, militum praesidio munita et instructa, ut merito non Moschoviae sed totius Septemtrionis firmissimum propugnaculum existimaretur, obsessa a Serenissimi Poloniae Rege Stephano Augusti XI et Moschis strenue defendentibus ererpta XXIX ejusd. An. D-i MDLXXIX. Прочія шесть картъ представляютъ планы и виды крѣпостей Туровли, Ситны, Козіанъ, Краснаго, Суши и Сокола.

232) *Бѣльскій*, на основаніи общепринятой молвы, говоритъ, что какой-то котляръ, Львовскій уроженецъ, котораго *Нѣсецкій* называетъ *Вонсомъ* (Wąs) успѣлъ съ котельчикомъ, наполненнымъ раскаленными угольями, подкрасться подъ башню, и зажечь ее. Достовѣрность этого событія подтверждается еще тѣмъ, что онъ, будучи возведенъ за этотъ подвигъ въ дворянское достоинство, названъ *Полотынскимъ*, и пожалованъ гербомъ, изображеніе котораго имѣетъ связь съ описываемымъ событіемъ.

233) *Żegoty Onacewicza:* Albetrandiego panowanie Henryka Walezyusza i Stefana Batorego. Kraków. 1849 r. 88—125

234) Невельское озеро во время Баторія называлось *Витовтовымъ*. Въ части Рогачевскаго уѣзда, смѣжной съ Минскою губерніею, поселяне еще и теперь указываютъ *Витовтову дорогу*, обозначающуюся гатями по болотамъ, просѣками въ лѣсахъ, и многими урочищами, какъ напр, колодцами, называемыми *Витовтовыми*. Баторія, Бѣлоруссы называютъ *Батурою*. Близь Невеля у деревни *Гульцлевъ*, гдѣ живутъ Панцырные бояре, подъ *Межевомъ* на полуостровѣ озера Нещерды, находятся и нынѣ слѣды мостовъ и накатовъ, проложенныхъ по болотамъ чрезъ лѣса дремучіе, которые народъ и донынѣ именуетъ *Баторинскими мостами*; на границѣ уѣздовъ Себѣжскаго и Невельскаго есть село *Баторино*. Подъ Полоцкомъ мѣсто на Двинѣ, гдѣ переправился Баторій, и до нынѣ называется *Баторикомъ*. Въ Борисовскомъ уѣздѣ есть урочище, называемое *Станъ-Король*: мѣсто, гдѣ отдыхалъ и обѣдалъ Стефанъ Баторій. О слѣдахъ Витовтовыхъ дорогъ въ Минской губерніи см. у *Eust. Tyszkiewicza*: Zarys powiatu Borysowskiego etc.

235) Въ Леппел. уѣздѣ Витеб. губ.

236) Для спасенія этого древнаго дипломатическаго обычая послы Іоанновы, прибывъ въ Суражъ, старались подкупить тамошнихъ королевскихъ чиновниковъ, чтобы они силою доставили ихъ къ Стефану.

237) Послѣ взятія Невеля только одно Езерище оставалось еще въ рукахъ Россіянъ, но тамошній гарнизонъ, во время пребыванія Короля въ Невелѣ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ, избѣгая безполезнаго кровопролитія, сдалъ замокъ добровольно Виленскому воеводѣ Радзивиллу, который и принялъ его именемъ Короля.

238) Если *Гейденштейново* описаніе этой болѣзни вѣрно, то она была не что иное, какъ грипъ. Во все время болѣзни, продолжавшейся до весны, Король находился въ Полоцкомъ Спасскомъ монастырѣ.

239) Поводъ къ этому слѣдующій. Въ то время въ Европѣ и вособенности въ Германіи господствовало мнѣніе, что жиръ человѣческій имѣетъ способность исцѣлять тяжкія раны. Нѣмцы, служившіе въ войскѣ Баторія, дѣйствительно вырѣзывали у нѣкоторыхъ мертвыхъ жиръ, конечно безъ вѣдома Короля, а тѣмъ болѣе его приказанія.

240) Ягелло, жалуясь на магистра Цолнера, въ войскѣ котораго находились жители Полоцкаго и Смоленскаго княжествъ, называетъ ихъ схизматиками: «Per exercitus suos de Livonia, adjunctis sibi quibusdam schismaticorum exercitibus, videlicet de Ploczsko et Smolensko, a nostra subjectione per ipsum revocati et nobis rebellantibus etc.» *Dogiel:* C. D. P.

241) Въ грамотѣ 1420 года, жалующей землю Католическому Костелу въ Брестѣ возлѣ Николаевской Церкви, сказано: «in penes *Synagogam* Ruthenicam Mikula.» *Narb.* VI. прибавленіе IV стр. 34.

242) *Kwiatkowski:* Hist. de Schism; *Kulesz:* Wiara Prawosł. 162. Инквизиція въ Испаніи учреждена только въ 1479 г. *Narb.* VII. 206.

243) *Dogel:* Cod. Diplom. Regn. Polon. VI. p. 1102, 1104.

244) *Maciejowski:* Polska do pierwszej połowy wieku XVII IV. 102.

263) Тамъ же 453.

264) *Kochow:* Clim. II. 520 — это событіе описываетъ иначе: будто бы 2,000 отрядъ Россіянъ обманомъ вызванъ былъ (едва ли) за городъ и истребленъ тамъ до единаго. Правдоподобное описаніе этой рѣзни въ *Мог. Губ. Вѣд.* за 1851 г. — только невѣроятно, чтобы русскихъ было 7,000! Въ нѣкоторыхъ источникахъ ихъ показано только 600 — и это число думаемъ, самое справедливое. Ссора началась съ торговками калочей, и бургомистръ Іосифъ Леоновичь, заслышавъ условленный крикъ ихъ, выбѣжалъ съ мечемъ изъ Ратуши, и закричалъ: *пора, пора*!—слово, пожалованное ему въ прозваніе при возведеніи за этотъ поступокъ въ дворянское достоинство (*пора* — Леоновичь). Избіенныхъ Москвитянъ похоронили на Самусевой горѣ, въ урочищѣ Костернѣ и въ грязной ямѣ у Покровской богадѣльни. Члены Магистрата: П. Казановичь, Д. Леоновичь, В. Леошкевичь; ратманы: Е. Шимкевичь, А. Фалькевичь и писарь А. Кликуновъ лично представили въ Варшаву въ цѣпяхъ русскихъ: воеводъ С. Горчакова, М. Полікутова, стрѣлецкаго голову С. Чекина и другихъ. Могилеву пожалованы новыя преимущества, сравненъ ими съ Вильною, столицею Литвы; а члены Магистрата возведены въ дворянское достоинство.

265) *M. Krejew.*, I. 245.

266) Дисен. уѣз. Мин. губ.

267) У Хованскаго было 18,000 войска и 17 орудій.

268) *Kochow* Clim. III—93.

269) Ист. Малой Рос. ч. II. 72—77.

270) Могилев. Губ. Вѣд.

271) Н. *Устрял.* Р. И. II. 99. sq.

272) Н. *Устрял.* Р. И. IV. 27. *Г. Конисскій:* Исторія Руссовъ или Малой Россіи. Москва 1846 г.

273) *Устряловъ.* IV. 29.

274) Правители Полоцкой области появляются подъ именемъ воеводъ около 1500 года. Въ 1569 г. подробно опредѣлены права воеводъ Полоцкихъ, которые избираемы были обывателями, представлявшими Королю двухъ кандитовъ. За воеводою слѣдовалъ Каштеланъ, оба они пользовались сенаторскимъ достоинствомъ. Мѣсто Полоцкихъ воеводъ въ Сенатѣ, назначено было послѣ Люблинскаго воеводы, слѣдовательно весьма высокое. Воеводство Полоцкое имѣло право посылать по 2 депутата на главный Сеймъ и въ Великій Трибуналъ Литовскій. Сеймикъ производился въ Полоцкѣ. Гербъ воеводства: всадникъ въ бѣломъ полѣ. Здѣсь было только одно староство Езерище, платившее въ казну 19,250 зл. кварты. Казимиръ Ягеллонъ причислилъ Полоцкъ къ важнѣйшимъ городамъ Литовскимъ, съ которыми, грамотою 1444 г., уравнялъ его правами и преимуществами.

275) Витебскіе воеводы упоминаются около 1506 г.; гербъ Воеводства: по зеленому знамени всадникъ въ Красномъ полѣ. Витебскъ причисленъ къ числу 15 важнѣйшихъ городовъ Литовскихъ грамотою Казимира Ягеллона, данною въ Брестѣ 1441 году, которою онъ пожаловалъ городу разныя права и преиму-

щества наравнѣ съ важнѣйшими городами Литовскими. Сигизмундъ III еще болѣе расширилъ права города въ 1597 г. и даровалъ гербъ Витебску: по голубому полю образъ св. Вероники съ краснымъ мечемъ надъ нею. Здѣсь были слѣдующія староства: Сурожское, Усвятское, Любошанское, Оршанское и самое обширное Велижское (кв. 21,508 зл. п.)

276) Мстиславское воеводство учреждено съ 1569 г., со времени Люблинскаго Сейма. Административное устройство и права воеводствъ Полоц., Витеб., и Мстислав. были одинаковы. Гербъ Мстислав. воевод.: всадникъ по золотому полю. Мстиславлю даровано Магдебургское право только 16 августа 1634 г.; Могилевъ же получилъ малое Магдебурское право еще при Сигизмундѣ-Августѣ въ 1561 г., и большое при Баторіѣ 28 генваря 1578 г. Привиллегіи гражданъ Могилева были вособенности распространены Владиславомъ IV, проживавшимъ здѣсь нѣсколько во время Московскаго похода, и благоволившимъ къ жителямъ за пособіе оружіемъ, военными снарядами и съѣстными припасами. Въ Мстиславскомъ воеводствѣ было только два староства: Мстиславское и Кричевское. Пропойскъ, Рогачевъ, Чегерскъ и Гомель были тоже староствами, изъ которыхъ самыя обширныя Кричевское и Гомельское: первое платило кварты 28,272 и гиберны 10,300 зл. т.; а второе 20,752 зл. п. кварты.

277) Эта страна была чрезвычайно лѣсиста съ населеніемъ разбросаннымъ на большомъ пространствѣ. Въ замкахъ: Динабургѣ (Dynembork, Düneburg), Люценѣ (Ludsen, Luitzen), Маріенгаузѣ (Margenhaws; Marienhaus) и Рѣжицѣ (Rositten, Рѣзище) во времена Ордена проживали Нѣмецкіе Фохты, управлявшіе окрестностями замковъ, соединявшихся между собою боль-

шими дорогами, *трактами;* отсюда и подраздѣленіе этой страны на тракты. По присоединеніи къ Польшѣ, въ замкахъ мѣсто фохтовъ заняли старо́сты, но административное раздѣленіе не измѣнилось. Гербъ Лифляндскаго воеводства: по красному полю бѣлый грифъ съ короной на главѣ приподнявшійся на заднихъ ногахъ, въ правой лапѣ мечь, на груди буквы S. A. (Stanislaus Augustus). Здѣсь было четыре староства Маріенгаузское, Динабургское, Люценское и Рѣжицкое.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	строка.	Напечатано:	Должно быть:
1	17	аримаспы	Аримаспы
«	«	грипы	Грипы
5	26	славяне	Славяне
18	5	Полянъ,	Полянъ
19	17	дрягва	дрегва
21	29	Родимичи	Радимичи
23	9	Туравское	Туровское
37	13	Нимана	Нѣмана
54	3	попытка	попытка
59	5	орденъ рыцарей	Орденъ Рыцарей
«	6	храмоваго ордена	Храмоваго Ордена
60	22	русскіе	Русскіе
61	18	выновникомъ	виновникомъ
62	11	имъ	ими
64	22	въ канунъ	наканунѣ
65	19	поспѣшитъ	поспѣшилъ
71	16	вымышленныхъ,	вымышленныхъ
«	«	ими же,	ими же
73	11	могуществу,	могуществу
75	4	Самый	самый
«	25	Тройнату,	Тройнату
76	16	спряведливое	справедливое
78	18	Тевтовиллу,	Товтевиллу
«	21	Тавтивилла	Товтевилла

79	26	Стикленду	Стикленду́
81	2	1256 г.,	1256 г.
84	25	Утянскій (надъ Двиною)	Утянскій
85	15	спѣшили	спѣшилъ
89	8	мало по малу,	мало-по-малу
93	28	Ягеллу,	Ягеллу
94	11	Полочане,	Полочане
«	13	зявъ	взявъ
95	4	заслуженный	служившій
101	20	провѣдавъ,	провѣдавъ
107	32	вышедъ	вышевъ
110	13	Перемыщль	Перемышль
113	22	Литвы,	Литвы
«	23	Ольгердова,	Ольгердова
«	«	внука	внука,
114	12	остлся	остался
124	4	Литву,	Литву
138	25	1837 г.,	1537 г.
139	3	Голодно	Городно
«	6	1549 г.,	1549 г.
143	8	Король	Король,
«	16	Палицкимъ	Палѣцкимъ
«	18	и,	, и
150	23	намѣривающійся	намѣревающійся
154	14	порасудилъ	порасудивъ
167	4	Диниѣ	Двинѣ
173	13	время	времени
«	18	церкви	церквѣ
183	9	Витовъ	Витовтъ
184	19	который	которою
196	«	1851-й годъ	1851-й годъ
198	8	ни	и
199	3	возвралитъ	возвратилъ
203	14	(242).	(243).
206	2	велѣлъ	велѣно
209	28	Бабруйска	Бобруйска
213	4	Рѣчи	Речи
216	«	1664-й годъ	1654-й

219	«	1856-й годъ	1656-й
222	17	Сланима	Слонима
229	29	Кудсиковичь	Кудеиковичь
237	3	Рѣчь	Речь
238	29	Маріенгузскій	Маріенгаузскій

Порядокъ въ номеровкѣ примѣчаній въ текстѣ нарушенъ дважды: вмѣсто прим. 64-го поставлено 62-ое, вмѣсто 83-го стоитъ 79; потому, чтобы сличить примѣчанія текста съ примѣчаніями въ концѣ книги, слѣдуетъ къ первымъ прибавлять:

съ 62-го включительно до 79-го — по 2.
и съ 79-го до конца — по 4.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DUE JAN 23 '68

DUE APR 21 '44

WIDENER

MAY 1 1 1999

APR 2 1

BOOK DUE

CANCELLED